

Франсуаз Эритье, Борис Цирюльник, Альдо Наури, Маргарита Ксантаку, Доминик Вриньо.

ИНЦЕСТ ИЛИ КРОВОСМЕШЕНИЕ

Перевод с французского *Наталья Попова Игорь Попов.*

В оформлении книги использовано полотно *Симона Вуэ* «Лот с дочерьми».

*Издание осуществлено в рамках программы «Пушкин» при поддержке Министерства Иностранных
Дел Франции и Посольства Франции в России.*

*Ouvrage realise dans le cadre du programme d'aide a la publication Pouchkine avec le soutien du Ministere
des Affaires Etrangeres francais et de l'Ambassade de France en Russie*

ISBN 5-88113-008-1

© Editions Odile Jacob, 1994 © Наталья Попова, «Кстати», 2000.

ФРАНСУАЗ ЭРИТЬЕ

ОБ ИНЦЕСТЕ, ВАМПИРАХ, КАННИБАЛАХ И БЕССМЕРТИИ

ОБ ИНЦЕСТЕ, ВАМПИРАХ, КАННИБАЛАХ И БЕССМЕРТИИ

В своей книге «Две сестры и мать» (1994) я приводила многочисленные тексты историков и этнологов, свидетельствующие о том, что с незапамятных времен существовал запрет на сексуальные отношения, в результате которых через посредника в контакт вступают кровные родственники. Подобный сексуальный контакт я называю «инцестом второго типа».

Если инцест первого типа означает прямые сексуальные отношения между кровными родственниками, то инцест второго типа не означает прямого контакта. То есть это не тот случай, когда, например, сын спит со своей матерью.

Инцест второго типа совершается тогда, когда, к примеру, дочь вступает в интимный контакт с матерью, если она при этом спит с собственным отцом или отчимом или когда мать спит с зятем.

Хеттские и шумерские таблички, греческие тексты, предписания, содержащиеся в Библии и Коране, римские законы, гражданские кодексы и католический канон четко формулируют этот запрет. По моим наблюдениям, он существует также у жителей Самоа, а другие этнологи сталкивались с ним на острове Бали и на Мадагаскаре.

Этот запрет не позволяет двум сестрам или матери с дочерью иметь половые отношения одновременно и в одном и том же месте с одним и тем же мужчиной. В данном случае речь идет действительно о полном тождестве участниц такой связи, потому что они принадлежат к одному полу, у них общий исходный материал, одни и те же составляющие и они выношены в единой утробе.

Отметим различие: в связи мать—сын есть несоответствие полов; такое же несоответствие особенно ощутимо в связи отец — дочь, потому что между ними вдобавок есть еще и посредница — женщина.

Я объясняю такой тип инцеста смешением категорий тождественного и различного, которые я считаю принципиальными. Эти категории возникли с появлением рода человеческого. Они придают свой смысл окружающему нас миру и особенно природному различию полов.

Когда человек впервые задумался о самом себе, прежде всего он должен был обратить внимание на

анатомическую и физиологическую разницу полов, благодаря которой он познал важнейшие категории тождества и различного. Эти категории позволили ему вырабатывать последующие концептуальные подходы и развивать познания, позволявшие постигать открывающийся ему мир и преобразовывать его.

Гармония в мире всегда и повсеместно зависит от равновесия в нем тождественного и различного. Запрет на инцест — это не что иное, как отторжение от себя подобного и осознание, что для человека пагубно слияние с себе подобным.

И напротив, инцест мог бы считаться позволительным только в такой цивилизации, где совпадение тождественностей воспринималось бы как благо. Мне возражали, что некоторые племена американских индейцев охотно допускают союзы с матерью и дочкой или двумя сестрами. В ответ я могу сказать, что так поступают не только индейцы. Но любое общество, практикующее подобные отношения в своей системе представлений, должно отдавать приоритет совпадению тождественностей.

Запрет на инцест второго типа, наиболее ярким примером которого являются половые отношения матери и дочери с одним и тем же мужчиной, отражает как раз стремление избежать чрезмерной тождественности.

В своей книге «Две сестры и мать» я занималась в основном теорией инцеста. А в этой книге публикуются работы практиков, которые в своей повседневной работе сталкиваются со страданиями и психологическими отклонениями, вызываемыми инцестом.

Нейропсихиатр и этолог Борис Цирюльник, педиатр и психоаналитик Альдо Наури, судья по делам несовершеннолетних Доминик Вриньо и этнолог Маргарита Ксантаку, работающая в Греции, рассказывают о своем клиническом, юридическом и антропологическом опыте. И, как можно понять, занимающая меня проблематика тождественного и различного помогает разяснять те конкретные случаи инцеста, с которыми им довелось встретиться в своей практической деятельности.

Альдо Наури настойчиво подчеркивает, что сама взаимосвязь, существующая между матерью и ребенком, по своей природе инцестуозна. Беременность представляется ему крайне двойственным процессом. Мать совершенно разумно полагает, что процесс вынашивания заканчивается, как только ребенок появляется на свет. Однако на самом деле она примиряется с этим с огромным трудом и старается удовлетворить и предупредить все потребности и желания своего ребенка, как это было, когда плод развивался в ее утробе. Это предположение о двойственности процесса беременности можно принять, если допустить, что беременность в основе своей — это воспроизведение тождественного самому себе.

Чтобы противостоять притягательной силе тождественного, требуется включение отца, утверждает Альдо Наури. Это необходимо, чтобы ребенок начал жить своей автономной жизнью. Альдо Наури уверяет, что наши социальные роли, которые мы исполняем в обществе, воспроизводят двойственный характер беременности.

Поэтому, с одной стороны, мы уже не можем восторгаться чрезмерной материнской заботой и любовью, потому что тем самым поощряем инцест как таковой. С другой стороны, если отец отсутствует или не справляется со своей ролью, государство берет на себя отцовскую функцию, чтобы воспрепятствовать слиянию тождественностей и установить необходимую дистанцию между матерью и ее ребенком.

Во Франции государство все больше и больше подменяет собой отца. И оно сделало все для того, чтобы это стало реальностью, считает Альдо Наури. Если до 1970 года отец по закону считался главой семьи, то это как раз помогало уравновесить ту особую роль, что природа даровала матери в отношении ребенка, которая вынашивает его и производит на свет.

Сегодня оба родителя считаются у нас главами семьи и даже у одного из них больше прав, чем у второго, потому что отец не будет считаться отцом, пока таковым его не назовет мать, а он не согласится

занять это место. И это может оказывать свое негативное воздействие на внутрисемейные отношения. Поэтому не приходится удивляться, что судья Доминик Вриньо, рассказывающая о своей повседневной судебной практике, все чаще сталкивается в ней со случаями инцеста.

Сегодня возникла необходимость повторять и повторять родителям: «Воспитывать ребенка — это прежде всего уметь отделяться от него». Следовательно, гармония в наших семьях, а значит и в обществе, зависит от нашей способности устанавливать дистанцию между однородными и сближать разнородных.

Однако закон имеет тенденцию занижать отцовскую роль. И судья приводит пример, когда в ответ на ее замечание, сделанное биологическому отцу ребенка: «Вы же отец и должны выполнять свои обязанности», ей отвечает мать: «Родительская власть принадлежит только мне и никому другому». После этого нельзя не усомниться в регулирующей функции нашего судебного права.

Ни в коем случае не призывая сократить социальную помощь матерям-одиночкам, следует все же отметить, что французская налоговая система делает выгодным непризнание отца. Ведь если отец признает ребенка и юридически считается членом семьи, мать, воспитывающая ребенка в одиночку, перестает получать пособие. Упразднение отцовского авторитета и замена его родительским авторитетом стирает необходимую разницу и тем самым создает проблему для нашей культуры.

Доминик Вриньо имеет все основания, чтобы судить о том, что такое излишек тождественного или «Я», помноженное на «Я». По ее мнению, общество, как и природа, не терпит пустоты. И если отец не выполняет больше своей роли, то есть устраняется или отказывается от выполнения своих обязанностей, или ему что-то мешает их выполнять, он должен быть кем-то замещен. И если его не подменяет государство, то этого ждут от самого ребенка. Все чаще и чаще детям предоставляют право самостоятельно принимать решения, касающиеся их судьбы. В юридическом и символическом плане их уравнивают с родителями, что также может отчасти объяснить рост случаев инцеста.

В своей книге «Две сестры и мать» я подчеркивала тождественность матери и дочери в случае возникновения инцестуозных ситуаций: судья Вриньо подтверждает эту мысль, приводя целый ряд подобных примеров. Когда мать можно отличить от дочери только по морщинкам вокруг глаз, а все остальные символические признаки, в том числе и одежда — абсолютно схожи, когда их социальные роли (забота о детях, младших братьях и сестрах) взаимно заменяемы и трудно распознать, где мать, а где дочь, то почему такое же смешение не будет происходить и в их сексуальных функциях? Когда мать и дочь начинают играть одну и ту же роль, никто не может сказать, как далеко это зайдет.

Недавно в одной из газет я прочитала статью, которая потрясла меня. В ней рассказывается о матери, которую избил собственный сын. Да, мать, в которой росту от горшка два вершка, избил сын, ростом метр девяносто. И эта история закончилась тем, что мать убила своего сына. Эта конфликтная ситуация, в которой дошли до насилия и убийства, завершилась столь трагично, потому что в семье не было отца, и постепенно старший сын полностью подменил его собой. Он стал строгим отцом для младших братьев и сестер и жестоким мужем для матери — то есть сын превратился в домашнего тирана.

Борис Цирюльник знает случай, когда сын выгнал на лестничную площадку отца за то, что тот включал слишком громко телевизор, а это мешало сыну слушать музыку. Еще отец мешал сыну тем, что слишком громко разговаривал. И единственное, что сделала в этой ситуации мать: она протянула мужу чемодан с его вещами и дала немного денег, чтобы он мог переночевать в гостинице.

Борис Цирюльник полагает, что семьи, где дети плохо обращаются с родителями, страдают от чрезмерной замкнутости и изолированности от внешнего мира. Из-за этого происходит подмена чувств и ролей.

Все это подтверждает мысль, давно известную этнологам и четко сформулированную Леви — Стросом: социальная функция запрета на инцест заключается в том, чтобы помочь женщине вырваться из

эмоционального заточения и дать ей возможность общаться с внешним миром и другими группами людей.

Сейчас, благодаря нынешним законам, даже вполне устоявшиеся родственные отношения могут оказаться размытыми и затушеванными. Так, любая супружеская пара имеет юридическое право усыновлять своих внуков. Иначе говоря, ребенок, усыновленный бабушкой и дедушкой, станет братом или сестрой для собственной матери.

Сейчас у нас во Франции возможна и такая ситуация: женатого и неразведенного мужчину суд признает сожителем в другом, неофициальном браке. То, что когда-то называлось банальным адюльтером и вызывало осуждение, теперь допускается самим законом. Неразведенный муж, не страшась огласки и позора, может иметь внебрачную, но официально признанную связь. Представьте себе, как трудно будет самоопределяться в отношении друг к другу детям этого отца, если одни из них родятся от законного брака, а другие — от свободного союза.

По сути, речь идет о признании двоеженства, хотя нет никаких оснований для поощрения внебрачных союзов и полигамии, которая пока еще запрещена французскими законами. Все это затрагивает и родственные связи, и супружество как таковое, и братские взаимоотношения.

Естественно, и в других обществах может существовать почва для подобной путаницы. У гуру, обычаи которых изучала Ариан Делюз, в одной песне рассказывается о том, как мать семейства хочет распорядиться выкупом, полученным за выданную замуж дочку: вместо того, чтобы потратить его на женитьбу сына, как это здесь принято, она намеревается приобрести вторую, более юную жену для своего мужа. Совершенно очевидно, что эта вторая жена должна занять место ушедшей из семьи дочки, а вовсе не падчерицы или невестки. В некотором роде это можно считать инцестом второго типа, который намеренно организуют в этой семье.

Этнолог Маргарита Ксантаку на примере реальных случаев из жизни греческой провинции Мани, собранных ею песен и рассказов о местных нравах, а также знаменитых мифов древней Греции дает точный и изящный анализ изучаемого ею инцеста второго типа, который передается из поколения в поколение.

Маргарита Ксантаку углубляет явную связь между инцестом и канибальством. Она показывает, как социальные условия подталкивают к инцесту близких родственников, когда безбрачие одного из них вынуждает остальных братьев или сестер также не вступать в брак, чтобы продолжать жить всем вместе. Благодаря ее тонким наблюдениям мы узнаем, что страшась возможного кровосмешения, люди понимают, что следует остерегаться, на первый взгляд, совершенно невинных жестов, а потому девушке не дозволяется пить из одного стакана вместе с замужней сестрой и ее мужем. Сегодня — смешение слюны, а завтра может произойти и более опасное смешение. Этнолог рассказывает о всевозможных вариантах инцеста второго типа и, в частности, гомосексуализма.

История Эдипа и его отца Лая — это тоже характерный пример двух инцестов второго типа, когда — после долгих и сложных перипетий — оба они оказываются втянутыми в кровосмесительную связь: один из них вступает в инцест через посредницу женского пола, а второй — через посредника мужского пола.

Ужасный в своей реальности, инцест второго типа предстает и в приводимых этнологом рассказах о сегодняшней греческой действительности, и в сказках, песнях, фантазмах разных социальных групп. Инцест второго типа обладает мощной притягательной силой. Ведь он порождается пресловутым желанием, обращенным на себе подобного. Все это заставляет нас вспомнить о понятии тождественного и противодействующих ему барьерах.

Немыслимый абсолютизм — это партеногенез. Леви-Строс отчетливо показал, что любое общество во все времена стремится оставаться абсолютно замкнутым, хотя сохранить эту замкнутость, естественно, не удается. Подобная замкнутость на себе может проявляться совершенно по-разному. Это могут быть изолированные и замкнутые семьи, которые приводит в качестве примера Борис Цирюльник. Но это может

быть и жажда самодостаточности во всех смыслах, в том числе и сексуальном, хотя при этом возможны редкие половые отношения и на стороне.

Стремлением к самозащите от партеногенеза можно объяснить и неодобрительное отношение к гомосексуализму. Я изучала запреты и на различные виды инцеста, и на гомосексуализм, и на зоофилию. Отмечу, что если развитие искусственных способов оплодотворения, в которых непременно участвует кто-то посторонний: донор, дающий свою сперму или овоцит, не столь опасно, то клонирование представляет собой серьезную угрозу. Здесь мы полностью замкнуты в идентичном, подобном себе, тождественном. И мечта о партеногенезе становится реальностью.

Точно так же как бессмертны однородные, то есть раковые клетки, не отражает ли влечение к партеногенезу стремление человека к бессмертию? Анализ

¹⁾ Партеногенез — девственное размножение. Вид полового размножения, при котором женская половая клетка размножается без оплодотворения. Естественный партеногенез характерен для многих беспозвоночных и некоторых растений. (Прим. изд-ва)

мифов американских индейцев и найденных Дениз Полм текстов о матери, пожирающей своих детей, подтверждает, что инцест соотносится с жаждой бессмертия, словно происходит процесс наслаивания одного желания на другое.

Если созидание в первую очередь отражает жажду бессмертия, то произведение на свет детей — особый вид созидания — в той мере, в какой родитель продолжает жить в своем ребенке, расплачиваясь за это собственной жизнью и распадом.

Для того чтобы удовлетворить свою жажду бессмертия немедленно, а не дожидаясь прошествия времени, есть два решения.

Одно из них содержится в мифе об Эдипе, в котором отец пытается убить сына, чтобы предотвратить собственную смерть.

И есть миф о Кроносе, который пожирает своих детей, как только они появляются на свет, дабы остановить время и избежать смерти.

Второе решение перекликается с толкающим на инцест стремлением удержать ребенка в своем лоне, чтобы он никогда не стал взрослым, а значит - и не умер, оберегая тем самым от смерти и своего родителя.

Стремление к бессмертию может проявляться и не в столь эгоистической и нарциссической форме, оно может иметь альтруистский и самопожертвенный характер. Ведь при изучении всех процессов, происходящих в человеческом теле, осознаешь тонкую диалектику жизни и смерти.

Вспомним также настоящую эпидемию вампиризма, которая охватила Европу в XVIII веке. Известно, что вампир — это мертвец, который выходит из могилы и сосет кровь живых людей, в отличие от привидения или демона, который овладевает телом умершего, чтобы преследовать живых. Итак, вампир возвращается в виде мертвого, но тела. И проблема заключается в том, чтобы довести его до распада и до состояния скелета, как и подобает умершему предку.

Хороший предок у некоторых обществ - это скелет умершего предка. Есть общества, в которых трупы сначала варят, а затем расчлняют, чтобы получить отполированный скелет.

А по христианской традиции умерший в нетронутom виде должен дожидаться последнего Суда и воскрешения. И его непозволительно расчлнять или анатомировать.

Дебатируется лишь вопрос: какого же возраста будут воскресшие тела? Потому что, как известно, трупы разлагаются, а кожа и плоть распадаются. Так что те, кто спасутся - воскреснут через Христа.

А почему, собственно, для каких-то народов хороший предок — это скелет? Потому что в системе

представлений этих обществ скелеты — все равно что капсулы, содержащие сперму, которая имеет ту же природу, что головной и костный мозг. И в этих обществах понимают, что культ предков — это всегда гимн живым поколениям и бессмертию «в себе», как говорят философы, а не «для себя», как в древних мифах, где пожирают собственных детей или пытаются обрести бессмертие извращенным способом, совершая инцест.

БОРИС ЦИРЮЛЬНИК

ПОЧЕМУ ДЬЯВОЛ НЕ ЧУВСТВУЕТ СЕБЯ ВИНОВАТЫМ

ПОЧЕМУ ДЬЯВОЛ НЕ ЧУВСТВУЕТ СЕБЯ ВИНОВАТЫМ

Больше всего меня поражает то извечное удивление, которое вызывает инцест у всех авторов, пишущих на эту тему. Всех и всегда ошеломяло существование инцеста, его довольно широкое распространение и разнообразные проявления в различных обществах. Фрейд в 1897 году был потрясен выводом: его «больные» нередко имеют кровосмесительные связи. А Светоний даже закат Римской империи объяснял расцветом всех видов инцеста в высших кругах римского общества.

Причем каждый человек уверен, что только его собственное представление об инцесте имеет право на существование. А все остальные, кто осмеливаются говорить об инцесте — либо извращенцы, либо невежды, либо лжецы, так как в случаях с инцестом запрету подвергаются не только деяния, но и разговоры о них.

Я и сам был изумлен, сделав следующее открытие: просматривая досье своих пациентов, я вдруг обнаружил, что полностью «забыл» о том, что они говорили мне о своих кровосмесительных отношениях с кем-либо из родственников. То есть слушая рассказ каждого из них, я безусловно удивлялся и записывал его, а позже — забыл, что удивительно само по себе. Тогда я попытался обсудить эту проблему с жертвами инцеста — некоторые из них написали книги, изданные большими тиражами¹⁾. Но почти все они отвечали: «Нет-нет, я не хочу говорить об этом...» что озна-

¹⁾ К примеру, Н. Швейгоффер. Мне было 12 лет. Париж, 1990. (Прим. автора)

чало: «Я хорошо знаю, что сам пережил, а до остальных мне нет дела». Возможна ли взаимосвязь между признанием в инцесте, забвением его ради избавления от гнетущего воспоминания о нем и чувством, которое вызывает представление о самом факте инцеста?

Что мы знаем об инцесте

Обзор огромной литературы, посвященной инцесту, позволяет сделать несколько выводов.

Прежде всего — о существовании инцеста как такового. Он возник одновременно с нашей историей, и свидетельства о нем обнаруживаются в различных вариациях на одну и ту же тему природной аномалии, на которую закон налагает запрет. Досадно лишь, что недавние изыскания в области генетического родства значительно снижают значимость работ тератологов и этнографов, которые больше всех порассказали нам об инцесте и поведали множество историй, весьма отличающихся друг от друга в зависимости от места действия и культуры страны.

Драма под названием «Инцест» развивается следующим образом. Уже в далеком прошлом, в отличие от животных, практикующих инцест, для человека не все союзы были позволительны. Некоторые из них издавна подлежат негласному запрету. Затем религия и гражданское законодательство полностью запрещают сексуальные отношения между близкими родственниками. Позднее кровосмешение объявляют преступлением из преступлений, заслуживающим самых страшных пыток и наказаний, и в первую очередь — кастрации. И сегодня педофилию и преступления на почве инцеста используют как аргументы для восстановления смертной казни: чувство негодования превращается в идеологическое оружие.

Все это заставляет утверждать, что инцест — это преступление против культуры и даже против природы, потому что дети, рожденные в результате инцеста — монстры. Эту мысль иллюстрируют существованием затерянных народов, древних цивилизаций или отщепенцев, которые практикуют инцест. При этом неизбежно называют фараонов, древних американских индейцев и прочих ужасных извращенцев.

Вот краткая история запретов: Моисеевы законы запрещали биологическую близость — «одна кровь, одна плоть, одна кость»; папе Григорию VI важнее генетики представлялись пороки, передаваемые в результате инцеста. Каноническое право той эпохи гласило: «Существует три категории незаконнорожденных: дети, рожденные вне брака; дети, рожденные в результате адюльтера; и дети, рожденные в результате кровосмешения». Последние считаются незаконнорожденными, потому что само незаконное появление на свет делает их от природы агрессивными. Медицинская наука, которая славилась своим высоким развитием в XIX столетии, утверждала что «кровосмесительные браки дают много уродов и ненормальных» (Меньер). Фрейд слово «биология» заменил выражением «естественный инстинкт, побуждающий к инцесту и вызывающий необходимость в законах, призванных бороться с этой дурной склонностью». Наконец, антропологи вместе с Клодом Леви-Стросом запрет инцеста объявили «главным шагом, знаменующим переход от природы к культуре».

Дидро в XVIII веке первым оспорил универсальность этого запрета, воспроизведя рассказы навигаторов в своей книге «Путешествие Бугенвиля», ну, а затем, конечно, британец Борис Малиновский, который получил известность благодаря утверждению, что в Тихом океане не существовало Эдипова комплекса.

Сегодня можно предложить другой рассказ об инцесте, составленный с помощью биологии, клинических исследований и истории.

Биологические исследования доказывают, что генетическая близость оказывается гораздо сильнее, чем предполагали ранее, и что она «граничит с инцестом». Однако если первоначальный генетический материал был здоровым, то и потомки не будут болезненными. Существуют отдельные изолированные группы населения, склонные к инцесту. Группы эти образовались вследствие политического решения: например, в пустыню были изгнаны брат с сестрой, но их потомки-туареги совершенно здоровы. Генетические исследования жителей острова Тристан да Куна, чье географическое расположение способствует эндогамии, не выявило никаких генетических заболеваний. Этого нельзя сказать о евреях-ашкенази из Нью-Йорка, подверженных болезни тай-сакс — ею страдали прародители этой популяции.

Медицинские обследования детей, рожденных в результате инцеста, выявляют высокую степень заболеваемости и смертности среди этих детей. Однако семиологический анализ их болезней показывает, что органические изменения вызваны скорее социальными причинами (обезвоживанием, истощением, инфекционными болезнями, несчастными случаями), чем болезнями, которые передаются генетическим путем.

Откуда же тогда этот страх перед чудовищем, которым издавна запугивают человечество все, кого тревожит существование инцеста, начиная с Моисея и Григория VI? Это проклятие, передаваемое из поко-

¹⁾ Аланганей, Н.Г. ван Бюргт, А-Санчес-Мазас. Все родственники и все непохожи. Париж, Музей человека, 1992.

²⁾ Ж-МЛегей. Биология популяций. Париж, Симе-Массон, 1985. 24

ления в поколение, внушает гораздо больший ужас, чем страх перед наследственными заболеваниями. И оно призвано внушать ужас перед инцестом. Есть ли польза от чувства ужаса, которое вызывает инцест? Этот вопрос возникает потому, что находятся люди, которые не поддаются ему — то ли в силу своего индивидуального развития, то ли оттого, что в культурном контексте, окружавшем их с детства, отсутствовали понятия и лексика, необходимые для формирования этого чувства ужаса.

Вспомним: морализатор Сад полагал, что запрет на инцест был одной из форм ничем не оправданного социального угнетения. Он предлагал практиковать инцест как доказательство любви: «Я осмеливаюсь утверждать, что инцест должен стать законом для любого правительства, основанного на братстве».

Что же до участников кровосмесительных актов, то они чаще-всего возмущаются тем, что правосудие и общество приходят к ним в дом и суют свой нос в их «прекрасную историю любви»... с собственной дочерью! Многие из них ссылаются даже на сексуальные желания своих детей, чтобы оправдать свои деяния.

Слово «инцест» означает сексуальные отклонения, которые по-своему проявляются в разных культурах. Но стоит его произнести, как оно вызывает настоящий ужас, словно кто-то сообща постарался придать ему отталкивающий и устрашающий смысл.

Между тем, мотивы инцеста можно найти и в Библии, и во всеобщей истории, во множестве романов и театральных пьес, в опере, в кино и в поэзии, и наши дети узнают о них, как о самых невинных историях, в то время как газеты, суды и различные ассоциации непрерывно рассказывают об отвратительных случаях инцеста, что лишь подогревает нашу ненависть к нему.

Так, наши дети проходят на уроках пьесу Мольера «Школа жен» (1662), где старый Арнольф в возрасте сорока двух лет намеревается жениться на своей семнадцатилетней воспитаннице, которую этот старикашка подобрал, когда ее покинули родители.

Но когда он хочет жениться на ней, эта дуреха — вместо благодарности — предпочитает другого, более молодого!

В том же 1662 году сорокалетний Мольер сочетается браком с Арманд Бежар, которой было всего двадцать лет. В XVII веке это было нормой. Женщины, чья средняя продолжительность жизни не превышала тридцати шести лет, чаще всего умирали во время родов, производя на свет тринадцатого по счету ребенка. Они покидали этот свет, оставляя в одиночестве сорокалетнего мужа, которому нужно было работать не покладая рук, чтобы вырастить оставшихся в живых четверых или шестерых детей.

Полгода спустя после похорон супруги вдовец благополучно женился и зачастую — на старшей из своих воспитанниц. Потому что в ту эпоху каждого второго ребенка воспитывали не биологические родители (что бывает и в нынешние дни).

И вот в то время, как наши дети в школе знакомятся со ставшей хрестоматийной историей Арнольфа и его воспитанницы, их родители с ужасом и отвращением узнают из прессы, что знаменитый актер и режиссер Вудн Аллен обвиняется в инцесте, и его история очень напоминает хрестоматийный сюжет, поскольку он живет со старшей из приемных дочерей, которую он воспитывал вместе со своей подругой — актрисой Миа Фэрроу, удочерившей эту девушку еще ребенком.

Загадочный запрет на все, что связано с инцестом, о котором писал Клод Леви-Строс, касается не только самого деяния, но даже разговоров о нем: если бы намерение Арнольфа жениться на своей юной воспитаннице было публично названо «инцестом», он бы наверняка угодил под суд, а не в школьные учебники...

Похоже, каждая цивилизация вырабатывает свою теорию инцеста и его противников. Инцест или хотя бы упоминание о нем вызывают такое отвращение, что, к примеру, в Китае и Индонезии, не решаются даже произнести вслух это слово. Его подменяют такими словами, как «беспорядок», «омерзительное смешение» и т.д., сопровождая их такой выразительной мимикой и звуками, что каждому становится ясно:

речь идет о неприемлемом. А вот Диоген, сидя в своей бочке, возмущался тем несправедливым гонением, которым подвергался инцест, и полагал, что для построения обществ было вполне достаточно запрета на каннибализм.

«В последнем столетии Запад много размышляет по поводу запрета на инцест», — писал Мишель Фуко

в своей «Истории сексуальности». Действительно, наблюдается явное стремление осмыслить сам феномен инцеста, который признается как факт, и наше негативное отношение к нему, сформированное бытующими у нас культурными представлениями и клише.

Загадка этого явления заключается в следующем: почему многие из нас испытывают непреодолимый ужас при одном упоминании инцеста, а другие не поддаются власти общественного осуждения и пытаются разгадать тайну инцеста, а кое-кто — не на словах, а на деле — играет с этим огнем, не чувствуя себя при этом преступником? Почему эти люди не поддаются сложившимся представлениям?

Сад и Диоген, которые считали преувеличенными ужас, вызываемый инцестом, и запрет на него, сегодня уже не одиноки. Начиная с 80-х годов в США и Швеции, врачи, психологи и юристы предлагают различать «инцест по понуждению», который должен подвергаться наказанию, и «инцест без понуждения», ссылаясь на то, что ребенок «имеет право на сексуальность в семье». Психолог Уордел Помрой, который в 1947 году совместно с Кинсейем провел первую в мире анкету, посвященную сексуальной жизни, считает, что пора признать: инцест — не всегда извращение или проявление больной психики. «Инцест между детьми и взрослыми иногда может быть и полезным», — писал он в своей статье «Инцест, последнее табу» еще в 1981 году.

Однако мне довелось видеть, как даже менее шокирующие высказывания вызвали у возмущенного ими человека мгновенную крапивницу. Как-то на конгрессе в Лилле несколько врачей-практиков рассказывали за обедом известные им истории кровосмесительных отношений, которые длились по нескольку лет, и в них не наблюдалось ничего драматического. Услышав эти истории, жена профессора-психиатра в оскликнула: «Нет-нет, это невозможно! Я не могу вам верить!» И все мы увидели, как на шее у нее мгновенно появилось огромное красное пятно — крапивница — как признак сильнейшего эмоционального потрясения. Мы тут же замолчали и постарались оказать ей необходимую медицинскую помощь.

Порочные хищники

Вполне реален и порочный самообман. Я думаю, что можно говорить о нем применительно к людям, неспособным к сопереживанию, то есть эмпатии. Это понятие, которое Фрейд называл «способностью чувствовать, сопереживать», нельзя не вспомнить, зная результаты недавних экспериментов по выявлению возможностей человеческого существа представлять себе эмоции, мысли, переживания и действия другого человека.

Я полагаю, что меланхолики, тщетно пытаясь приобщиться к чужому ментальному миру, в конце концов начинают отрицать свой собственный. Они утрачивают представление о самих себе или, скорее, представляют себя пустыми. Тогда они говорят: «Вместо сердца у меня — пустота, поэтому я и мучаю себя, так как боль подтверждает, что мое тело существует, и это меня успокаивает».

У извращенцев все происходит совсем наоборот. Поскольку они неспособны к сопереживанию, им доступен только их собственный ментальный мир, и они от всей души наслаждаются, забавляясь со своей дочкой или сынишкой, которых они очень любят, действительно любят — до того момента, когда вдруг разлюбят и бросят как нечто совсем ненужное, даже не догадываясь о тех страданиях, которые они им причинили.¹⁾ Экспертизы инцестуозных отношений показывают, что извращенцы очень часто проявляют подобное непонимание, а «отчимы, отличающиеся крайним нарциссизмом и эгоцентризмом — несмотря на свою жажду контролировать все происходящее в их семье — могут с чистой совестью утверждать, что инцест случился лишь однажды, хотя на самом деле он происходил целый год».

Каждый индивид испытывает (если вообще испытывает) инцестуозное чувство по-своему — некоторым оно совсем незнакомо, а у кого-то пробуждается

¹⁾ Из разговора с одним педофилом: «Меня притягивает детская красота, и я не могу ничего с собой поделать... Для счастья мне нужно только одно — любить детей, как я **их** люблю». (Цитируется по статье «Сексуальность: вальс ярлыков». «Национальная федерация школ, родителей и воспитателей», № 100, 1983)

²⁾ С.Сессьон. Невысказанная любовь. Париж, 1985. (Прим. автора)

от малейшего эмоционального контакта с близкими. И все, кто это чувство испытывают, признаются, что ощущают при этом явное волнение.

Люди, не отягощенные даром сопереживания, манипулируют другими людьми, видя в них лишь кукол, вызывающих у них вожделение. Такие люди являются психологическими хищниками. Поскольку они не подчиняются никаким запретам, то и ведут себя крайне нагло. Так, с чувством своей полной правоты они утверждают, что если сегодня инцест воспринимается как нечто преступное, как еще вчера преступными считались мастурбация и гомосексуализм, то завтра будут удивляться подобному отношению к инцесту. Собственно, Диоген и Сад говорили то же самое. Я хочу напомнить случай И.Сагавы, который уверял, что съел свою голландскую невесту, но при этом признавался, что не смог бы съесть невесту-японку, потому что это было бы инцестом. Я цитирую Сагаву, который, возможно, симулировал безумие, чтобы избежать тюрьмы и возвратиться в Японию для получения литературной премии имени Акутагавы (его книга разошлась в количестве трехсот тысяч экземпляров), дабы проиллюстрировать две мысли.

Первая заключается в том, что даже людей с нормальными моральными устоями влекут к себе хищники: в данном случае огни рампы вспыхнули ради высоко образованного каннибала, специалиста по Шекспиру, но мы ничего не знаем о его жертве, прекрасной голландке, которой была уготована такая печальная участь — стать блюдом для этого каннибала.

А вторая мысль касается понятия «эмоциональная дистанция», которое употребил Сагава, объясняя, что хотя он и зажарил голландскую невесту, он не смог бы съесть японку.

Чтобы понять его логику, вовсе необязательно съедать собственную невесту. Давайте вообразим более простую ситуацию: вы едите мясо превосходного качества, которое напоминает вам по вкусу говядину или кролика. И тут появляется повар и говорит:

«Имейте в виду, что вы жуete вашу любимую собачку». Держу пари, что вы больше не сможете проглотить ни кусочка! И вкус тут совсем ни при чем — он только что вам очень нравился. Просто мысленно вы представили себе, кто оказался у вас во рту, и тут сработал внутренний барьер. В случае вашей смерти ваша собака не откажется от мяса своего обожаемого хозяина, а вы не можете проглотить ни кусочка любимой собаки, какой бы замечательной она ни была на вкус.

Этот пример показывает, что собаку может сдерживать воспринятая ею команда или эмоция, а человека помимо этого сдерживает еще и чувство. А чувство, возможность чувствовать и быть растроганным вызывают представление, образ, мысль о ком-то или о чем-то.

Вот почему американцы, которые не едят кроликов, так как испытывают к ним особое расположение, с удовольствием потребляют так называемых «возбужденных собак» (hot-dogs) зачастую очень сомнительного качества. И вот почему Эдип выколол себе глаза после того, как оракул из Фив произнес простую фразу: «У тебя четверо детей от твоей матери», хотя та же фраза ничего не изменила бы в поведении бабуина, который только что спаривался со своей матерью.

И однако...

Этология инцеста

У животных биологически возможные половые соития не всегда реализуются по причинам

поведенческого или эмоционального характера.

Любопытно, что писал Клод Леви-Строс, который первым обратился к миру животных, чтобы, по контрасту, подчеркнуть вошедший в правило запрет на инцест у человека: «Всюду, где наблюдается это правило..., можно говорить об определенном уровне культуры». Это было в 1947 году, в эпоху, когда этологических данных еще просто не существовало. И Леви-Строс писал, что «взаимоотношения между обезьянами не подчиняются никаким нормам... Половые контакты носят случайный характер... Для них естественно смешение полов и игнорирование степеней родства».

За прошедшие десятилетия мы узнали, что все совсем не так. Прежде всего наблюдения натуралистов и эксперименты в области этологии животных убедительно доказывают, что жизнь социальных животных, живущих группами, очень строго упорядочена: их поведение и взаимодействие так четко организованы, что это позволяет партнерам не только сосуществовать, но и справляться с такими важными функциями, как охота, воспитание детей, выживание.

Сексуальные отношения также не носят случайного характера. Напротив, здесь царит строгий детерминизм, а не случай: гормональная зрелость, зависящая от генетической запрограммированности, индивидуального развития, а также влияния экологической и «общественной» среды, предопределяет выбор партнера.

Нет и никакого «смешения полов». Каждый развивается в соответствии со своим полом: маленький самец развивается совсем не так, как маленькая самка, и взрослые обезьяны ведут себя с ними по-разному — в зависимости от собственного пола и пола детеныша. Организационные и все прочие задачи, которые приходится решать обезьянам, живущим и перемещающимся группами, также распределяются в зависимости от полов.

Наконец, обезьяны очень четко воспринимают и степени родства. Причем, не только обезьяны узнают «лица» и стараются чаще общаться с членами своей семьи, то же самое свойственно всем млекопитающим и птицам. Однако здесь таится маленькая ловушка: человек называет «степенью родства» то, что в животном мире, вероятно, воспринимается как степень привычки.

Запечатление — это биологический процесс, в результате которого каждый элемент окружающего мира, воспринятый в раннем возрасте, включается в организм как своего рода сверх-память. Благодаря этому мир перестает быть бесформенным и неопределенным, он становится легко воспринимаемой категорией. Для муравья, цыпленка, щенка и обезьяньего детеныша мир состоит из двух полярных полюсов: хорошее-плохое, привычное-чужое, знакомое-незнакомое, достойное изучения-пугающее. На этом уровне своего развития животное обладает уже необходимым кодексом правил для общения с миром. Но этот поведенческий кодекс зиждется на его эмоциях, в то время как животное приписывает их категориям, которые оно усваивает.

Такое определение процесса запечатления позволяет уточнить границы этологии инцеста. Этология не может изучать инцест, который выражается только в словесной форме, как например духовный инцест (крестник — крестная мать), инцест между родственниками (отчим, падчерица, кузены) или инцест однофамильцев, к которым относится немалая часть людей. Зато этология может разъяснить свойственное каждому живому существу биологическое чувство, заставляющее его противостоять слишком близкому родству. Это чувство «чрезмерной близости», которое размывает и затрудняет индивидуализацию, не всегда называется инцестом.

Например, некоторые близнецы играют с половыми органами друг друга, не испытывая при этом инцестуозного чувства. Точно так же энцефалопаты, или страдающие болезнью Альцгеймера, или люди, подверженные психозу и не понимающие, «кто есть кто», у которых путаница в чувствах вызывает путаницу и в жестах, не называют инцестом свой инцестуозный сексуальный импульс. Это здравомыслящий и не забывающий об общественных запретах свидетель испытывает ужас перед инцестом; а больной не

представляет себе значения собственного жеста.

Точно так же извращенцы, неспособные к сопереживанию, совершенно не представляют себе эмоционального мира другого человека и весело, а порой и любовно играют с половым органом собственного ребенка. И бывают крайне удивлены, когда общество обвиняет их в инцесте. При этом они совершенно искренне защищаются и оправдываются: «Да что тут такого? Ведь моей дочке это нравилось!» Единственное, что для них имеет значение — это доставляющая им самим удовольствие сексуальная игра, и они неспособны представить себе те переживания и чувство вины, которые эта «игра» вызывает у ребенка, а он — в отличие от отца — слышал об общественном запрете и будет воспринимать эту игру как преступление.

Таким образом, этология инцеста может описать эмоциональную структуру и ее эмоциональные и поведенческие реакции, но она бессильна, когда что-то происходит только на словесном уровне и нет никаких конкретных действий.

В этом смысле, используя этологический метод, легко описывать сексуальное поведение животных одного клона. Наблюдения показывают, что эти животные избегают сексуальных отношений с близкими. Этология инцеста подтверждает, что у них срабатывает какой-то барьер. Можно предположить, что в мире природы существуют биологические, эмоциональные, поведенческие и общественно-экологические силы, которые препятствуют сексуальным отношениям между родственниками, а также слишком хорошо знакомыми животными, и ориентируют их на внешние объекты...

Сексуальный акт, совершенный между родственниками, в человеческом обществе называют «актом инцеста». А как назвать эмоциональный механизм, который мешает совершать его животным?

Наблюдения натуралистов и результаты экспериментов в области этологии инцеста — многочисленны и порой противоречивы, что характерно для честной научной среды. Попробую рассказать вам о некоторых.

В 1936 году Конрад Лоренц сообщает, что сын окольцованной гусыни, которая живет у него в доме, «отказывается» спариваться со своей матерью. В 1937 году Отто Кёниг проводит небольшой опыт с белыми цаплями в одном из парков Вены: когда жизненное пространство обширно, птицы не спариваются с родственниками; но стоит его сузить, как тут же возникают «кровосмесительные» сексуальные акты. В 1940 году Конрад Лоренц в своей статье об одомашнивании животных, которую очень критиковали, пишет об «отвращении, с каким относятся братья и сестры к совокуплению между собой».

В 1938 году пятьсот обезьян резус поместили на маленьком островке под названием Кайо Сантьяго, возле Пуэрто-Рико, и несколько десятилетий наблюдали за ними в бинокль, чтобы проследить, «кто с кем совокупляется». В 1970 году этологи объявили, что только в одном проценте от всех половых актов матери совокуплялись с сыновьями. Это говорит о том, что существует очень мощный поведенческий тормоз, мешающий привыкшим и привязанным друг к другу животным вступать в сексуальные отношения.

Джейн Гудолл в 1961 году писала, что когда она жила среди обезьян, то, по ее наблюдениям, сын явно избегал свою мать и заметно нервничал, когда та бывала в возбуждении.

Норберт Бисшоф попытался проанализировать многочисленные публикации и пришел к выводу, что у каждого живого существа срабатывают эндокринные, поведенческие и экосоциальные барьеры, препятствующие контактам, которые в человеческом мире называют инцестуозными или кровосмесительными. («Сравнительная этология по предупреждению инцеста», 1978).

Животные, наблюдаемые в естественных условиях, также избегают половых актов в тех случаях, когда привязываются друг к другу в результате воспитания: маленькая самочка-обезьянка, воспитанная самцом, в состоянии возбуждения прячется от своего воспитателя и даже угрожающе рычит на него; братья и сестры любят повозиться друг с другом, но избегают совокупления, даже если еще до полового созревания и

предавались вместе сексуальным играм; маленькие самцы, разлученные с матерью и выращенные «тетушкой», избегают сексуальных контактов с воспитавшей их самкой, но без всяких комплексов совокупляются с матерью, так как не знают ее и не испытали раннего взаимодействия, которое происходит в процессе воспитания. Короче говоря, в естественной среде существует механизм, который не допускает сексуальных актов между животными, испытывающими привязанность друг к другу.

Все это так, но и тут есть свои нюансы. И в природе существуют виды, которые допускают сексуальные акты между родственниками — например, это практикуется у голубей, некоторых кошачьих и рогатого скота, и все они отнюдь не чувствуют себя от этого хуже. В зоологических садах и домашних условиях отдельные биологические виды животных, претерпевающие некоторые изменения под воздействием человека, спариваются и с близкими по крови. И животноводы с помощью случек между близкими или «родственными» животными добиваются генетических результатов, которые отвечают нашим самым высоким требованиям (скорость, умение охотиться и т.д.).

Однако я хотел бы отметить две ловушки, которых не всегда удастся избежать ученым: лексическую и правовую.

Что касается первой, то наша лексика изобретена для обозначения элементов, составляющих человеческий мир. И слово инцест дает очень смутное представление о сексуальных отношениях между родственниками. Что на самом деле сексуально? Проникновение или простой взгляд? Маленькая девочка, которая не задумываясь в любовном порыве бросается в отцовские объятия, внезапно, к двенадцати годам, начинает придавать этому еще совсем недавно естественному для нее жесту дополнительное, сексуальное значение и чувствует себя неловко, когда отец обнимает ее за талию, потому что этот жест приобрел для нее иной смысл.

Слово инцест имеет свою значимость только в мире человека. В применении к животному оно утрачивает свое значение. Хотя тот факт, что животные, испытывающие привязанность друг к другу, избегают спариваться между собой, заставляет предположить, что у всех живых существ, с детства привязанных к кому-то, возникает определенное торможение сексуальных эмоций в отношении близкого существа. Но уместно ли говорить в данном случае об инцесте?

Что же до второй ловушки, то, как мы знаем, животные, разлученные в раннем детстве, не испытывают никакого эмоционального барьера и без всяких комплексов совокупляются между собой. Лишенные представления о запретности подобного акта, они никогда не будут страдать от чувства вины за то, что преступили этот запрет. В человеческом мире кровосмесительное чувство неотделимо от сознания преступления запрета. Некоторых не мучает это чувство даже после проникновения, а у других оно может проснуться от одного взгляда.

Но ведь животным наплевать на наши законы и запреты. Для них важно одно: получается или нет. Зато у человека существует два уровня блокировки, препятствующей свершению сексуального акта между близкими людьми: не облеченный в слова эмоциональный уровень, подготовленный ранним взаимодействием; и второй эмоциональный уровень, порождаемый запретительным законом.

Клиническая практика показывает, что между этими уровнями бывает разрыв. И вот вам пример.

У мадам З. было два старших брата. Они были однойцовыми близнецами и, не испытывая никакого чувства вины, весело и с удовольствием предавались сексуальным играм. Но случилось так, что одного из них надолго уложили в больницу. Оставшийся в одиночестве двенадцатилетний мальчик, привыкший к родственному единению с братом, внезапно сближается с младшей сестренкой, которой было девять лет. И он начинает заниматься с ней точно такими же играми. В конце концов они доходят в них до логического финала и обретают в этом удовольствие, отнюдь не омраченное чувством вины. Так длится до того дня, пока девочка, которой уже исполнится тринадцать лет, узнает в лице об инцесте. С этого момента акт обрел свое

название. Она возвращается домой и говорит брату: «То, что мы с тобой делаем — это инцест, и мы больше не можем это продолжать». Начиная с того момента, когда действие обрело свое название, оно меняет свой смысл и вызывает эмоции, пробужденные не преждевременными телесными физическими отношениями, а словесным представлением о совершенном акте.

Или вот вам другой пример. Родители Робера и Анжель разошлись и детей очень рано разлучили. Когда их родители снова сходятся и начинают жить вместе, Робер, которому уже шестнадцать лет, и четырнадцатилетняя Анжель вовсе не испытывают друг к другу тех чувств, которые обычно испытывают к сестре и брату. Они влюбляются друг в друга и у них начинается бурная сексуальная любовь. Когда отец застаёт влюбленных и объясняет, что их отношения невозможны и незаконны, молодые люди, подчиняясь закону, снова разлучаются и, чтобы легче пережить вынужденный разрыв, каждый заводит свою семью. Сами по себе их чувства друг к другу не инцестуозны. И — несмотря на запрет отца и своей семьи — они продолжают тайком встречаться. Но их действия, увиденные глазами другого лица, обретают статус «преступления запрета» — и с этого момента физическое удовольствие пробуждает чувство вины.

В обоих случаях эмоциональный барьер не сработал, потому что его просто не было. У близнецов он не возник из-за эмоционального слияния и отсутствия дистанции («он — как я» и «я могу трогать любое место на моем теле и это совсем не стыдно»). А в случае с Робером и Анжель так произошло, потому что слишком ранняя и длительная разлука помешала родиться и окрепнуть чувствам, которые обычно связывают брата и сестру.

Такие чувства созревают у каждого совершенно по-разному — в зависимости от индивида, его развития, истории жизни и окружающего контекста. Встречаются близнецы, у которых любое прикосновение друг к другу вызывает ужас. Я знаю случай, когда близнецы, спавшие на двуспальной кровати, с яростным негодованием реагировали на каждое движение друг друга, если брат невольно нарушал границу, отделявшую его половину кровати от половины второго брата. Одни возмущаются: какое дело обществу до их мастурбации? А другие воспринимают ее как преступление и инцест.

Очевидно, что один и тот же закон, принятый в стране с единой культурой, у каждого из ее обитателей вызывает совершенно различные чувства в зависимости от его индивидуальных качеств. Разрыв, наблюдаемый между общепринятым правилом и чувством, которое оно вызывает у каждого человека, объясняет различные эмоциональные реакции. Для понимания этого необходимо также помнить о существовании двух уровней структуризации эмоций у человека, которые возникают самостоятельно и под влиянием слова.

Онтогенез эмоции

Если признать, что человеческая эмоция имеет две фазы (после непосредственного возникновения она обретает словесное выражение), то согласимся, что в первые месяцы у ребенка происходит самостоятельное эмоциональное развитие. Но как только он начинает осваивать речь, слово обретает разрешающую функцию.

Материнская речь поначалу не играет большой роли в биологической связи между матерью и ребенком. Лишь к концу беременности (к семи с половиной месяцам) речь матери становится чувственным объектом, низкие частоты которой оказывают стимулирующее воздействие на плод. В первый же час появления на свет новорожденный узнает материнский голос и отдает ему явное предпочтение. Мать понимает язык младенца до того, как он, через двадцать месяцев, сам начнет выговаривать слова.

Эта естественная биологическая связь, возможно, и объясняет то сильное чувство близости, которое испытывают обычно к матери. Эмоциональное же восприятие отца изначально не столь интенсивно, потому что ребенок воспринимает отца после матери и рядом с ней.

Ребенок слышит материнскую речь с первых дней своего психического и эмоционального развития, а отцовскую — несколько позже. Материнская речь воспринимается в максимальной близости, а отцовская — с некоторого расстояния.

Эмоциональная связь, которая возникает между ребенком и матерью еще до того, как она обретает свое словесное выражение, наводит на мысль, что мать становится для ребенка эмоциональной структурой гораздо раньше, чем родственной. Ее воспринимают, ее чувствуют, ее слышат, еще не умея ее называть, а отец воспринимается одновременно с его обозначением. Последующее развитие привязанности зависит от обстоятельств и таланта родителей. Развитие привязанности, происходящее в зависимости от пола, и разрешающая особенность отцовской функции, объясняют сохранение эмоциональной дистанции, которая и предопределяет разницу в жестах и поведении.

Запечатление, происходящее у животных, позволяет им производить четкую категоризацию предметов, и их организм воспринимает мир, в котором для них все логично. И стараясь отыскать знакомые предметы, они избегают незнакомых.

Если в семье все роли родителей четко определены жестами, словами и разъяснениями, ребенок и взрослый живут в гармоничном мире. Они имеют четкое представление о всех категориях, испытывают друг к другу ничем не замутненные чувства и соблюдают поведенческий кодекс, в котором нет ни малейшей двойственности: эта молодая женщина — моя дочь, и если я обнимаю ее за талию, этот жест, продиктованный привязанностью, существующей между отцом и дочерью, всегда будет оставаться только родительским жестом и ничем иным.

Но если формирование этой привязанности происходило в неблагоприятных условиях из-за того, что один из двух организмов плохо развит, а потому взаимодействие также было слабым и у одного из участников были искаженные представления о своей роли, то неразбериха в чувствах повлечет за собой неразбериху и в жестах. Отец по отношению к дочери будет позволять себе жесты, невозможные в нормальной ситуации, а мать также будет испытывать к дочери абсолютно невообразимые чувства: «Мне всегда казалось, что дочь хочет меня изнасиловать», — признавалась одна молодая мать, в семье которой инцест повторился из поколения в поколение.

Если человек формируется в эмоциональной среде, где никто не знает, кто есть кто и кто что чувствует, откуда же ему знать, как следует себя вести? В семьях, где наблюдается инцест, царит полное смешение эмоций и чувств, там нет определенного поведенческого кодекса и четкой границы между привязанностью и сексуальностью, поэтому даже поцелуй в щеку может быть воспринят как приглашение к сексу. В таких семьях при формировании взаимоотношений не были четко обрисованы границы возможного: что можно, а что нельзя, какие жесты позволительны, а какие нет.

Если взять противоположный случай, когда поцелуями обменивается влюбленная пара, то здесь все ясно и заведомо не нуждается в зашифровке. Поцелуй в щеку или в губы, которыми время от времени обмениваются мать и сын, не вызовут никакого чувства вины, агрессивности или смущенного смеха, если при формировании чувства привязанности изначально не допускалось ни малейшей двусмысленности.

В качестве иллюстрации можно привести многочисленные клинические случаи, подтверждающие, что нарушение нормального процесса формирования привязанности может породить представления, которые, в свою очередь, вызовут невыносимое чувство инцеста.

Мадам Д. с трех до восьми лет воспитывалась одной матерью, потому что ее отец находился пять лет в тюрьме. Возвратившись домой, отец снова пожелал исполнять отцовские обязанности, так как он и в тюрьме не переставал чувствовать себя отцом. Но когда он начал купать свою восьмилетнюю дочь, то это вызывало у нее тягостное чувство, будто ее заставляют участвовать в чем-то запретном и непристойном.

Вот как рассказывает об этом сама мадам Д.: «Когда он вернулся, он стал меня купать. Но я стеснялась

его. Меня купал совершенно чужой человек. Я знала, что это мой отец, но я этого не чувствовала.»

Родственная связь не возникла, девочка не воспринимала этого человека как отца, и купание вызывало у нее тягостное чувство, словно происходит что-то сексуальное и запретное.

У отчима мадам Р. явно была воспитательная и отцовская жилка, и он сумел привить ей нормальную дочернюю привязанность к себе как к отцу. «До двенадцати лет я верила, что это мой отец. Но когда мать призналась мне, что это мой отчим, я уже больше не могла перед ним мыться», — рассказывает мадам Р. В этом случае родственное чувство было сформировано правильно и отвечало представлению: «Это мой отец».

Мадам И. попросила меня прочитать эти письма и рассказала, что отцовские откровения вызывали у нее такое мучительное инцестуозное чувство, что ей пришлось переехать, чтобы прекратить контакты с отцом.

Эти примеры объясняют, почему так важно категоризировать роли родителей, жесты и слова, чтобы выработать семейный кодекс чувств, в котором не должно быть ничего двусмысленного. Но они не объясняют, почему нужно избегать воспоминаний о сексуальности слишком близких людей. Быть может, это просто необходимо для построения нормальной семьи и выработки ясного кодекса поведения и чувств?

Инцестуозная семья

Семьи, в которых бытует инцест, чаще всего живут совершенно изолированно от окружающих. В таких семьях роли, жесты и словесные выражения не подчиняются негласному кодексу. Никто не знает, кто есть кто, кто чем занимается, как и к кому положено обращаться. Ни одного ритуала для взаимодействия не существует: эта семья не ходит в гости и никого не приглашает к себе, здесь не обсуждают социальных проблем, не знают, что такое семейный праздник или семейный обед. Поскольку отец вынужден ходить на работу, то на работе ему приходится быть «нормальным», то есть подчиняться общепринятым нормам, но он тут же забывает о них, как только приходит домой. Он не переносит эти нормы в свою семью, не рассказывает о них детям, лишая их общественной модели. Мать, деятельная и простодушная, не способна выработать какие-то семейные правила и традиции: в этой семье едят все подряд и когда кому вздумается, здесь не собираются вместе за столом, не распределяют между собой домашние обязанности, не соблюдают элементарной гигиены и не заботятся о своем внешнем виде.

В таких беспорядочных семьях, где подобная же неразбериха царит и в чувствах, и в общении, постоянно происходят сексуальные драмы: «Он имел со мной половые отношения в постели, прямо рядом с мамой. Когда я уже сама была матерью и как-то уехала на каникулы, а пятнадцатилетнюю дочку оставила у отца, он начал спать и с ней. Моя мать ничего не замечала. Я тоже поначалу не замечала. А когда заметила, то спросила его: «Как ты мог это сделать?», а он ответил: «Это же не *моя* дочка, это просто женщина, и все».

Или вот такое признание: «Мой сын в нашем присутствии попросил свою сестру спать с ним. Он заснял на видеопленку, как он занимался любовью со своей тринадцатилетней подружкой и показал своему отцу, и тот очень смеялся. А для моего отца за пределами дома все было — табу, но в семье он не признавал никаких табу. Он все путал: жен и детей, мужчин и женщин. Он ходил то в католическую церковь, то в синагогу».

И еще одно воспоминание: «Он долго спал со своей теткой, которая мастурбировала его, чтобы он заснул, как это делали конголезцы».

В таких семьях в представлении о сексуальном акте нет ничего святого. Всего лишь полезное занятие или обычная интерактивная игра. Общество ничего не может об этом сказать, потому что ничего не видит. В таких семьях в сексуальном акте нет ничего социального и сакрального, его низвели до самого заурядного акта и чувства.

Чаще всего нормальное развитие привязанности нарушается ранними, длительными и повторяющимися разлуками.

Шестидесятилетняя мадам М. рассказывала мне:

«Когда мне было семнадцать лет, отец стал давать слишком много воли своим рукам. Мне пришлось убежать из дома, чтобы избежать инцеста». Мадам М. полагала, что в детстве постоянно жила с родителями. И вдруг однажды она услышала разговор своего отца (восемьдесят четыре года) с ее сыном (тридцать пять лет), во время которого тот сказал внуку: «Сразу после рождения нам пришлось расстаться с твоей матерью, и до семи лет она жила не с нами, потому что мы жили слишком тесно и у нас не было для нее места...» Столь длительная детская амнезия этой дамы свидетельствует, что в очень раннем возрасте она пережила сильное эмоциональное потрясение.

Мадам Л. — педиатр. У ее мужа, тоже врача — явное расстройство личности. Он то уходит из семьи, то возвращается, и эти разрывы и воссоединения происходят непрерывно. Возвратившись как-то в семью после очередного ухода, он сказал своей восемнадцатилетней дочери в присутствии жены и ее матери:

«Жаль, что я тебя не изнасиловал». Мадам Л. рассказала также, что еще до того, как муж произнес эти слова, она замечала в его чувствах к дочери явную двусмысленность, проявлявшуюся во взглядах, словах и жестах, «которые отец никогда не позволяет себе в общении с дочерью».

Подобных клинических случаев довольно много.

Вот еще один из них: «Материнское молоко вызывало у меня экзему. Поэтому сначала для меня нашли кормилицу и поселили в ее семью, а затем поместили в пансион. Когда мне доводилось видеть мать голой, мне до дурноты хотелось близости с ней. Когда ее не было дома, я спала в ее кровати, чтобы представлять, что сплю вместе с ней. Когда она меня обнимает, я чувствую ее груди, и это вызывает у меня очень тягостное ощущение». В этом случае дочернее чувство не сформировалось в детстве во время обычного раннего взаимодействия с матерью. Но желание, которое мать внушает дочери, вызывает у той тягостное чувство, потому, что эта молодая замужняя женщина, преподаватель французского языка и мать двоих детей, имеет негативное представление об инцесте.

Иногда обычное предубеждение может полностью извратить привязанность. Мсье Ж. всегда подозревал, что он не отец своей старшей дочери, потому что в дни, когда она была зачата, он находился в море и к тому же был в ссоре со своей женой. Младшая дочь подобных подозрений не вызывала, потому что была зачата в спокойной и любовной атмосфере. Когда его старшей дочери было тринадцать лет, он склонил ее к половым отношениям, которые длились два года. Но он был совершенно не способен на такое с младшей дочкой. Если даже у него и возникало желание или разыгрывалось воображение, то отцовское чувство убивало все поползновения такого рода.

Молодая женщина признавалась, что с шестнадцати до восемнадцати лет имела регулярные сексуальные отношения с мужем своей сестры: «Это был ужасный секрет, которого я очень стыдилась. Но я была очень влюблена и поэтому согласилась. Однако поз же я сделала все, чтобы искупить это преступление против моей сестры, ведь это был своего рода инцест». Эта женщина воспринимала свою связь с мужем сестры как инцест — то есть «инцест двух сестер», как его называет Франсуаз Эритье.

Бывает, что инцестом называют и такие отношения между близкими людьми, которые не подвергаются гласному запрету. И то, что у одних может вызвать удовольствие, у других пробуждает безудержное возмущение.

Мадам Д. во время бурной сексуальной ночи со своим возлюбленным слышит, что в соседней комнате ее сын весело резвится с юной подружкой. Утром, пробудившись после этой счастливой ночи, мадам Д. испытывает к сыну особую нежность и чувство сексуальной близости, что доставляет ей явное удовольствие.

А других людей аналогичные ситуации повергают в настоящую панику и провоцируют у них агрессивность. Так, одна мать, войдя в комнату сына, где он только что предавался любовным баталиям,

прогнала его из дома с гневным криком: «Только не под моей крышей!»

О том, как широко распространено предвзятое отношение к сексуальным связям, которые воспринимаются как инцест между близкими людьми, говорят и результаты опроса, проведенного Бруно Беттелгеймом среди детей, живущих в кибуцах. Хотя эти дети вместе растут и воспитываются, только трое из тысячи этих детей сочетаются браком с кем-то из своего кибуца. Для сравнения мы разыскали статистику, касающуюся детей, которых после войны французская католическая ассоциация приютила и воспитывала в департаменте Вар и Тулузы: из тысячи трехсот сирот только шестеро поженились между собой.

Однако это чувство кровного родства совершенно не испытывали тысячи детей, которых в парижском районе собрала и приютила после войны организация «Еврейское возрождение». Большая часть этих детей сильно пострадала из-за войны и пребывания в концлагерях. Восстановление их проходило весьма успешно. И этих молодых людей вовсе не удручало чувство кровного родства. Напротив, под крышей этой организации родилось множество прочных супружеских пар.

Как же это понимать? Объяснение таится, наверное, в несхожести ситуаций. Дети из кибуца с очень раннего возраста воспитывались вместе неродной матерью — метаплет. В двенадцатилетнем возрасте они потребовали, чтобы им предоставили отдельные души и спальни.

Во французской католической ассоциации, оказавшей приют детям после войны, работали дамы, которые сегодня уже в очень преклонном возрасте. Они сами называют себя «мамами» и говорят: «У меня было сто восемьдесят семь детей», или «а у меня только сто шестьдесят три ребенка». Они рассказывают, что каждая возрастная группа в их организации представляла собой настоящую семью, с общими именами и эмблемами.

Дети, которых собирало под свое крыло «Еврейское возрождение», были постарше, а воспитатели — ненамного старше их. Личность детей к этому времени уже сформировалась, и они не могли оказывать друг на друга сильного воздействия. Личные несчастья, пережитые этими детьми, воспринимались всеми как общественная трагедия. «Еврейское возрождение» представляло собой нечто вроде лагеря для отдыха, где делились воспоминаниями о своем недавнем прошлом — трагическом и героическом, но там не старались имитировать семейные отношения.

Когда мы спрашивали у взрослых людей, выросших в кибуце и католической организации, почему среди них так мало супружеских пар, большинство с гримасой отвращения лаконично объясняли: «Это нехорошо, это инцест». Мы пытались возражать: «Но вы же знаете, что это — не инцест, потому что вы были сиротами из разных семей и вас просто очень маленькими приютили и воспитали в приемной семье». На что они отвечали: «Да, почти каждый из нас понимает, что это не инцест. Но у нас такое чувство, что если мы поженимся друг с другом, это будет инцест».

В этих двух организациях существовал явный разрыв между чувством и словом.

Ау воспитанников «Еврейского возрождения» слово инцест, напротив, вызывало недоумение, потому что оно никогда не приходило им в голову и не порождало подобного чувства.

Инцестуозное чувство

Инцестуозное чувство или чувство инцеста — это своего рода метафора или образное представление о сексуальных отношениях между близкими по крови людьми, и это чувство вызывает у них стойкое отвращение, в то время как кровосмесительная связь порождает настоящий ужас. Инцестуозное чувство появляется как под воздействием существующего в обществе словесного определения и осуждения инцеста, так и при формировании родственных уз, когда возникает чувство такой эмоциональной близости и

интимности, что оно внушает отвращение к половому акту как таковому. Этим объясняется тот факт, что дети очень часто с отвращением воспринимают сексуальные отношения своих родителей и даже саму мысль о возможности таких отношений.

Нарушение нормального процесса формирования родственных уз и даже незначительный сдвиг в представлениях об общественной морали способны помешать возникновению инцестуозного чувства. Это может произойти на любой стадии формирования психики, начиная с биологического уровня и кончая культурным, как на уровне мозга, так и мифа. Может ли испытывать чувство инцеста энцефалопат, видящий сексуальный объект в человеке, которого мы — но не он — называем «матерью» или «сестрой»? Заслуживает ли судебного процесса старая мать, у которой из-за болезни Альцгеймера нарушены узнавательные способности и она проявляет сексуальное влечение к сыну, путая его с мужем? Шизофреник, страдающий полным изменением личности и не знающий, какого он пола — мужского или женского, не понимает, кто перед ним сидит — чужая женщина или его мать; он не подозревает об общественном запрете, не способен испытывать инцестуозного чувства и думать о нарушении закона, который для него не существует.

У педофилов — нормально функционирующий мозг, который зачастую помогает им решать сложные интеллектуальные задачи, но их эмоциональность сформирована таким образом, что они совсем не способны к эмпатии, то есть к сопереживанию. Они не в состоянии представить себе чувства другого человека, страдания и мысли, которые могут вызвать у ребенка сексуальные акты, совершаемые с ним. Подчиняясь лишь собственным желаниям и представлениям, они играют с телом ребенка с тем же радостным удовольствием, с каким хищник убивает свою жертву

Этот медико-правовой случай позволяет понять, что между инцестуозным чувством и понятием инцеста может существовать разрыв. Когда желание у некоторых умных педофилов угасает, и они освобождаются от его тирании, то, бывает, они начинают читать осуждение в глазах окружающих. Внезапно они осознают, что совершили наихудшее из насилий. До этого дня им даже в голову не приходила эта мысль. И тогда они просят, чтобы — ради защиты детей — их защитили от самих себя. Они требуют, чтобы их подвергли кастрации и даже лоботомии.

Но как только желание возвращается (а это происходит, когда они прекращают принимать антигормональный препарат), то они вновь оказываются в полной его власти и придумывают множество логических аргументов, чтобы оправдать свои регулярные прогулки перед начальной школой или вторжения в комнату маленького сына, так как большинство сексуальных актов: отец-сын или отец-дочь — близки к педофилии. В такие моменты агрессор уже не испытывает никакого эмоционального барьера и не думает о нарушении закона. Он полностью подчинен своему желанию и совершенно не представляет ни эмоций, ни чувств другого.

Женщины-педофилки встречаются гораздо реже. Но они ведут себя и рассуждают точно так же, как и мужчины: «Это он сам меня спровоцировал», — может заявить такая женщина, которая только что напала на семилетнего мальчика. «Я нападаю на тех детей, которые мне нравятся, потому что я люблю детей и сама как ребенок», — говорит эта «детолюбка.»

Результаты опросов свидетельствуют, что пятьдесят процентов проституток свой первый в жизни сексуальный акт совершили с собственным отцом. Можно ли из этого заключить, что к проституции их подтолкнул инцест? Или что смещение ролей и смешение чувств, из-за которых оказался возможным инцест, сделали для них позволительной и проституцию, с ее сугубо утилитарным представлением о сексуальности, в которой для них нет никакого таинства?

Воображаемый инцест

Об определенных сексуальных связях принято говорить: «Это инцест». А участвующие в них индивиды не всегда испытывают подобное чувство. Например, при половых отношениях с мужем сестры или между однофамильцами. И, напротив, человек может испытывать чувство, «будто совершает инцест», хотя никакого гласного запрета на подобный акт не существует. Я говорю о сексуальных отношениях между людьми, привязанными друг к другу с раннего детства.

Подобный разрыв объясняет существование воображаемых инцестов. Почти каждая девочка в возрасте двенадцати-тринадцати лет начинает вдруг воспринимать своего отца как желанного мужчину, хотя она знает, что если она реализует это желание, это будет инцест и сексуальное преступление. Если роли в семье четко определены, а жесты — закодированы (это жест отца, а не мужчины), у юной девушки это противоестественное чувство исчезнет, как только она влюбится в кого-то на стороне. Ее чувства будут подвергнуты строгой категоризации, и это поможет ей чувствовать и вести себя естественно и непринужденно: «К отцу я испытываю совершенно иное любовное чувство, чем к своему жениху».

Но если роли не закодированы, а чувства не сформированы, в любом жесте девушка сможет углядеть намека на сексуальность, потому что своему отцу она будет приписывать чувство, которое сама втайне испытывает к нему. В тех случаях, когда я сталкивался с воображаемым инцестом, это были девушки, выросшие в дружной семье, где отец был очень заботливым, и им было крайне трудно вырваться из этого замкнутого мирка. В таком маленьком мирке, где привязанности не социализированы, представления формируются у девочки под влиянием непосредственных впечатлений: «Мой отец — такой, каким он мне кажется».

Подобный фантазматический инцест довольно распространен. И стоит привлечь внимание общества к проблеме инцеста, как это произошло в США, как сразу же выявляется большое число воображаемых инцестов. В этих случаях определенную помощь способен оказать психотерапевт, который посредством внушения трансформирует фантазм в воспоминание о нем. Известен случай, когда женщина, мучимая сознанием своей вины, спустя десять лет после пережитого ею подобного воображаемого инцеста, признавалась во время бесед с врачом: «Как же я могла поверить, что это было не просто чувство, а реальный акт?» Возвращение в прошлое помогло ей разобраться в природе своего «воспоминания», а ее отец и брат досиживали той порой свой срок тюремного заключения.

У Фрейда в начале практики также случались ошибки, когда воображаемый инцест он принимал за действительный. Когда он открыл, что фантазм может переродиться в воспоминание о том, чего в реальности не было, он пришел к выводу, что все воспоминания — плод воображения. Тем самым он породил недоверие к настоящим жертвам инцеста и обрек их на молчание — и это будет длиться затем почти целый век.

Как видим, социальные и семейные роли необходимы, хотя иногда они могут таить в себе скрытую опасность. Когда ребенок вырастает и становится взрослым, он сам их ограничивает. Но изначально они ему крайне необходимы, потому что приучают соблюдать определенный поведенческий кодекс и формируют способность испытывать чувства. Когда эти роли не зафиксированы ни в словах, ни в чувствах, эта размытость не позволяет нормально развиваться и нашему интимному душевному миру. Тогда и слышишь вот такие признания: «Сама не знаю, то ли я влюблена, то ли нет... Сама не пойму, то ли я его люблю, то ли ненавижу... Вроде я к нему что-то испытываю, но не пойму, что это за чувство... Мне кажется, что я в него влюблена, но я не уверена... Она меня поцеловала, но я не знаю, что это значит... Когда я вижу, как отец целует свою дочь, меня тошнит, потому что я уверена, что у него при этом эрекция...»

Проще говоря, нормальному формированию привязанности мешает и значительное удаление и чрезмерная близость, когда происходит слияние типа:

«Рука у меня болит там, где ранена». И чувство привязанности, которое возникает к матери, радикально отличается от чувства, которое испытывают к отцу. Мать — прежде всего биологическая структура: во время любовного акта именно в ее теле происходит процесс зачатия. К концу беременности — примерно к восьмому месяцу — мать становится эмоциональной структурой, с которой плод, а затем и младенец обменивается различными чувствами. Через мать он воспринимает запахи, тепло, движение, звуки, речь. Только к концу первого года жизни, когда ребенок уже легко различает лицо матери среди других (он начинает его воспринимать с трех или четырех месяцев, но еще недостаточно четко отличает от других лиц), в его психику входит и отец. Только с этого момента отец начинает занимать в психологии ребенка место рядом с матерью, между нею и всеми остальными людьми. Эти две особые структуры получают в устах ребенка свое обозначение несколько позже, когда он начнет произносить: «Папа..., мама...» И взрослые смогут отметить возникновение у ребенка главных эмоциональных категорий. То есть чувство ребенка к матери зарождается задолго до того, как оно будет названо. А отец обозначается в его восприятии незадолго до того, как будет обозначен словами. Мать оказывается источником всех привязанностей и любовей, а отца ребенок открывает только через мать.

Чувство чрезвычайной эмоциональной близости к матери развивается в биологической и эмоциональной среде еще до того, как оно обретет словесное обозначение. Чувство привыкания к отцу развивается на основе ощущения безопасности, которое внушает материнское тело, незадолго до того, как это чувство будет названо.

Формирование этих чувств происходит по-разному в зависимости от пола ребенка. Для мальчика мать — источник и средоточие всех видов привязанностей и любовей, кроме одной — сексуальной, которая в раннем детстве сильно эротизирована благодаря играм и материнским заботам о ребенке, а позже — подавляется. Для девочки мать навсегда остается источником и средоточием всех видов любви без исключения, потому что мать как объект привязанности изначально не может быть для нее объектом сексуального влечения.

Разница в зарождении эмоциональных привязанностей до обретения ими словесного выражения объясняет сексуальный характер процесса вызревания чувств. У мальчиков возникает сексуальная чувствительность, при которой тесно связаны подавление ее и желание перейти к действию, а у девочек зарождение и развитие чувств происходит более мирно и гармонично.

Главное из всего вышесказанного можно свести к следующему: наша потребность любить, толкающая нас на поиски другого человека, должна подчиняться ограничениям, выработанным нашей средой. Если эта среда хорошо развита, то она формирует и эту потребность, делая возможным эмоциональное сосуществование и психологическое взаимодействие.

Когда потребность в любви заставляет нас тыкаться наугад, потому что мы —энцефалопаты или шизофреники; когда мы абсолютно одиноки в эмоциональной пустыне и нам так не хватает любви; когда наша среда плохо организована из-за неправильно сложившихся внутрисемейных отношений или социальных нарушений — во всех этих случаях наша потребность в любви не обретает четкой формы.

Если психологическое взаимодействие невозможно из-за отсутствия объекта любви или чрезмерного слияния с другим человеком, то невозможной становится и эмпатия. Происходящий в этом случае инцест не обозначен словами и его участники не переживают свершившееся как инцест, потому что повинуются будничному сексуальному импульсу. В подобных ситуациях люди совершенно не осознают трагедии, которую являет собой инцест — для них это пустяк, не заслуживающий внимания.

Других же, напротив, чувство вины за участие в инцесте мучает даже тогда, когда общество не считает инцестом те отношения и ситуации, которые вызывают у них тревогу.

Вот почему дьявол не чувствует себя виноватым за содеянное, в то время как ангелы мучаются от одной

мысли, что могут причинить кому-то страдания.

ИНЦЕСТ, НЕ ПЕРЕХОДЯЩИЙ В ДЕЙСТВИЕ:

ВЗАИМОСВЯЗЬ МАТЕРИ И РЕБЕНКА

АЛЬДО НАУРИ

Это мало изученная, но очень нежная и волнующая тема, хотя уже ее название говорит о том, что все начинается именно с этой взаимосвязи. Только не торопитесь обвинять меня в излишней склонности к провокациям и парадоксам. К этому выводу меня подтолкнули моя практическая работа и мои наблюдения. Я понимаю, что он может вызвать некоторые эмоции или недоверие. Поэтому для начала мне хочется представиться и рассказать, как я работаю.

Пройденный путь и моя практическая работа

Я — педиатр. Уже почти тридцать лет. У меня частный кабинет, не прикрепленный ни к больнице, ни к университету, ни к прочим учреждениям. Я работаю в квартале для малоимущих, и мой кабинет открыт для всех, кто обращается ко мне за помощью. Я принимаю триста-четыреста молодых семей в год, то есть это четыре-пять тысяч жалоб, требующих медицинского вмешательства. Это дает возможность годами наблюдать несколько тысяч детей и вникать примерно в такое же число семейных историй, хотя столь огромный объем работы уже не по силам для врача моего возраста. Тем более, если учесть специфический характер моей практической работы.

На определенном этапе своей профессиональной деятельности — это было в начале семидесятых годов — я, как и многие другие, заинтересовался психоанализом. Возможно, вы помните, как он был моден. Я тоже поддался влиянию этой моды и не один год по несколько раз в неделю ходил к психоаналитикам, чтобы полежать на их диванах.

После этого, как это нередко случается и с другими врачами, я начал задаваться вопросом: стоит или не стоит расставаться с медициной, чтобы переквалифицироваться в психоаналитика?

После долгих сомнений и размышлений я решил не покидать своего места, но вознамерился расширить поле практической деятельности таким образом, как до меня, насколько мне известно, никто на это не отваживался. Я пошел на это, не прибегая ни к чьей помощи и прекрасно понимая всю рискованность своего эксперимента. Зато я хорошо представлял себе, каких замечательных результатов я добьюсь, если одно ухо буду прижимать к стетоскопу, прослушивая своих пациентов, а другое открою для исповедей.

Именно так все и получилось. Почти само собой. Хотя и не сразу. Но со временем я чувствовал себя все более и более уверенно. Работа шла не без трудностей, но прогресс был постоянным.

Мало-помалу я стал гибридом, чья гносеология не поддается классификации: для врачей я уже не совсем врач, а для аналитиков — совсем не психоаналитик.

Не совсем врач, потому что я имею наглость придавать большое значение слову и интересоваться той досадной частью врачебной работы, которую невозможно измерить или подсчитать. И совсем не психоаналитик, так как страдаю неисправимым недостатком: не сумев переделать свое терапевтическое либидо, я продолжаю интересоваться телом и самонадеянно полагаю, что мне удастся его лечить. Нетрудно догадаться, что и профессиональные терапевты, и профессиональные аналитики относятся ко мне с равным недоверием, хотя сам я чувствую себя связанным и с теми, и с другими. Я говорю об этом не для того, чтобы жаловаться. Я лишь хочу объяснить, почему чаще всего не желали прислушиваться к моим мыслям и критическим суждениям, которые я мог высказать по поводу многих явлений в области теории и практики.

Однако в моем опыте нет ничего подозрительного. Я был, есть и считаю себя прежде всего врачом. И если мне случается выходить за границы моего профессионального поля деятельности, то только потому, что я слишком дорожу доверительными отношениями с моими маленькими пациентами и стремлюсь во что бы то ни стало оказать им компетентную помощь. Для этого я использую те преимущества, которыми обладает только педиатрия. Это единственная специальность, которая позволяет естественным образом сблизить два подхода: медицину и психоанализ, на что я и решился. Когда я лечу тело, то имею дело с больным ребенком. Когда я слушаю чьи-то откровения, то имею дело с одним или двумя родителями. Вот почему я не могу согласиться с ярлыками, которые мне пытались приклеить: я не педопсихиатр, не психосоматик и еще меньше психоаналитик и уж тем более детский психоаналитик.

Не скрою, что на практике мне не всегда удастся четко разделить один метод от другого. И случается, я невольно ловлю себя на том, что не разделяю тело и слово. Но всякий раз приходится признать, что именно в этих случаях результат бывает значительно лучше, чем когда каждый метод я применяю отдельно от другого.

Вот короткий пример.

Четырехмесячная девочка, преждевременно появившаяся на свет, плохо развивалась. Когда я назвал матери ее вес, та лихорадочно принялась сопоставлять его с предыдущей цифрой, заметив при этом:

«Для меня ей еще только два месяца». Вы, конечно, поняли, что дату рождения ребенка она соотнесла со сроком своей беременности. Я тоже ее понял. И хотя я продолжал осмотр, у меня невольно вырвалось: «Не стоит преувеличивать! Она же принадлежит не только вам, у нее есть и отец».

В результате после осмотра женщина подробно рассказала мне о крайне тяжелых обстоятельствах, в которых протекала ее беременность и что пришлось выдержать ее партнеру. Я услышал историю о том, как они с ним встретились и как мучительно трудно складываются их отношения. Так что я узнал всю историю этой пары.

Месяц спустя у девочки был уже просто цветущий вид, а мать выглядела совершенно спокойной, и я воспринял это как должное.

Не хочу подробно объяснять, что произошло в данном случае. Я привел его только для того, чтобы проиллюстрировать два первостепенных момента.

Прежде всего я хочу подчеркнуть тесную взаимосвязь тела и психики. Понимаю, что эта мысль стала уже банальной. Но хотя она стала общим местом для всех стран и различных научных трудов, к ней не относятся с должной серьезностью. Добавлю лишь, что тело, заявляющее о себе с помощью симптомов, и психическое начало, проявляющееся с помощью речи, развиваются в полной зависимости друг от друга. Что, впрочем, вполне естественно, учитывая целостность и неделимость индивида.

И второй момент, который мне хочется подчеркнуть на примере этого случая. Болезненные процессы происходят одновременно у двух разных индивидов: их симптомы проявляются в теле ребенка, а их разрешение происходит с помощью слов через уста матери. Правда, эти действующие лица — не чужие друг для друга, а напротив — очень крепко связанные между собой. Но главное и самое значительное свойство этой крепкой связи заключается не в ее силе, а совсем в ином. И хотя это совершенно очевидно, мне пока не удастся привлечь внимание к этой очевидности, хотя я потратил на это уже много времени и усилий.

Так вот эта связь изначально четко предопределена и подчинена строгой иерархии: ребенок зависит от обоих родителей, но особенно — от матери, как растение зависит от своих корней. И, если это позволительно, мне хочется выразить пожелание: если вы усвоите хотя бы одну-единственную мысль из всего, что я скажу, пусть это будет именно эта мысль.

Потому что она помогает воспринимать все совершенно в ином свете.

С ней соглашаются применительно только к одной фазе — первым месяцам жизни ребенка. И большинство авторов уверяет, что со временем эта глубокая связь между ребенком и матерью в корне видоизменяется, а затем и полностью утрачивается. А я утверждаю, что она сохраняется неизменной у людей любого возраста и пола.

Я хотел бы привлечь ваше внимание к этому положению. И упомянул «большинство авторов», потому что имею наглость в одиночку оспаривать их мнение. Я не впал в безрассудство и не страдаю манией величия. Но я уже говорил об особенностях моего практического опыта и о том, что принимаю в своем кабинете всех подряд, не производя какого-либо отбора среди больных. Так вот я утверждаю, что большинство индивидов, с которыми мне довелось иметь дело, были бы признаны психиатрами совершенно здоровыми, хотя именно они натолкнули меня на вывод, к которому я пришел не индуктивным путем, а благодаря длительным, непосредственным и кропотливым наблюдениям. Чтобы вам было проще понять мою мысль, расскажу любопытную историю мальчика четырех-пяти лет.

Родители привели его ко мне на прием, потому что он проявлял явный интерес к куклам, игре в дочки-матери, макияжу, материнским платьям и обуви и ко всем прочим вещам в том же духе, список которых вы сами можете без труда продолжить. Из первой же беседы, главным образом с родителями, но в присутствии ребенка, я узнал их историю и понял, что есть немало причин, которые вынуждают этого мальчика стараться занять место девочки в этой семье. Я позволял ему присутствовать и во время моих последующих встреч с родителями. После одной из таких встреч мать тут же вернулась, чтобы сообщить, что я, должно быть, волшебник, потому что ее сын, едва сев в машину, попросил купить ему: «Догадайтесь что? Грузовик! Я была так ошарашена, что невольно спросила: какого цвета? И он ответил: «Розовый!»

Надеюсь, мой рассказ не нуждается в комментариях.

Лечение ребенка требует различных подходов и методов, и нужно признать, что порой их трудно сочетать друг с другом.

Для медицины ребенок — это хрупкое и смертное тело. На эту тему я не буду распространяться, так как не думаю, что оно в самом ближайшем будущем переживет заметную эволюцию.

А для психоанализа ребенок со своим слабым телом — это чистая психика и «субъект», в котором в результате борьбы различных импульсов рождаются желания. Кроме того, ребенок обладает еще и естественной реактивностью, и он прежде всего реагирует на послания, исходящие от его родителей и в первую очередь — от матери.

Если развить последнее положение, то получается, что с одной стороны ребенок — это податливая глина и одновременно надежда для его родителей. Но с другой стороны, ребенок переносит в свое будущее все, полученное им от родителей и пережитое им самим.

В итоге он реагирует на совершенно разные послания, исходящие от родителей и ухаживающих за ним людей, и на собственные импульсы, и в нем идет глубокая и плодотворная борьба противоположностей.

С одной стороны — пассивность и беспомощность, а с другой — мучительное стремление к росту, к развитию.

Если же взглянуть на все это с точки зрения более далекой временной перспективы (а разве ребенок -не наилучший представитель будущего?), то его будущее обусловлено его собственным детерминизмом и таит в себе много неожиданного — тут всегда имеешь дело с лотереей, а с другой стороны, это будущее возникнет и как результат прошлого, которое постоянно вписывается в настоящее, обретая через него свое выражение.

Проблема, как видите, очень сложная, и обсуждать ее совсем не просто. Но и не бесполезно. Поэтому постарайтесь запомнить употребляемые мною термины — они вам пригодятся.

Мать и дитя — идиллия, таящая в себе скрытую опасность

Вот я и закончил свое длинное вступление и перехожу непосредственно к теме. Свой материал я поделил на три неравные части.

Первые части построены как ответы на вопросы, которые я сам себе задаю, а третья — в форме ответов на вопросы, которые задают другие.

Может ли тема инцеста интересовать педиатра и *a fortiori*⁰ такого педиатра, как, я?

Отвечая на этот вопрос, я сразу же должен посожалеть, что семинары по проблеме инцеста не являются обязательными для всех педиатров и для студентов, которые готовятся стать педиатрами.

Потому что педиатр постоянно имеет дело со сложной системой взаимоотношений, а ранние и трудно различимые отклонения в этих взаимоотношениях готовят почву для инцеста, который может совершиться при жизни нынешнего поколения, или последующего, или — через поколение.

Получая множество разнообразных сведений от своих пациентов, педиатр имеет реальную возможность вмешиваться в ситуацию, чтобы вносить упорядоченность в смятение умов, препятствовать падению нравов и распространению ложных представлений, которые насаждают средства массовой информации. Я вспоминаю комментарии своих пациентов во время приема у меня в кабинете после телеинтервью знаменитой южно-африканской бабушки, в матку которой поместили яйцеклетку, оплодотворенную ее зятем. Они повторяли слова телеведущего, который, как я сам слышал, без устали восхвалял этот поступок, называя его «самым прекрасным актом любви». Обыкновенный инцест — а это именно инцест и ничто иное — выдают за «прекрасный акт любви»! Вдобавок — в популярном тележурнале и на весь мир! Есть от чего впасть в растерянность молодым поколениям! Если бы речь шла об одном-единственном факте, можно было бы не беспокоиться. Но не проходит и дня, чтобы какое-нибудь средство информа-

⁰ *A fortiori* (лат.) — тем более. (Прим. изд-ва)

ции не публиковало бы подобных фактов и таких же комментариев. Я сам слышал, как в новостях «Франс-Интер» мадам Жоэль Кауфман, гинеколог и знаменитая супруга журналиста-заложника, в своем интервью по поводу получившего широкую известность первого случая родов у женщины в возрасте менопаузы, заявила, что вот де у мужчин дольше сохраняется способность к продолжению рода, чем у женщин, но эту несправедливость надлежит исправить. Смещение ценностей ведет к путанице в понятиях: разница в физических возможностях выдается за «несправедливость»... Самая настоящая «обработка мозгов».

Все это в целом способствует распространению инцеста, и каждый голос, пытающийся привлечь внимание к этой проблеме, должен восприниматься как крик о помощи.

Не буду предаваться нарциссизму и описывать вам все мои душевные искания, но обрисую в общих чертах, как я пришел к сегодняшним убеждениям.

Должен признаться, что на первых порах я исходил из установок, которые сегодня кажутся мне наивными и сентиментальными. Но еще будучи молодым врачом, я стал задаваться вопросом: почему супружеские пары, приносившие мне свое дитя, на первой консультации, казалось, прямо-таки светились от счастья, но уже очень скоро этот светлый ореол тускнел из-за ссор и ненависти, в которые они погружались? Всякий раз я старался вместе с ними подробно разобраться в истории их взаимоотношений, чтобы отыскать скрытые причины совершаемых ими ошибок. Почти все эти союзы имели схожую историю: взаимная влюбленность, привязанность, свободный выбор друг друга и клятвы в вечной любви.

Продолжая изучать эту проблему, я изменил тактику и стал выяснять родословную своих пациентов. И незамедлительно оценил плодотворность этого метода. Так, например, я заметил, как часто супружеские пары полностью воспроизводят словно бы изначально предначертанный им путь: разрывы и разводы чаще

всего происходят именно в тех парах, чьи родители также пережили развод; с участием матери-одиночки охотнее смиряются и даже намеренно обрекают себя на нее женщины, которых мать воспитывала в одиночку; мужчины, которые были когда-то покинуты своими отцами, неохотно заботятся о собственном ребенке; если родители жили вне брака, то их дети также отказываются вступать в официальный брак и т.д.

Получается, что люди и в своей взрослой жизни невольно подчиняются диктату приобретенного ими в детстве опыта и мировосприятия.

Я мог бы на этом и остановиться. Но я уже упоминал свое терапевтическое либидо и доверительные отношения с моими маленькими пациентами. Поэтому я продолжал анализировать свои наблюдения и открыл существование совершенно очевидной параллели — как в физическом состоянии, так и в психоэмоциональном — между самочувствием детей и их родителей.

Однако я не мог воспринять это открытие как объективную истину, не задаваясь при этом различными вопросами. Ведь у меня было обширное опытное поле, богатое практическими случаями, и я не мог от них абстрагироваться. Хотя я не был убежденным приверженцем знаменитых принципов Поппера⁰, я не мог закрывать глаза на возникавшие у меня сомнения. Итак, у меня вроде бы не было оснований предполагать, что делая свои поспешные заключения, я подменяю ими истинные причины заболеваний. Зна-

¹⁾ Поппер, Карл Раймунд (1902-1994) - английский философ и логик, специалист по теории познания. (Прим. изд-ва)

чит, именно я и должен был нести главную ответственность за распознанный мною недуг? Я был принимающей и отнюдь не нейтральной стороной в той коммуникативной связи, которую сам и устанавливал.

Легко можно вообразить, с какой осторожностью — учитывая созданную мною сеть построений — я воспринимал нынешнюю эволюцию нравов, а также получающее все более широкое распространение искусственное оплодотворение и заметный рост заново создаваемых семей.

В дальнейшей работе мне очень помог один клинический случай, подсказавший мне недостающее звено, в котором нуждалась разработанная мною концепция.

Загадка одной болезни

Однажды вечером, когда я сидел за обеденный стол, супруга спросила, почему у меня такой озабоченный вид. Я довольно рассеянно ответил, что только что госпитализировал новорожденного, которому всего пять дней, потому что у него повышенная температура и, скорее всего, уретрит, но состояние не тяжелое. Так как ее не удовлетворило мое объяснение и она продолжала задавать вопросы, я сказал: «Дело в том, что, по-моему, этот ребенок никогда, слышишь? никогда не должен был бы ничем болеть!» Чтобы отвлечь меня, жена рассмеялась и шутливо заметила, что я явно впадаю в грех, приписывая себе способность предвидеть появление болезней у моих пациентов, тем более в таком младенческом возрасте. Задетый за живое я пустился в долгую дискуссию. Я рассказал жене, что у этого младенца есть старший брат трех лет, которого я прозвал «бакалавром», потому что он—в его-то возрасте — уже бегло читает, хотя ему нелегко дается деление чисел с десятичными долями. Эти способности развивались у него в очень здоровой и спокойной домашней обстановке, и этот трехлетний малыш пока еще ничем ни разу не болел: он даже не знает, что такое насморк или покраснение на ягодицах! Я подробно описал внешние данные и психологический портрет его родителей и отметил, что это — лучшие родители, каких мне доводилось встречать за годы моей врачебной практики. После чего я добавил, что я не только установил тесную связь между превосходным качеством родителей и состоянием здоровья их старшего сына, но был уже на пороге открытия очевидной закономерности, то есть закона. Болезнь младшего брата заставляла меня полностью пересмотреть мои теоретические построения.

Не знаю, убедил ли я в чем-нибудь супругу, но обед прошел вполне благополучно. Спустя две недели этот младенец снова был в моем кабинете. Он перенес инфекционное заболевание мочевых путей, которое, как я и предвидел, оказалось несерьезным. Я тут же признался его матери, что никак не могу понять происхождение этой болезни. Между нами завязался доверительный разговор, и она — к моему полному изумлению — открыла мне, что оба ее сына были зачаты с помощью донора и искусственного оплодотворения. Эта женщина подчеркнула, что она хотела усыновить ребенка, но ее муж предпочел именно этот способ решения проблемы, так как не хотел, чтобы его родня узнала о его бесплодии.

Можете вообразить, как взволновала меня эта информация, и я поинтересовался, чем вызвано бесплодие ее мужа. Я узнал, что причиной служит передавшееся ему по наследству заболевание мочеполовой системы. Трое его дядюшек со стороны отца умерли от инфекционного заболевания мочевых путей, а четвертый выжил только благодаря произведенному почечному гемодиализу. Услышав этот рассказ, я погрузился в глубокую задумчивость, из которой меня вывело веселое и несколько неожиданное замечание матери моего маленького пациента: «Вы же понимаете, доктор, в каком я была восторге, когда вся родня моего мужа собралась вокруг кровати, и все начали хором предостерегать меня: «Будьте осторожны! Очень осторожны! Инфекционные заболевания мочевых путей в нашей семье — это очень серьезно!»

Вот теперь эта болезнь обрела свою первопричину и значение. И я был в полном смысле потрясен. Эта болезнь вовсе не была несчастным случаем, она представляла собой редкий случай реализованного желания отца ребенка — ведь ребенок от рождения приобрел целый набор отцовских признаков.

Теперь пришло время вернуться к положениям, которые я излагал ранее.

Если свести воедино взаимодействие тела и психики и тесную связь мать-ребенок, в которой ребенок очень зависим от матери, то я буду вынужден признать, что именно мать этого мальчика и только она — настоящий виновник его заболевания. В это, конечно, трудно поверить! Слишком невероятно! Как мог микроб послушаться невысказанных вслух желаний? Ведь микроб не имеет никакого отношения к психологии. Что же это тогда? Задаваясь этими вопросами и проявляя детское недоумение, мы забываем по крайней мере три вещи:

1. что почка — это замечательный выделительный орган, с помощью которого организм освобождается от токсинов;
2. что гипоталамус также безостановочно вырабатывает свои гормоны, которые участвуют в иммунных процессах на уровне почек;
3. что материнский язык жестов, который я называю «материнским подсознанием, переведенным в действие», способен понизить или повысить выделение у ребенка этих самых веществ. Если соединить все это воедино, перед нами будет решение нашей загадки.

Ведь именно мать была заинтересована в урологическом заболевании своего ребенка, потому что благодаря ему мгновенно и навсегда доказала всем окружающим и собственным детям, что ее муж — небесплоден, и еще больше упрочила его роль как отца.

Совершенно особый характер придает сделанным мною наблюдениям искусственное оплодотворение, которое имеет здесь первостепенное значение: оно должно было защитить эту супружескую пару от передачи их детям серьезной наследственной болезни. Но этот случай как нельзя лучше показывает, что именно мать с ее великодушием приобщает ребенка к системе символических знаков, в которых он так нуждается, и процесс этот возможен даже в таких неблагоприятных условиях, как эти.

К слову добавлю, что время от времени на протяжении нескольких лет мне доводилось видеть этих мальчиков. Их отличное здоровье и замечательное развитие лишь подтверждали мои первоначальные прогнозы.

Вот почему, пользуясь каждым случаем, я стараюсь донести до своих слушателей и читателей суть моего клинического опыта. И я взвешиваю каждое слово, когда формулирую свой вывод: если родители хотят создать наилучшие условия своему ребенку для крепкого физического здоровья и психического равновесия со дня его рождения и на протяжении всей жизни, результат их воспитания целиком зависит от того, с уважением или без него относятся они к этому Щекотливому моменту — закону о запрете инцеста.

Что может сказать педиатр и тем более такой педиатр, как я, по проблеме инцеста?

Вы сами убедитесь, что я могу сказать не так уж мало, так как постараюсь описать, оценить и проанализировать последствия тесной взаимосвязи мать-ребенок, которая, как я уже сказал, сохраняется не только в младенческом возрасте, но и на протяжении всей жизни. И каждый из нас, будь то мужчина или женщина, вынужден решать порождаемые ею серьезные проблемы.

Чтобы подвести вас к моей главной идее, я попытаюсь объяснить свойственные только человеку биологические явления, а также их клинику. Хотя я рассматриваю каждую из двух линий, образующих тесную взаимосвязь мать—ребенок, эту парадигму последующих отношений, я понимаю, что подобное разделение несколько искусственно и при этом я значительно смягчаю тот накал, который в действительности присущ этой взаимосвязи.

Линия, идущая от матери к ребенку, заставляет нас обратиться к его внутриутробной жизни, о важности которой еще несколько лет назад даже не подозревали.

Сегодня это звучит смешно. Но я думаю, что для развития науки и научного мышления это не было случайностью. В шестидесятые годы, в пору моей учебы, к новорожденному все еще относились так же, как относились к нему в прошлом веке акушеры. Он по-прежнему считался «необходимым и неизбежным продуктом спальни». Только в сентябре 1969 года «Педиатрикс», международный журнал по педиатрии, решился, наконец, обратить внимание на эту проблему и в своей редакционной статье призвал заняться ею своих авторов. И что самое забавное: стараясь сделать свой призыв более заманчивым, автор этой редакционной статьи снабдил его каким-то нелепым комментарием и словами: «Кажется, это интересно». Так что еще совсем недавно о новорожденном попросту ничего не знали. Теперь учреждений, изучающих внутриутробную жизнь плода, с каждым днем становится все больше, а в медицинских школах появился даже курс по этой теме и закончившие его специалисты получают соответствующий диплом!

И я хочу задержаться на открывающихся сейчас важных элементах в особой природе той привязанности, которую ребенок сохраняет до конца жизни к своей матери. Добавлю, что все, что открывается в этой области, каждая женщина, отважившаяся стать матерью, во все времена познавала и познает на собственном опыте.

Перехожу к фактам. В период между десятой и двадцать четвертой неделями беременности у плода стремительно развиваются взаимосвязь всех систем и те зоны головного мозга, которые связаны с уже хорошо развитыми к этому времени органами чувств. Благодаря этому и начиная с этой стадии, у плода формируется пока еще слабо развитая система взаимоотношений.

Чувство осязания и координация позволяют ему фиксировать занимаемое им положение в утробе и воспринимать все перемещения матери, да и все, что она делает.

Одновременно с развитием этих двух чувств у плода развивается обоняние, причем на этой стадии оно отличается гораздо большей тонкостью, чем в период, когда ребенок начинает дышать. Во время внутриутробного развития орган дыхания плода способен различать запах химических молекул, растворенных в амниотической жидкости. Благодаря ему плод воспринимает и запоминает характерный запах матери, который он узнает позже, в запахе ее кожи, подмышками, у корней волос, в первых же каплях

молозива. Он способен также чувствовать запах элементов, из которых состоит пища, потребляемая матерью, запах ее духов и табака, если она курит. Обоняние вступает в тесное взаимодействие со способностью воспринимать вкус молекул, попадающих в амниотическую жидкость, которую обильно потребляет плод. Большая часть молекул, составляющих пищу, просачивается сквозь стенки плаценты и доходит до вкусовых бугорочков плода. Так что можно сказать, что на протяжении многих месяцев плод участвует во всех трапезах своей матери, вырабатывая при этом собственные предпочтения и наоборот.

Слух также не отстает в своем развитии. Звуковой внутриутробный мир напоминает гул, царящий в зале ожидания вокзала или аэропорта. Урчание в животе, биение сердца, шум крови, бегущей по крупным кровеносным сосудам, образуют легко воображаемый глухой и неопределенный шепот. Это утверждение многократно пытались оспорить, отрицая способность плода узнавать материнский голос, который он, якобы, не может отличать от прочих звуков. Те, кто рьяно отстаивает эту позицию, отрицают и нашу способность различать шепот близкого человека в любом шуме и гаме.

Но опыты с новорожденными показывают, что, не успев появиться на свет, младенец способен узнавать голос матери, так как во время своей внутриутробной жизни плод выделил мелодию материнского голоса из всех прочих шумов и так ее запомнил, что во время некоторых опытов младенцы узнавали материнский голос, доносившийся из наушников, надетых им на уши.

Я не буду задерживаться на этой информации, но она интересна во многих отношениях.

Во-первых, она помогает понять: когда младенец появляется на свет, у него на протяжении последних месяцев уже складывалась своя система отношений, — естественно, совершенно рудиментарная по сравнению с той, что возникает у нас, когда мы начинаем говорить, но, тем не менее, богатая очевидным сенсорным опытом.

Во-вторых, мы можем допустить, что информация, доходящая до органов чувств плода, подчиняется определенному ритму. Часы бодрствования сменяются у его матери сном, еда чередуется с часами без пищи, движение с неподвижностью, речь с тишиной. Кто знает, возможно, благодаря этой очередности, закладываются изначальная способность адаптироваться к суточному ритму и смутные зачатки осознания течения и динамики времени. Я пойду дальше и предположу, что на этот же счет можно занести и зарождение восприятия диалектики жизни.

Не буду подробно останавливаться на этом предположении, хотя в последнее время я много размышлял как раз на эту тему.

И, наконец, третий аспект, — на мой взгляд, самый важный. Сожалею, что не все понимают его важность, хотя мне она представляется бесспорной. Он объясняет ту предопределенность и иерархичность взаимосвязи мать—ребенок, которую, как я уже сказал, далеко не все признают. Ведь все запахи, что воспринимают органы чувств развивающегося плода, и вообще все, что регистрирует его мозг, исходит только из тела матери.

В сенсорном плане, который будет играть главную роль при построении системы отношений, новорожденный в буквальном смысле слова запрограммирован — я настаиваю именно на этом слове — исключительно материнским телом. И на протяжении всей жизни он сохранит сформированную матерью систему чувств, которая позволит ему без помощи слов улавливать и воспринимать как настойчивые, так и едва различимые послания, исходящие от его матери. Я уже приводил вам случаи, которые подтверждают это положение. Это позволило мне написать в моей книге «Место для отца» (1992), что мать для новорожденного — это «багаж знаний», который помогает ему строить отношения с окружающим миром. Если расширить эту мысль, то коммуникация между матерью и ребенком происходит через подсознательные вариации мышечного материнского тонуса, и язык жестов матери — это ее подсознание, переведенное в действие.

Так что мы не без оснований считаем, что наше осязание и вестибулярный аппарат развиваются прежде

всего, и мы, взрослые, эксплуатируем их, не всегда соразмеряя их значимость. Достаточно подумать о том, сколь многое позволяет нам почувствовать простое рукопожатие, легкое касание щеки или ощущение поддерживающей нас руки, не говоря уж о том, что мы чувствуем во время наших любовных отношений. Если подобное общение с помощью жестов и касаний сохраняет для нас, взрослых, такое важное значение, хотя оно сопровождается и словесным общением, то можно представить себе, какой смысл оно обретает при отсутствии речи. Что касается меня, то в своей практике я ежедневно и при всех обстоятельствах использую именно этот способ общения с моими маленькими пациентами.

И хочу подчеркнуть, что психоаналитики, которые, по примеру Франсуаз Дольто, практикуют «психоанализ новорожденных» и превозносят свои успехи, наверняка сами невольно прибегают к этому же способу общения, но скрывают это, чтобы возвысить роль слова, которое ребенок в таком возрасте абсолютно не способен расшифровать.

Это изначальное программирование сенсорной взаимосвязи оставляет в человеке никогда не стираемый след. Не подумайте, что это какой-то там нейтральный или застывший след. Или безобидный отпечаток прошлого, который легко преодолевают. Этот след живет в человеке всю его жизнь и зачастую неосознанно для самого человека преломляется даже в самых незначительных реакциях его органов чувств.

Эта нить сенсорной связи, возникающей между ребенком и его матерью, пронизывает все его мировосприятие и будет способствовать созданию настоящей системы безопасности, превращая детство в источник утешения, из которого подпитывается любая ностальгия. Заканчивая эту фразу, я не могу не вспомнить героя Пруста, вспоминающего, как в детстве он с наслаждением жевал свою знаменитую «мадлену» в ожидании прихода горячо любимой матери, которая полностью владела его детским существом. Он ждал ее с таким нетерпением, что у него даже начинались приступы астмы.

И я предполагаю, что в этой запрограммированной сенсорной связи содержится изначальный и составной элемент искушения инцестом, которое каждый из нас способен испытывать в какие-то моменты жизни, но вынужден подчиняться, как отмечал Фразер, закону, запрещающему переходить к действию, хотя не существует закона, запрещающего брать в руки огонь. Я еще вернусь к этому несколько позже.

А если вспомнить, что в период нашей внутриутробной жизни мы абсолютно ни в чем не нуждаемся, то, вступив в этот мир, мы открываем горизонты, которые заставляют мечтать о реализации наших самых смелых устремлений в области политики и экономики, а также нашей жажды безопасности и благополучия, удовлетворения наших самых безумных желаний и даже воцарения всеобщей справедливости!

Возможно, вы заметили, что разбирая подробно роль органов чувств у младенца, я не упомянул зрения. И не случайно.

Зрению принадлежит совершенно особая роль. Оно бездействует в период внутриутробной жизни, которая протекает без света. Но оно начинает стремительно развиваться к моменту появления ребенка на свет. И хотя к этому времени еще не открываются все возможности зрения, оно уже начинает выполнять функцию синтезатора.

Давайте вспомним, какому наказанию подвергает себя в известном мифе Эдип. Почему он выкалывает себе глаза? Может быть, для того, чтобы лишиться себя органа, который не выполнил своего предназначения? Это, конечно, гипотеза.

Но подобное предположение возникает также, если вспомнить мучительное наказание, которому подвергали совершивших кровосмешение в одном из районов Индии. Им отрезали гениталии, и они, неся их в руках, должны были вечером покинуть город, идя навстречу заходящему солнцу.словно их обрекали исчезнуть в ночи — по аналогии с той безнадежной тьмой, в которую они погрузились, вступив в кровосмесительный союз.

Так вот эту роль синтезатора зрение выполняет без всякого труда. Информация, воспринимаемая благодаря зрению, дополняет ощущения, которые возникают у ребенка: воспринимаемые им запахи, вкус, голос, манеру брать его на руки; и новорожденный, появившийся на свет всего несколько часов назад, уже способен запомнить лицо матери, хотя он может видеть ее пока только в зоне шести сантиметров. Если вспомнить, как часто матери очень близко подносят голову к лицу ребенка, то будет ясно, что этим жестом они невольно отвечают возможностям зрения новорожденного.

Вот примерно то, что я хотел сказать о первой линии, составляющей взаимосвязь мать—ребенок.

Вторая линия, идущая от ребенка к матери, выявляет то, что я называю «природной предрасположенностью матери к инцесту», которая является главной составляющей частью женского желания.

Беременность — это событие, которое вовсе не проходит бесследно для жизни женщины. Этот этап имеет для нее такое огромное значение, что он непременно и до основания потрясает женскую психику. Прежде всего, беременность помогает свершиться столь долго ожидаемому обещанию, заложенному в самой анатомии и физиологии женского тела. И на протяжении долгих месяцев материнское тело служит главным образом вынашиваемому плоду, удовлетворяя все его потребности и даже предупреждая их. Именно от этого и зависит благополучное развитие событий, а также формирование материнского чувства, сохраняемого на всю жизнь.

Логическое продолжение периода беременности с наибольшей отчетливостью проявляется в первые недели и первые месяцы после родов. Отделенные друг от друга тела упорно стремятся вновь соединиться. Рот ребенка жадно ищет набухшую грудь матери, а та жаждет освободиться от переполняющего ее молока и испытать не только желанное облегчение, но и удовольствие.

Я мог бы многое рассказать о том, как протекает у некоторых процесс кормления грудью, о груди как таковой и материнском молоке. Но не буду на этом задерживаться и скажу лишь, что кормление грудью иногда полностью удовлетворяет склонность матери к инцесту и так ее истощает, что она отказывается от кормления. И если роды начинаются по сигналу, который исходит от плода, то когда мать по своей инициативе отнимает ребенка от груди, она — можно сказать, уже по своей воле — еще раз производит его на свет. Ведь она сама прерывает слияние с ребенком, когда не различимы субъект и объект.

Идиллическая картинка, привычно вызывающая умиление, отражает только внешнюю, поверхностную сторону взаимосвязи «мать и дитя», не выявляя подспудной и затаенной реальности. Нужно повидать и послушать бесконечное число молодых матерей, которые — каждая по-своему — рассказывают о собственном материнском опыте, чтобы понять, как много значит для них выполнение материнских обязанностей. Словно они внезапно осознают всю тяжесть ответственности, которая легла на их плечи из-за непоправимого и безумного подвига, который совершило их неразумное тело. Этих женщин охватывает такой ужас, что он буквально парализует их, позволяя двигаться только вспять. Они так страшатся будущего, что вместо того, чтобы стремиться вперед, стараются спрятаться в скорлупу недавно пережитого опыта, воспоминание о котором еще хранит их тело. И это кажется им вполне обоснованным, потому что будущее — полно неизвестности, а недавнее прошлое уже принесло совершенно очевидный результат — ребенка. И вот женщину мучают постоянные страхи, беспричинные тревоги и неуверенность, заставляя без конца выпрашивать всевозможные советы и рецепты.

Этот период длится относительно недолго. Я думаю, как раз примерно тот срок, который требуется для восстановления всех органов и функций материнского тела: сокращения матки после родов и возвращения месячных. Но в ожидании этого тело женщины словно бы остается со всех сторон открытым. и все его органы оплакивают только что пережитую потерю. В своей практической работе я оцениваю этот этап как важнейший и уделяю ему огромное внимание, чтобы не пропустить ни малейшего знака или симптома и

предотвратить осложнения, которые угрожают моему новорожденному пациенту. И не скрою, бываю доволен тем, что получил свое второе образование.

Потому что если этот процесс пустить на самотек, что чаще всего и бывает, то он может принять совершенно нежелательный оборот.

Беспричинные страхи и тревоги, вызванные различными слухами, разговорами и дезинформацией, потребуют от женщины усиленных и внешне прямо-таки образцовых и беспримерных материнских забот о своем малыше. Недавний и самый важный для женского тела опыт одержит верх, и животное материнское чувство вытеснит все остальные. Отсюда и хорошо известные всем врачам жалобы: «У меня от него лихорадка.., у меня от нее отит.., она меня совсем не сосет»,— которые произносят, даже не называя имени ребенка.

Отчего так происходит?

Точно так же, как тело женщины во время беременности старалось предугадать каждую потребность развивающегося в ее утробе плода, так и материнское тело отдается удовлетворению потребностей ребенка, которые он каким-то образом проявляет. Каждый заботливый жест помогает матери забыть преследующий ее безумный страх. И подобная материнская забота помогает ребенку — как принимающей стороне во взаимосвязи мать-ребенок — выработать свою собственную систему безопасности. Попутно он, к сожалению, утверждает в мысли, что его мать

— всемогуща, что она ни в чем ему не отказывает и не может отказать, потому что единственное ее желание

— сделать все, чтобы он «ни в чем не нуждался». Мало того, что такая забота приучает ребенка к постоянным излишества, она способствует воспитанию пресловутого ребенка-короля, которого наше общество вот уже несколько десятилетий, по-моему, превращает в свою эмблему и, следуя логике общества потребления, не может нарадоваться, что у нас «никто ни в чем не нуждается». Мы создали общество, которое я называю «l'effet-mere» или, еще лучше, «l'ephemere», где главенствует этот принцип. Вместо отвергнутого нами общества, «где всего не хватало», мы создали общество, где царит перепроизводство, предвосхищающее всевозможные желания.

Чтобы проиллюстрировать свою мысль, я напомним трагический и в то же время карикатурный случай, о котором газета «Монд» рассказывала в статье под заголовком «Освобождение матери». Эта с блеском написанная статья освещает судебный процесс над матерью, которая тремя выстрелами в голову убила своего сына-наркомана. Эта мать сразу признает, что ни в чем не знала меры: «Я была мать-наседка». И, ничтоже сумняшеся, добавляет: «Мы с сыном были очень сильно привязаны друг к другу. Мы были с ним во всем заодно. Я всегда защищала и опекала его. Когда он вырос, и у него начались любовные приключения, он мне все рассказывал». И она с полной чистосердечностью излагает все новые и новые подробности в том же духе. В конечном счете, все это привело ее к выстрелам, за которые ее приговорили к неслыханно мягкому наказанию — один год тюремного заключения, да и то условно. Причем, этот приговор встретили в зале суда овацией!

А я задаюсь вопросом: как суд, вынесший ей такой приговор, воспринял ее искаженное от начала до конца представление о системе символических знаков? Потому что, на мой взгляд, эта мать совершила детоу-

¹⁾ «l'effet-mere», «l'ephemere» — игра слов, которую можно перевести: «общество, где царит материнская забота» или «эфемерное общество». (Прим. изд-ва)

бийство, которое было запрограммировано изначально. Просто она совершила его с некоторой отсрочкой и совершенно безнаказанно. Неужели образ сверхлюбящей матери до такой степени подчинил себе наш менталитет, что мы могли дойти до подобной ситуации? Неужели каждый член суда вообразил себя

в роли этой матери и до такой степени забыл о правосудии, что проявил столь удивительное снисхождение? Если вспомнить, с какой яростью клеймят пресловутого «*paterfamilias*», который считал себя вправе казнить и миловать своих близких, то перед лицом таких фактов невольно задаешься вопросом: что же наше общество получило взамен?

И, конечно, не случайно оно таким диким образом борется с неразрешимой проблемой, которую являют собой наркотики.

Вернемся к взаимосвязи мать—ребенок и рассмотрим ее на примере этого судебного дела.

Если при появлении ребенка на свет и необходимом отделении одного тела от другого мать полностью отдается лишь одной-единственной страсти — своей заботе о ребенке, и это становится всем смыслом ее существования, взаимосвязь мать—ребенок будет развиваться и дальше в таком же духе. В результате в семье будет ребенок-король и мать-королева. Желания одного будут растворяться в желаниях другого и наоборот. Произойдет слияние личностей, очень опасное для обоих. Как показывает и этот судебный случай, жизнь матери замыкается лишь на ее ребенке, и она полностью овладевает его личностью, изо всех сил стараясь вылепить его в соответствии со своими желаниями или тем образом, который она придумала для него, что в конечном счете одно и то же. Движимая своей безграничной материнской за-

Paterfamilias (лат.) — отец семейства. (Прим. изд-ва)

ботой, она стремится и в жизни создать для него условия, повторяющие условия его существования в ее чреве, когда он ни в чем не нуждался.

Не думайте, что подобные отношения являются редким исключением. Таких матерей — легионы, и в своей материнской любви они заходят слишком далеко, хотя чаще всего и не попадают за это на скамью подсудимых.

Так, например, одна из таких матерей с гордостью рассказывала мне, до чего она додумалась, когда родила третьего сына (у нее уже были мальчики восьми и шести лет): «Я боялась, что когда мои сыновья вырастут, они будут бояться женщин, так как у них нет сестры, а мой муж больше не хотел иметь детей. И я решила, что должна открыть им все тайны женского тела. Я показала им свое тело и все объяснила. И каждый раз, во время месячных, я показываю им, как меняю прокладки».

Как объяснить подобное поведение?

Я уже сказал: такие матери стараются продлить ситуацию и взаимоотношения со своим ребенком любого пола — это важно подчеркнуть, — которые повторяют взаимосвязь, существовавшую у них с плодом во время беременности.

Такие матери словно пытаются вернуть в себя свой плод, совершая по сути настоящий инцест. В то же время они яростно сопротивляются этому искушению, и сама мысль об этом вызывает у них нескрываемый ужас. Они полагают, что соблюдение ими внешних приличий позволяет им отбиваться от любого обвинения в инцесте. Хотя на самом деле они поступают еще хуже. Потому что в метафорическом смысле они лишают своего ребенка малейшей возможности выйти из их тела и приговаривают его на вечное заключение в своей утробе, способной расширяться благодаря эластичным стенкам. Не имея возможности вернуть в себя тело ребенка, которое, к несчастью, все время растет, они в буквальном смысле душат его своей сверхзаботой. Вот что я называю «естественной материнской предрасположенностью к инцесту». И вы согласитесь со мной, что она проявляется как раз в таких случаях — даже если дело и не доходит до непосредственных половых отношений.

Думаю, что сам язык не случайно этимологически подтверждает излишнюю родственную близость, о которой я только что говорил.

Если проследить историю слова *инцест* в его сегодняшнем общеупотребимом смысле, то оно

происходит от латинского *incestum*, что означает святотатство. А само слово *incestum* происходит от *incestus*, что означает *нечистый, грязный*. Слово *incestus* образовано из отрицательной приставки *in* и слова *cestus*, преобразованного от *castus* и означающего *девственный, чистый*. Так что *incestus* может иметь и значение *нецеломудренный* и это легко увязывается с тем сводом запретов, которым подчинялись жрецы и весталки. Но можно также допустить, что то же слово *castus* при эволюции языка в скором времени слилось со словом *cassus*, означающим *пустой, свободный от чего-то*, а затем и с глаголом *sageo*, означающим «*мне не достаёт*». Поэтому не будет никакого греха, если слово *incestus* переводить как «*тот, кто ни в чем не нуждается*», и сопоставить его с желанием каждой матери создать своему ребенку такую жизнь, чтобы он «*ни в чем не нуждался*».

Может, естественно, возникнуть вопрос: так ли уж все это опасно и не преувеличиваю ли я степень этой опасности, посвящая ей так много времени и места. Ведь в конце концов разве не известно, что проблемы, возникающие в раннем детстве, с возрастом решаются сами собой?

Должен сказать, что естественная материнская предрасположенность к инцесту крайне необходима для малыша и она обладает бесспорным животворным потенциалом. Винникот называл ее «первобытной материнской заботой» и не очень ее опасался. Но я все-таки добавлю, что если эта естественная склонность превращается в самоцель и не имеет никакого противовеса, то она становится не животворной, а напротив — смертоносной. И если ее накал вовремя не снизить, то в дальнейшем она может причинить очень серьезный вред. И я покажу вам это на двух примерах. Речь идет не о детях.

Что он в ней нашел? В первом случае речь идет о пятидесятилетне? мужчине.

Расставшись с женой и детьми, он не прекратил бывать у меня. Он приходил ко мне на прием, когда плохо себя чувствовал, или приводил детей своих временных пассий. Но я все-таки полагал, что свои? Подруг он выбирал из-за их привлекательности, а не потому, что они имели детей. У меня не было оснований думать, что он отличался сверхсильным отцовским чувством. Я думал, что скорее всего его приводит ко мне перенесение чувств, которое он испытывает в моем кабинете. Добавлю, что сам он был очень хорош собой, у него была редкая творческая профессия, а он постоянно жаловался на огромные долги.

Как-то, в особенно тяжелый для него период, он по звонил мне по телефону и попросил, чтобы я приняла ребенка только что нанятой им на работу секретарши и подчеркнул, что денег у нее нет. Какое-то время я принимал эту даму, но сам он никогда ее не сопровождал. Это была настоящая уродина, тупая и неуклюжая, которая никак не вписывалась в череду его прежних красивых подруг. И я не понимал, как такой эстет, как он, мог притерпеться к внешности этой дурнушки.

Несколько месяцев спустя он вдруг заявляется ко мне в часы приема в сопровождении своей бывшей супруги.

Я вижу, что он едва держится на ногах, смертельно бледен и давно не брит. Мой друг признается, что находится на грани самоубийства. Он целую неделю ничего не ел, хотя выпил два литра виски и выкуривал по шесть пачек сигарет в день. И он рассказывает, что же довело его до такого состояния.

Некоторое время назад ему наконец-то посчастливилось заполучить контракт, о котором он мечтал всю жизнь и который позволял ему разом покончить со всеми его долгами. Не буду излагать все детали. Скажу только, что по этому контракту он должен был на три месяца ехать работать за границу и заниматься там бесценной коллекцией шахматных фигур. Он работал не покладая рук и выполнил все, что от него требовалось. Единственная фигура, с которой у него ничего не получалось, был король. Он с ним столько возился, что в конце концов уронил его наземь, и король сломался. Страшась гнева своего заказчика, он отказался от вознаграждения, собрал вещи, бросился в аэропорт и вылетел первым же самолетом: «Но самое худшее ожидало меня зде-е-е-сь!» — с трудом выговорил он сквозь рыдания. Я вообразил, что в аэропорту его встречали полицейские или охранники иностранного посольства. Но сквозь его безутешные рыдания я

разобрал: «Она ушла-а-а, она бросила меня-я-я!» Я дал ему выплакаться и несколько протрезветь — в ожидании, когда же он скажет, кто его бросил. Но, не дождавшись, сам робко спросил его об этом и услышал, что виновница — его злосчастная секретарша! Признаюсь, мне трудно было в это поверить. И, мучимый любопытством, я задал ему наивный вопрос: «Да что вы нашли в этой женщине? Почему вы так горюете из-за нее?» И он ответил: «Это единственная женщина в моей жизни, которая никогда и ни в чем мне не отказывала».

Если перевести это на язык той проблемы, которую мы обсуждаем, то это значит: «как моя мать».

Роковое совпадение: сначала он ломает, чтобы не сказать убивает, короля-отца, а после этого его покидает безотказная мать. Есть от чего впасть в черную депрессию.

Лучшие побуждения и дорога в ад. Героиня второй истории — женщина, которой тоже около пятидесяти лет.

Я познакомился с ней после рождения ее единственного ребенка, Жана. К тому времени, когда события примут драматический оборот, мальчику будет тринадцать лет.

Эта женщина, выйдя замуж, несколько лет жила вместе с мужем в частном доме своей одинокой матери. Та уже развелась с мужем, отцом женщины, и не смогла ужиться с собственным сыном, который поселился где-то на стороне. Когда родился Жан, то из-за тесноты бабушка предложила забрать мальчика в свою комнату. Но по ночам он плакал, а ей было тяжело вставать к нему, и в очень скором времени ребенок перекочевал в бабушкину постель. И все были довольны, поскольку обожаемый малыш теперь лучше спал и не уставал в течение дня. Начав беседовать с родителями Жана, я наткнулся на непреодолимое сопротивление. И единственное, чего я добился, так это того, что Жан покинул постель бабушки, но что еще хуже — наотрез отказавшись спать один,— переселился в постель к родителям и стал спать между ними.

Шли годы, однако ничего особенного в этой семье не происходило. И постоянно наблюдая за этим мальчиком, я должен был признать, что развивается он нормально. Никаких тревожных симптомов.

Так продолжается пять лет и вдруг обеспокоенная мать жалуется, что ее сын все время просит отрезать ему «пиписку». Воспользовавшись этим предлогом, я настоятельно рекомендую пройти мальчику курс психоанализа. Мать соглашается. Но психотерапевт, к которому она обратилась, звонит мне и говорит, что не верит в позитивный результат своих сеансов, если кто-то одновременно не будет работать с родителями мальчика. Он дал им это понять, и они не возражают пройти курс психоанализа. Я согласился поработать с ними и начал регулярно встречаться с этой парой.

Понадобилось два года работы, чтобы вытащить Жана из родительской постели. К сожалению, процесс лечения пришлось прервать. Решив, что все уже в порядке, родители Жана не придумали ничего лучшего, как купить квартиру на противоположном конце Парижа и не пожелали больше ездить ко мне на прием через весь город.

В последующие несколько лет я ничего не слышал об этой семье.

Но в один прекрасный день ко мне заявляется мать Жана. И рассказывает, как ужасно сложилась ее жизнь. Она запила, сменила четырех психиатров, но они не смогли ей помочь, после чего она предалась самому настоящему блуду. Каждый вечер она выходила из дома в поисках случайного партнера, чтобы провести с ним ночь. Возвратившись как-то утром домой, она обнаружила свои вещи перед дверью. «Мне ничего не оставалось, как снова вернуться к моей матери. Для меня — это настоящая мука, а вас она ненавидит, как и прежде. Я пришла к вам, потому что вы — третья мать Жана, хорошая, и мне самой хотелось бы иметь такую мать», — сказала эта женщина.

Любой психоаналитик, да и любой человек, имеющий представление о психоанализе, без труда догадается, что первопричиной этих драматических историй послужил знаменитый Эдипов комплекс, не

преодоленный ни в том, ни в другом случае.

И это действительно так. Но проблема гораздо глубже и серьезнее!

Потому что тот, кто полагает, что от Эдипова комплекса можно полностью и навсегда излечиться, ошибается. Нужно сказать прямо и откровенно: в реальной жизни это оказывается невозможно! У кого-то — если вовремя начать с ним работать — его можно заглушить. У кого-то его можно несколько притупить и ослабить. Главное — откорректировать психику так, чтобы человек нормально интегрировался в повседневную жизнь, и этот комплекс не причинял ему вреда. Но от него никогда полностью не излечиваются и его невозможно преодолеть. Даже если вы пройдете курс лечения у профессиональных психоаналитиков. Даже если это будут самые опытные и знаменитые психоаналитики. Даже Лакан в частных беседах признавался, что еще вопрос: хорошую или плохую службу оказал психоанализу Фрейд, сформулировав свою концепцию Эдипова комплекса.

Эдипов комплекс — на самом деле вовсе не то, что о нем говорят. Это не просто история маленького мальчика, который хочет жениться на своей матери и по совету отца легко отказывается от своей затеи. Это и не история маленькой девочки, которой вдруг хочется заменить собой мать, но стоит ей открыть для себя волшебные свойства идентификации, как у нее все сразу проходит. Эдипов комплекс — это прежде всего последствие той самой предрасположенности к инцесту, в которую облачается извечная и бесконечно трагическая история любви. Той самой любви, от которой никто не способен полностью излечиться.

Объект этой любви и для маленького мальчика, и для маленькой девочки — их собственная мать, всемогущая и преданная им мать. Даже если они и обретут отца, который будет иметь для них лишь метафорическое значение, и примирятся с ним как с неизбежной реальностью, все равно они всю жизнь будут втайне надеяться на его исчезновение. И никакой даже самый замечательный отец в одиночку не может уберечь своих детей от этой мучительной внутренней борьбы. Как и в каждой истории любви, так и здесь только сам объект этой любви должен резать по живому. Иными словами, только мать очень четко должна дать понять своему сыну и дочери, что она имеет право любить не только их. В частности, она любит их отца, и благодаря этому отец в буквальном смысле обретает в семье роль всеобщего спасителя. Именно этого сумела добиться мать маленького «бакалавра» в той необычной истории, которую я вам рассказывал. Первым и необходимым условием для создания нормальной семьи должно быть полное и окончательное отречение матери от своей предрасположенности к инцесту, а не только стремление усыпить ее на время. К сожалению, такие матери встречаются в наше время все реже и реже.

Вот почему мне пришлось говорить о биологических процессах. Они помогают лучше понять природу взаимосвязи мать—ребенок, которая начинает ткаться еще в материнской утробе.

Даже не вникая в подробности, нетрудно понять, что, как я уже говорил, в раннем возрасте любая информация воспринимается как бесспорная истина. Если мать полностью подавляет свою маленькую дочку, и та считает это естественным, то позже, став матерью, она будет так же подавлять своих собственных детей. Мальчик, воспитанный подобным образом, будет воспринимать как нечто закономерное, если в будущем его жена будет также подавлять его детей — ведь в ней он будет узнавать собственную мать. Когда подобные отношения закрепляются и воспроизводятся из поколения в поколение, то в конце концов в таких семьях предрасположенность к инцесту незаметно переходит в инцест как таковой. В качестве подтверждения хочу напомнить, сколь часто матери участвуют в инцесте первого типа и как распространен гомосексуальный инцест мать—дочь. И хочу процитировать еще недавно примерного отца, который после рождения второго ребенка, мальчика, начал посягать на свою дочь: «Не знаю, что на меня нашло... Я думал, жена будет меня любить, как раньше... Я просил ... Я долго ждал... А она — никак... У нее теперь малыш, которому она все отдает... Я хотел, а она — нет... Она не обращала больше на меня внимания... Не знаю, что на меня нашло... Верно, я сошел с ума, если подумал, что, может, моя маленькая дочка ...»

Самое главное. Или трудный вопрос, требующий ответа

Говоря о проблеме инцеста, я постарался осветить ее сквозь призму своей клинической практики, и, возможно, был при этом чрезмерно эмоционален. Но как вы поняли, я не сочувствую попыткам воспринимать инцест как ненаказуемое явление и полагаю, что даже разговоры об этом не безвредны. Я уже говорил о том, как растормаживает общественное мнение подобного рода информация.

Инцест во всех случаях сказывается на развитии индивида. И не только из-за социального давления, не совместимого со священными свободами и правами человека, которые непременно вспоминают, предавая анафеме инцест. Он опасен тем, что переходящая из поколения в поколение склонность к инцесту и недопустимое слияние в конце концов могут привести к трагедии и насилию.

Вот вам поучительный пример.

Вивиан и ее семья.

Одиннадцатилетнюю Вивиан привели ко мне на прием, потому что у нее вдруг резко упала успеваемость. Я быстро выясняю, что это началось с того момента, когда ее мать, давно разведенная с ее отцом и в одиночку растившая дочь с грудного возраста, заговорила о том, что собирается снова выйти замуж. У девочки могло быть немало причин, чтобы болезненно реагировать на желание матери обзавестись новым мужем. И мать Вивиан была не так глупа, чтобы не догадаться о некоторых из них. Так, при мне она объясняла дочери: «Не думай, что я буду относиться к тебе иначе. Что бы ни произошло, ты останешься моей дочкой, и я буду относиться к тебе так же, как отношусь к тебе сейчас».

Однако история этой семьи, которой мне пришлось заинтересоваться, придала совершенно иное освещение всей ситуации. Мама Вивиан тоже росла только с матерью, живя с ней в кемпинге, за чертой города. О своем отце она ничего не знала и даже не пыталась узнать. Когда она была подростком, у нее также начались проблемы в школе. Мать пошла в школу, чтобы поговорить с ее классным руководителем. И чтобы добиться его расположения и иметь всегда под рукой, она уложила его в свою постель, заставив покинуть — заслуживающая внимания деталь — постель, которую он уже много лет делил с собственной матерью! В одно прекрасное утро сменивший ложе и осмелевший наставник заметил прелести своей падчерицы. А та этому очень обрадовалась и не оказала ему большого сопротивления. Они поженились. И переехали в другую квартиру. Вскоре у них родилась маленькая Вивиан.

Когда девочке было всего несколько месяцев, ее мать впадает в безумие: у нее вызывает ужас отец ее ребенка и все, что хоть как-то его напоминает. Она в буквальном смысле выгоняет его из дома и разводится с ним. А тот находит утешение в том, что снова возвращается в материнскую постель. Некоторое время спустя мама Вивиан проходит курс психоанализа и ее состояние улучшается.

Комментируя свою сегодняшнюю ситуацию, в которой она все путает и подменяет одно другим, она говорит дочери, что отец Вивиан одобряет ее новый союз, и добавляет: «Он, правда, симпатяга. И никогда не ворчит, если я прошу его посидеть с Вивиан, когда иду на свидание к моему жениху».

Иными словами, он хорошо себя ведет и как отец Вивиан, и как услужливый отчим своей бывшей падчерицы и одновременно бывшей жены! Здравствуйте! Перед нами явное слияние важнейших символических знаков, но что тут можно поделать?

Однако ничто не ускользает от внимания Вивиан, она по-своему воспринимает всю эту историю, и вот что она говорит мне о родителях в отсутствие матери: «Я ведь всегда видела их врозь, а не то что сначала они жили вместе, а потом развелись. Я не хочу, чтобы с другим получилось так же, как с моим отцом».

Девочке как нельзя лучше удалось сформулировать свой безотчетный страх: как бы не повторить приключение, которое в свое время пережила ее мать, хотя она не знает истории замужества своей матери —

ни мать, ни отец ей ничего не рассказывали. Бабушка, которая умерла несколько лет назад, тоже скрывала от нее правду. А я выяснял историю ее семьи, разговаривая только с матерью, в отсутствие дочери. Но никакого чуда тут не произошло. Нужно просто вспомнить язык жестов, о котором я говорил.

Я хотел бы вернуться к понятиям тождественного и различного, которые настойчиво подчеркивает Франсуаз Эритье. Они дважды применимы к истории, которую я только что рассказал. Инцест второго типа, в который вступили мать Вивиан и ее бабушка, стер их отличия и закрепил их тождественность. Безумие и отвращение к мужу, охватившие мать Вивиан сразу после рождения ребенка, вызваны не одной, а двумя причинами. Совершенно очевидно, что одна из них — это желание полностью повторить судьбу своей матери, которая в одиночестве воспитывала дочь. Но благодаря психоанализу мать Вивиан, несмотря на развод, позволяет отцу своего ребенка занять место, которое не занимал ее собственный отец (ведь она его даже никогда не видела). С другой стороны, яростное отвращение, проснувшееся в ней сразу после рождения дочери, — явное последствие внезапного озарения и осознания совершенного инцеста. Вероятно, до сих пор она жила, не ведая, что таится за этим понятием — «мать». Но когда—с рождением ребенка — в ней самой проснулось естественное материнское чувство, она осознала угрожавший ей риск и испугалась за свой рассудок.

Всего этого недостаточно, чтобы успокоить Вивиан: «... не то что они сначала жили вместе, а потом развелись», — сказала она, тем самым давая понять, что официального признания ее отца недостаточно для сохранения отличия, которое предохранило бы ее от слияния с собственной матерью. И она замечательным образом подчеркивает угрожающую ей опасность, добавляя фразу с двойным смыслом: «Я не хочу, чтобы с другим получилось так же, как с моим отцом». Что же может получиться? И с кем? Еще один развод для ее матери? Или новый инцест, в который затянута и ее, окончательно обрекая на слияние с матерью? Вот этого она одновременно и желает, и страшится.

И здесь встает вопрос, неизменно возникающий при обсуждении проблемы инцеста.

Почему каждый испытывает такое искушение инцестом и одновременно — отвращение к нему, смешанное с ужасом?

На мой взгляд, это можно объяснить, если вспомнить о значении впечатавшегося в подсознание ребенка обращенного к нему материнского языка жестов. Потому что речь идет о неосознанном стремлении и вернуться к своему началу, а интенсивность этого влечения зависит от пережитого опыта и страха смерти. Возникающий при этом фантазм помогает уверовать, что спасительное возвращение в материнское лоно избавит человека от всех угрожающих ему опасностей.

Это искушение может иметь и общий характер, и различные формы выражения — в зависимости от того, подавляется или нет материнская предрасположенность к нему.

Поскольку подавление не исходит непосредственно от самой матери, то оно должно исходить от какой-то иной структуры, которая способна повлиять на взаимоотношения пары мать—ребенок. Этой структурой может быть, очевидно, отец, который, как показывает психоанализ, налагает вето на инцест и сам же ему и подчиняется. Однако случается, что отец, слишком долго связанный инцестуозными отношениями с собственной матерью, не может правильно исполнять возложенную на него роль. И тогда общество, которое должно следить за соблюдением обязательного для всех закона, приходит на помощь и ограждает ребенка от угрожающих ему опасностей искушения.

Все это подводит нас к вопросу о том, какое место занимает государство в системе внутрисемейных отношений. Ясно совершенно, что роль общества при решении подобных проблем должна возрастать.

ИНЦЕСТ, НЕ ПЕРЕХОДЯЩИЙ В ДЕЙСТВИЕ ...

Можно было бы вспомнить и о том, как сексуальный акт и его последствия отражаются в подсознании партнеров и как происходит само проникновение у каждого из полов.

Можно было бы также показать, как проблематика инцеста связана с понятиями жизни и смерти, которые каждый вынашивает в себе. И что они, в частности, означают для женщин в тот момент, когда они становятся матерями и, «дав жизнь ребенку», взлелеивают ложную идею о собственном бессмертии.

Ведь только в последние десятилетия роды стали безопасным процессом, и женщины производят детей на свет, не подвергая их при этом смертельной опасности. Это пока еще непривычное чувство безопасности не освободило женское подсознание от населяющих его призраков, которые готовят почву для возникновения различных фобий и отклонений.

Обсуждение этих проблем завело бы нас очень далеко и потребовало бы много места и времени.

Поэтому, чтобы проще было понять все сказанное мною, я предлагаю вашему вниманию две схемы (см. стр. 101-102), которые показывают, как должны нормально развиваться отношения субъекта, независимо от его пола, с двумя родительскими структурами.

Эти схемы дополняют друг друга. Вы заметите, что в обеих схемах мать — центральный персонаж. Бывает, что все складывается хорошо, как в семье маленького «бакалавра», о которой я вам рассказывал. А зачастую все выходит не так благополучно. И тогда возникают самые разные ситуации.

В заключение я хочу напомнить точку зрения Франсуаз Эритье, которая настаивает, что главный из существующих инцестов — это инцест между матерью и дочкой. Я готов подписаться под этой мыслью и в качестве подтверждения могу привести множество подобных случаев, а также рассказать о бесчисленных конфликтах, которые существуют между свекровями и невестками, зятями и тещами.

Но не буду вдаваться в подробности и лишь добавлю, что в связи с этим находит свое объяснение теоретическое положение психоанализа, неправильно прочитанное впадающими в крайности феминистками. Понятие «завидующая пенису» вовсе не подразумевает, что женский пол отличается большей низменностью и похотливостью, чем мужской. Девочка совершенно права, когда, перед лицом смутно ощущаемой опасности, желает обладать этим органом, что позволяет ей сама мать, потому что этот орган, отличный от ее собственного, помогает им избежать слияния.

Но я все-таки пойду дальше и добавлю, что, по моему убеждению, отправным пунктом в каждой истории, которая заканчивается инцестом, всегда и неизменно, каковы бы ни были внешние обстоятельства, является мать. Иначе говоря, отец, совершающий инцест со своей дочерью, всего лишь откликается на приглашение к инцесту, которое — в скрытой или открытой — форме он получал от своей матери (не становится ли он «*inces-tueur*» своей дочери, чтобы отомстить своей матери «*inces-tueuse*».⁷¹ Это может означать, что запрет, который его собственный отец должен был в принципе обозначить и внушить, не был усвоен должным образом, потому что этот запрет не был поддержан спутницей жизни отца, а тот не противостоял этому отказу в поддержке, потому что его мать тоже имела склонность к инцесту, а отец также не мог этому твердо противостоять. Вот почему я хочу подчеркнуть еще раз: предрасположенность к инцесту, передающаяся из поколения в поколение,

"Игра слов: *tueur*, m; *tueuse*, f (франц.) — убийца. Отец становится «инцест-убийцей» чтобы отомстить матери «инцест-убийце».

рано или поздно обязательно подтолкнет к действию. И вот почему я отмечал важную роль общества, которое должно оказывать компетентную поддержку детям, ограждая от подстерегающих их опасностей.

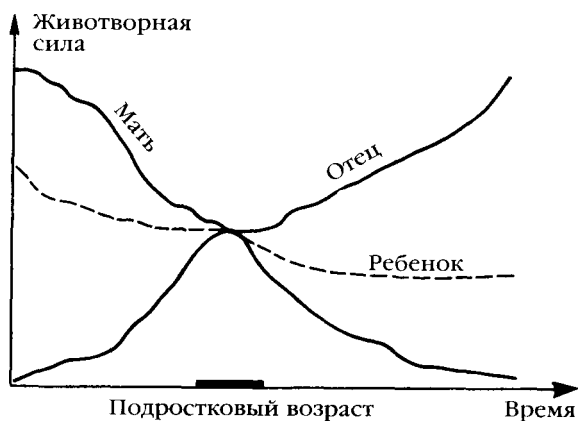
Наконец, если бы споры по проблеме инцеста касались только семьи, воспроизводства или методов воспитания детей, это было бы полбеда, и я бы считал, что произнес защитительную речь *pro domo*.

Однако эта проблема выходит далеко за рамки названных сфер. Потому что распространившаяся абразия, то есть истирание отличий, вносит сумбур в наши умы и таит скрытую угрозу для нашего общества.

Но как можно восстановить сегодня эти необходимые нам отличия, если предварительно мы не изобличим притягательную силу зеркала и нашего зеркального отражения?

Вот трудный вопрос. Должен признаться, что не знаю, как ответить на него. А вы знаете?

Схема № 1

"Pro domo (лат.) — в защиту своего дела; в данном контексте: речь в защиту дела, которому я служу. (Прим. изд-ва)

Материнская функция — изначально в высшей степени животворная, со временем перестает быть таковой, и чем дальше — может подспудно становиться все более вредоносной.

Отцовская функция — изначально почти не несет в себе ничего животворного и в силу этого в первое время она вредоносна, но со временем она становится все более и более животворной.

Пересечение двух кривых происходит в подростковом возрасте, и это объясняет поведенческие особенности, свойственные этому возрасту.

Падение и рост этих кривых зависит от различных индивидуальных изменений, и конечный результат зависит от того, как будут развиваться и пересекаться эти линии. Можно представить себе, как будет развиваться отцовская кривая для субъекта в том случае, когда роль отца недостаточно правильно обозначена; или в случае, когда отец, помимо своей роли, подменяет собой и мать. Во всех случаях подростковый возраст — это пора смятения и соблазнов.

МАРГАРИТА КСАНТАКУ

ИНЦЕСТ:

СКАЗКИ И РЕАЛЬНОСТЬ

Вскоре после того, как ребенок покидает материнское тело, он начинает двигаться по орбите, которая снова и снова приводит его к этому телу, продолжающему служить для него источником питающей энергии. Развитие отцовской функции ведет к тому, что каждый раз после возвращения к материнскому телу ребенок выходит на новую орбиту, все более удаляющую его от матери, и возвращения к ней со временем приобретают не столько реальный, сколько воображаемый характер.

Последние несколько летя изучаю очень специфический в культурном отношении район на юге Пелопоннеса, который называется Мани. (См. карту на стр. 132). Так что я стала своего рода специалистом по этому району. Но мои научные поиски заставляют меня также размышлять о мифах и легендах древней и

классической Греции и устной литературе новозеландского периода, то есть более поздних времен по сравнению с античностью.

Ранее я изучала клиническую психологию, затем была ученицей Жоржа Девере, который, как и все, был ортодоксальным фрейдистом.

До того как всерьез заняться этнологией, я, будучи начинающим этнопсихиатром, уже заинтересовалась проблемами инцеста. С точки зрения инцеста, Мани представляет собой особый интерес, если можно так выразиться. И даже более того.

Теория, разработанная Франсуаз Эритье относительно инцеста как такового и инцеста второго типа, привлекает меня своей емкостью и «экономичностью»: она дает возможность объяснять самые различные его проявления ограниченным кругом первопричин и гипотез; то есть ее теория «удобнее» предыдущих теорий инцеста и даже антропологических теорий по данному предмету. Я лишь сожалею, что только в 1984 году с опозданием познакомилась с книгой Франсуаз Эритье «Символика инцеста и запрета на него», изданной в 1979 году. Если бы я несколько ранее ознакомилась с соображениями Франсуаз Эритье по поводу инцеста, а также инцеста второго типа, я бы значительно расширила поле моих наблюдений и это облегчило бы мне анализ собранных данных. Это тем более обидно, что население района Мани почти вымерло, и то, что я называю сегодня «этнографическим настоящим», очень скоро станет «недавним прошлым».

Какая взаимосвязь существует между общественным порядком и его нарушениями, а также безнравственностью и отклонениями от нормы? Вот вопрос, которым я задалась, когда приступала к своим исследованиям. И сейчас я попытаюсь на него ответить, опираясь на мои данные и не только мои — в свете концепции инцеста второго типа.

Деревенский дурак или актер поневоле

В качестве преамбулы мне хотелось бы сказать несколько слов о местном «культурологическом персонаже» — «деревенском дурачке» или «деревенском сумасшедшем», своего рода «нарушителе поневоле». Почему? Потому что как только во время своих первых же экспедиций на Пелопоннес, и особенно в провинцию Мани, я занялась изучением подобных персонажей, я сразу столкнулась с проблемой инцеста. И в отличие от прочих «отклонений от нормы», которые я обнаружила в этих местах, «деревенский дурак» (который на самом деле не такой уж дурак) в глазах его «нормальных» односельчан прямо-таки обречен нарушать установленный порядок. Все происходит так, словно «нормальные» люди уготовили «дураку» играть вполне определенную роль — отражать свойственные им фантазмы. И в результате наш «дурак» становится «актером поневоле», исполняющим на деревенской сцене именно ту роль, которую ему поручили играть односельчане. «Дурака», хорошо играющего свою роль, наказывают бесконечными издевками и насмешками, которые он, в силу своих психологических свойств и социальных «обязанностей», терпит как своего рода вынужденное самонаказание.

Вот почему такого «деревенского дурака» я называю «фантазматическим козлом отпущения».

Что же общего у всех этих «деревенских дурачков поневоле»? Прежде всего в народной молве они так или иначе связаны с инцестом. Каким образом? Чаще всего считают, что «дурак» сожительствует с родной сестрой, а это - гетеросексуальный инцест первого типа. Иногда слухи приписывают ему инцест и с матерью, но тут одно не мешает другому.

Столкнувшись с этим явлением, я стала уже с особым вниманием фиксировать все признаки инцеста в разных сферах жизни изучаемого мною района, чтобы проверить гипотезу о превалировании здесь инцеста между братьями и сестрами. В разных сферах — то есть в реальных жизненных историях, в слухах и фольклоре: песнях, сказках и легендах, которые я здесь услышала и записала.

Поэтому я ненадолго вернусь к «деревенскому дураку» как «культурологическому персонажу». Тематическая схожесть тех народных баек, которые рассказывают в деревнях о «дураке», отражает подлинную социальную и семейную ситуацию таких «дураков», живущих с родной сестрой под одной крышей. А раз они живут вместе, то живут «парой», говорят в народе. Поэтому та роль, которую «дурака» вынуждают играть деревенские жители в своем фантазматическом сценарии, отчасти «придумана» или «приписана» ему, но одновременно культурологически мотивирована и в социальном смысле весьма плачевна, потому что в последнее время район Мани покидают молодые мужчины, что вызвало, естественно, нехватку женихов.

Это обстоятельство тут же умножило число холостяков обоих полов, так как здесь и сегодня возможны «холостяцкие семьи» или «вынужденные холостяки»."

¹⁾ М.Ксантаку. За неимением жен едят сестер. Реальности холостяцкой жизни. Фантазматический инцест в Мани (Греция). Париж. 1993. (Прим. автора)

Вынужденные, потому что по традиции в многодетных семьях женятся и выходят замуж по старшинству и в строгой очередности (по крайней мере так требует обычай): сначала старшие дочери, затем младшие, и только потом женятся братья — сначала старшие, потом младшие. Достаточно кому-то из старших дочек или сыновей не обзавестись семьей, как тем самым они перекрывают дорогу к бракосочетанию всем младшим братьям и сестрам. Короче, пертурбации на матримониальном рынке и местные обычаи приводят к тому, что неженатые братья и незамужние сестры остаются жить под одной крышей. И поскольку брат и сестра зачастую живут в доме вдвоем, «парой», то люди шепчутся о том, что «у них отношения», и подобные подозрения превратились, похоже, прямо-таки в местную навязчивую идею. А уж если в такой ситуации оказался «дурак», то люди не только шепчутся... Раз он живет вдвоем с сестрой, это только усугубляет подозрения в инцесте, и он просто обречен на дурную репутацию...

Это — о «социальной достоверности» всевозможных слухов и жизненных историй, которые ходят здесь в народе.

Что же касается инцестуозного сценария и той роли, которую деревенские жители вынуждают играть в нем «дурака», то я говорила, что она культурологически мотивирована. Чтобы подтвердить эту мысль, мне придется обратиться к другой сфере жизни этого района — к миру воображаемого. И я предлагаю вам совершить небольшое путешествие в социокультурологический контекст, который воздействует на память каждого местного жителя. Это необходимо, чтобы понять поведение, типичное для обитателей этого района.

В этих местах главным извечно считалось родство по отцовской линии, и существовала система однолинейного родства, при которой кровные родственники объединялись в единый род благодаря узам только по мужской линии (например: дочь сына брата отца моего отца). А женщины, как считалось, передают детям лишь то родство, которое они получили от своих отцов, а те — еще раньше — от своих. Каждый такой род был крепко-накрепко связан внутренней солидарностью и постоянной неприязнью к другим родам. Зачастую непримиримый антагонизм существовал даже между родственными группами, которые возникли благодаря совсем недавним бракам. Самым крайним проявлением существовавшей здесь вражды была вендетта, которая несла здесь на себе очень большую «идейную нагрузку», если можно так выразиться. И в этих условиях случалось, что мужчина убивал своих родственников, благоприобретенных в результате брачного союза своих кровных родственников.

Я записала в этих местах немало самых разных легенд, эпических и похоронных песен о несокрушимой любви и чувстве долга, которые связывают братьев и сестер. И вот какова их главная интрига. Перед нами оживают бесподобные и прямо-таки корнелевские истории о «сестрах-мстительницах», которые не колеблясь творят вендетту, убивая мужа, чтобы отомстить за горячо любимого брата. Мне порассказали уйму таких

историй и каждый раз уверяли, что все они происходили на самом деле. Но это еще не все. Совершив экспедиции за пределы района Мани и произведя сравнительный анализ всех вариантов — греческих и балканских — одной и той же легенды «Путешествие мертвого брата», я могла оценить, каким зловещим смыслом наполняет социальный контекст района Мани эту историю: брачный союз несет в себе смертельную угрозу. Потому что в этой легенде само супружество убивает. И уничтожает кровных родственников.

Вот ее сюжет. Богатый муж, возвратившись издалека, убивает братьев своей жены. А поскольку он еще и вампир и каннибал, то вдобавок ко всему он их «съедает». .. Его жена, то есть сестра убитых мужчин, вступает в союз с призраком своего самого любимого брата, а тот уводит ее к себе, в загробный мир, где они будут жить в счастливом супружестве. Во всех вариантах этой сказки, которую я слышала в районе Мани, существует смертельное противоречие между кровными и сводными родственниками и оно разрешается тем или иным сказочным образом. Например, в эпилоге одной из версий муж убивает злую жену за то, что она сделала все, чтобы извести его сестру. Но сестра осталась жива и поселяется вместе с обожаемым братом и горячо любимым племянником — сыном брата и его убитой жены. И вожденная мечта осуществляется: перед нами стабильный и счастливый домашний очаг, объединяющий только кровных родственников по мужской линии, освободившихся от роковых пут брачного союза (См. схему № 1, стр. 133). В этом я вижу главную предпосылку сегодняшних матримониальных проблем, характерных для этого района: как учат «сестры-мстительницы», брат — предпочтительнее супруга. А «Путешествие мертвого брата» и эпилог этой легенды свидетельствуют: супруг — всегда «чужой», несущий опасность. И счастливое решение проблемы, как я уже сказала — в создании «настоящей» семьи, свободной от родственников, которых обретают в результате брачного союза. Это как раз то, что я называю контрмоделью — в отличие от нормального брачного союза.

Это фантазматическое решение проблемы, которое доносит до нас местный фольклор, проясняет, почему здесь непременно говорят об инцесте в тех случаях, когда брат живет под одной крышей с сестрой, и сестра — по крайней мере в социальном плане — играет роль супруги для своего брата и матери — для племянника. То есть «деревенский дурак» в глазах его окружения живет по сценарию, который здесь всем хорошо известен по многочисленным сказкам и легендам. Только сегодня обходятся без преступлений и наказаний: в этой контр-модели на «дурака» проецируют несколько преобразенный древний этнический фантазм.

Итак, мы видим, что инцест между братом и сестрой, о котором в этих местах столь часто говорят или в нем подозревают, имеет под собой социальную и культурологическую почву. И данные ситуации иллюстрируют важную проблему, над которой я работаю. Это проблема взаимосвязи между общественным порядком и отклонениями от него или контр-моделями. И, наконец, анализ инцеста между братом и сестрой помогает идентифицировать другие формы инцеста, первого и второго типа, к которым я сейчас перейду.

Действительно, инцест первого типа между родными братом и сестрой невозможно сопоставить ни с каким иным, даже инцестом второго типа. Среди разновидностей инцеста первого типа — это один из самых «чистых» инцестов, когда происходит интимный контакт между совершенно идентичными людьми. О еще большей идентичности участников можно говорить лишь в случаях гомосексуального инцеста первого типа между двумя сестрами, или двумя братьями, или двумя близнецами, когда речь идет о полном тождестве.

Мне известен случай гомосексуального инцеста между двумя сестрами, одна из которых имела также инцестуозные отношения с их младшим братом. Мне рассказала об этом одна из этих сестер, живших все в том же районе Мани. Обе сестры не смогли выйти замуж и остались старыми девами. Вся деревня их дружно презирала. А вот их брата никто не обижал, хотя все вокруг знали, что он очень любит свою козу — так любит, так любит...

Как бы то ни было, я не склонна верить, что в этом районе инцест практикуется только между братьями и сестрами. Увы, здесь, как и повсюду, встречаются случаи инцеста между отцом и дочерью,

сопровожаемые насилием или понуждением, жертвами которых бывают почти дети. Но я предполагаю, что такие случаи встречаются в этих местах реже, чем в других районах Греции — по крайней мере, в сравнении с реальными или предполагаемыми случаями инцеста между братом и сестрой. Замечу мимоходом, что все виды инцеста первого типа — со времен Византии и по сегодняшний день, в современном греческом языке и даже диалекте района Мани обозначаются словом *etotixia*, что этимологически и буквально можно перевести как «смешение крови» или «одной крови».

Сейчас я расскажу вам совершенно безобидный, на первый взгляд, случай. Дело было лет десять назад, в районе Мани. Я была в гостях у семидесятипятилетней бабушки Мирто. В доме находились также обе ее дочери и муж старшей из дочерей. Стояла ужасная жара. И бабушка решила угостить нас ледяной водой. Но стаканов оказалось всего три.

— Это ничего, — успокоила всех младшая дочь, — Я буду пить из одного стакана с сестрой и свояком.

— Даже думать не смей! Ты что, хочешь нас всех замарать? Возьми мою чашку, — сказала ей мать. Дочь продолжала настаивать, и тогда последовал раздраженный окрик бабушки Мирто:

— Хватит строить из себя современную! Тем же вечером она попыталась ответить на мои недоуменные вопросы:

— Это опасно, это грех, это может привести к несчастью... Сегодня смешают слюну, завтра лягут в одну постель, а послезавтра... Э, да что с тобой говорить! Ты не понимаешь... Тоже, видно, современная!..» Не знаю, современная ли я, но в тот день я не поняла ее опасений.

Сейчас я расскажу еще несколько историй — все они произошли тоже в районе Мани. Итак...

Случай № 1

В маленькой деревушке я познакомилась с одной вдовой, и вот что она мне рассказала: «Когда мой муж был еще жив, тяжело заболела моя сестра. Я часто навещала ее и присматривала за ее сыном. Однажды ее муж начал ко мне приставать, и я стала его любовницей. Моя сестра узнала об этом, она сама мне сказала и она очень хорошо к этому отнеслась. Через два года сестра умерла, а моя связь с ее мужем все продолжалась. Прошло еще пять лет, и мой муж тоже умер, а я была как раз на третьем месяце беременности. Мы так и остались любовниками с моим свояком. Но зато теперь он кормит меня и моего будущего ребенка. Некоторые наши соседи по деревне все знают. И говорят, что самое плохое в нашей истории то, что у меня была связь с мужем сестры еще при ее жизни и что она, конечно, умерла из-за этого. И что мой муж тоже из-за этого умер. Но я так не думаю. Ведь мы с сестрой очень любили друг друга...»

Перед нами ситуация, почти аналогичная той, которой постаралась избежать бабушка Мирто, не позволив дочкам и зятю пить из одного стакана. Но здесь не ограничились смешением слюны, это совершенно очевидный инцест второго типа между сестрами, у которых общий сексуальный партнер. Такой случай мне встретился пока только однажды.

Случай №2

В этой истории ситуация — диаметрально противоположная предыдущей. Мне рассказали о ней в 1986 году.

В другой деревне в тех же местах человек по имени Василис женился на Элени, и вскоре у них родилась дочь Арети. Но у Василиса был младший брат-холостяк Клеоменис, и он становится любовником Элени — жены своего брата. Тот вскоре обо всем догадывается. От адюльтера с Клеоменисом Элени рождает девочку, Криссулу, которую Василис признает как свою младшую дочь, хотя вся деревня знала, что девочка — не от него.

Когда я познакомилась с Арети и Криссулой, дочками Элени и сестрами по матери, их родители уже умерли и обе они были не замужем, хотя им было уже за тридцать. Вместе с ними жил еще младший брат двадцати пяти лет, тоже холостяк. Почему же никто из них не смог завести семью? Деревенские старики и особенно старухи охотно объяснили мне причину их вынужденного одиночества. С одной стороны, отцы Арети и Криссулы были родными братьями, «виновными в союзе людей одной крови». С другой стороны, в этой семье был адюльтер, хотя это и менее важно, чем «кровосмешение». В любом случае все дети этой семьи должны нести наказание за грехи своих родителей: девушкам суждено навсегда остаться старыми девами, а их брат «никогда не сможет помочиться во дворе своей тещи» (как здесь говорят) — иными словами, он тоже приговорен к холостяцкой жизни. Раз одна дочь — плод не просто побочной, а еще и кровосмесительной связи, то ее сестра и брат тоже несут на себе ее печать (словно все они заражены одной болезнью), а потому все они обречены на одиночество. Вот вам как раз ситуация, которую Франсуаз Эритье называет «инцестуозным коротким замыканием»: на сей раз между двумя братьями, замкнутыми на одной женщине (См. схему №1-6, стр. 133). И как следствие — возможный инцест между сестрами и братом. В самом деле: две сестры и брат, родом из семьи, где уже преступали извечный запрет, в наказание обречены на одиночество. Но при этом они живут все вместе, под одной крышей. Нетрудно вообразить сплетни, которые им приписывают, конечно, инцест. Я расскажу еще две истории, ситуации в которых доведены до крайности. Возможно, они не очень типичны, но характерны тем, что инцест второго типа сочетается в них с инцестом первого типа. Изложу их очень лаконично.

Случай №3

Один человек спал со своей матерью и сестрой. В конце концов он убил сестру и ранил мать. Как он уверял, это был «несчастный случай». Тем не менее он был осужден и отсидел в тюрьме двадцать один год.

Случай № 4

На севере Мани я познакомилась с незамужней женщиной, которая слыла в деревне немного «чокнутой». Ее мать умерла, когда ей было всего два с половиной года. Когда ей исполнилось двенадцать, ее отец сделал дочку своей любовницей. Одновременно он уже спал с собственной матерью. Таким образом, этот человек имел двух сексуальных партнерш — мать и дочь, которые приходились друг другу бабушкой и внучкой.

И это еще не все. Для полного комплекта (что, увы, совсем не смешно) он спал еще и с дочерью сестры своей матери. Двадцать лет назад этот человек покончил с собой...

Если мы вспомним случай №2, в котором двое мужчин замкнуты на одной женщине, то о таких мужчинах в народе говорят, что они участвуют в инцесте, то есть кровосмешении. А в случае № I, когда две сестры замкнуты на одном мужчине, говорят, что они «осквернили», то есть «загрязнили» или «замарали» свою кровь.

Вспомним, что похожие слова употребляют иногда в куда более невинных ситуациях. Женщина, которую зацеловывают ее дети или внуки, вытирает лицо платком и полушутя говорит: «Ну, хватит! Вы меня всю измазали (или испачкали, или замарали)!» И вспомним, как запрещала бабушка Мирто своей дочке пить из одного стакана с сестрой и ее мужем:

«Даже думать не смей! Ты что, хочешь нас всех замарать?!»

Об этом можно было бы еще много что сказать. Однако покинем район Мани. Но не Грецию...

Фантазмы из «холодильника»: греческие песни, сказки и мифы

Вот что говорил по этому поводу Жорж Девере:

«Мифы служат народам своеобразным средством защиты. Это нечто вроде темной комнаты или холодильника, где веками «хранятся» индивидуальные фантазмы, порожденные личностными конфликтами. В них вложено слишком много чувств, чтобы с ними не считаться, а с другой стороны — в них отразилось столько разногласий с собственным «Я», что это придает им не субъективный, а объективный характер. Запирать мифы в «холодную комнату», где хранятся культурные ценности, им тем самым придают более обобщенный смысл, включают в сферу культуры. В сознании людей они уже неразрывно связаны с определенными мифическими персонажами, то есть существуют в форме проекции разнообразных индивидуальных фантазмов, закрепленной культурой.»

Если рассматривать мифы и прочие произведения фольклора под этим углом зрения, то можно сказать, что они являются такими же «козлами отпущения», как и... «деревенский дурак», служащий для своих односельчан проекцией их собственных фантазмов. В обоих случаях во внешний мир исторгают то, что не хотят признавать в самих себе.

Рассматривая произведения фольклора как фантазмы из «холодильника», я надеюсь, что запечатленные в них нарушения правил помогут выявить сами правила, но не буду вдаваться при этом в ненужный в данном случае психоанализ текстов.

Я лишь приведу примеры — некоторые из них уже публиковались в моей книге «Золушка и ее сестры-людоедки...» (1988). Это — греческие песни, новозеландские сказки и легенды, а также мифы древней Греции. И в заключение предложу вам «новое прочтение» хорошо всем известной истории царя Эдипа.

Случай № 5

«Демотики» — это старинные деревенские песни, которые в Греции поют и сегодня.

Одну из таких песен, отличающуюся весьма игривым сюжетом, знают с незапамятных пор. В нескольких деревнях ее поют и под нее танцуют на всех праздниках. До самого последнего времени ее запрещали записывать на пластинки.

Случай № 6

Следующая песня представляется мне еще более интересной, потому что в ней говорится и о последствиях, которые может вызвать инцест. Вот ее интрига.

Одна монахиня, несмотря на свое затворничество, родила сына, и он вырос очень красивым и гордым парнем. Вся деревня и весь край любят его красотой. А собственная мать возжелала его и решила взять в мужья. Но как сказать ему об этом, как признаться?

— Приди ко мне, мой сын!

Давай вместе предадимся ночным утехам!

— Замолчи, мать! Замолчи!

И больше — ни слова!

Не то Бог у слышит тебя -

И тогда три года не будет дождя

И ничто не будет расти на черной земле!

Песня предостерегает, какую страшную кару и чуть ли не космическую катастрофу может повлечь за собой инцест. Что же до самой ситуации, в которой мать уговаривает сына совершить инцест, то она почти банальна; эта ситуация присутствует во многих греческих песнях, за исключением, как ни странно, района Мани.

Случай № 7

Ну, а эта песня приобщает нас совсем к другим проблемам. Несколько версий этой песни записаны в Греции и на Кипре. Вот о чем в ней поется.

На протяжении четырнадцати лет мать спит со своим женатым сыном. И она усиленно подбивает сына убить его жену, которая в конце концов обо всем догадывается. Сын не хочет убивать жену и пытается убедить ее спрятаться у своих родителей. Но слишком поздно. В отсутствие сына мать убивает сноху и из тела жертвы готовит для сына изысканное блюдо.

Сын возвращается домой и начинает есть это блюдо, приготовленное из тела его жены. Но тут вдруг «тарелка заговорила, вилка заговорила, плоть заговорила». Тогда сын достает кинжал и со словами: «Пусть заплачет не только мать моей супруги, но и моя мать!» — пронзает себе сердце.

В этой песне оживает ситуация семейного каннибализма, когда сам едок не ведает, кого он ест. А прототипом для нее послужил античный миф об Атрее, который, чтобы отомстить брату и сопернику за осквернение своего супружеского ложа, приглашает его на пир и подает ему угощение, приготовленное из мяса его зарезанных детей.

Случай № 8

На сей раз перед нами легенда новоэллинистического периода, XIX-го столетия, записанная выдающимся фольклористом Николаосом Политисом.

Один король женится на принцессе, и у них рождается двое сыновей. Прошло время, и король пожелал взять в жены еще и младшую сестру своей жены. Он инкогнито просит ее руки у тестя и получает согласие на брак. Заполучив в жены младшую сестру своей супруги, он прячет ее в погребе, чтобы скрыть новый брак. Однако в конце концов первая жена узнает о существовании второй. И тогда сестры объединяются, чтобы отомстить королю: они убивают своих детей, рожденных от общего мужа. Среди них: собственные дети каждой жены, их племянники и одновременно пасынки, то есть дети сестры. Затем они жарят их мясо и подают королю-двоеженцу, приговаривая при этом: «Ешь, ешь! Это мясо так же хорошо, как твоя собственная плоть!» Но король, которого «просвещает Бог», разгадывает их коварный замысел и отказывается от «обеда Атрея», а затем расправляется со своими женами. В финале все персонажи превращаются в птиц.

В другом варианте этой легенды, также записанной в прошлом веке, король тоже влюбляется в младшую сестру своей жены и насиловает ее. После этого он заточает ее в темницу. Затем следует целый ряд событий, но самое важное происходит в эпилоге. Старшая сестра убивает сына, которого она родила от короля, жарит его печень и подает на обед отцу ребенка. Но тут в тарелке «заговорила печень, заговорила вилка», и король все понимает. Он хочет убить жену-детоубийцу, но не успевает совершить возмездие, так как все герои превращаются в птиц, как и в первом варианте этой легенды.

В этих историях оживает ситуация из случая № 1: инцест второго типа, когда две сестры делят одного мужчину, или «тайное двоеженство» с двумя сестрами. Но в этих сказках женщины, которые по вине мужчины — их общего сексуального партнера — становятся участницами кровосмешения, пытаются отплатить ему той же монетой. То есть заставить его неведомо для себя переступить запрет на смешение

крови, но другим образом: вынудив его съесть часть самого себя — своего ребенка или своих детей. (Помните:

«Ешь, ешь! Это мясо хорошо, как твоя собственная плоть!») Что же касается «обеда Атрея», то он не состоялся в обоих случаях. Быть может, потому, что мечь — это блюдо, которое в более поздние времена предпочитают есть холодным — в отличие от античности.

Тем не менее связь с античностью здесь совершенно очевидна. Скорее всего, только что изложенные мною сказки — это более поздние варианты легенд, известных со времен классической Греции, а может быть, и раньше. И в качестве случая №9 я приведу две античные версии легенд, которые пережили тысячелетия.

Случай №9

Одна из них — это история Филомелы и ее сестры Прокны. Прокна была выдана замуж за фракийского царя Терся, а тот влюбился в ее сестру Филомелу. Спрятав от всех жену Прокну, Терей внушил Филомеле, что ее сестра мертва, и женился на Филомеле. Однако затем он отрезал ей язык и тоже заточил ее, как и свою первую жену. Прокна сумела вырваться из заточения и разыскала сестру. А чтобы отомстить мужу, убила их общего сына Итиса и его мясом накормила неверного Теря. Узнав страшную истину, Терей бросился в погоню за сбежавшими сестрами. Но боги сжалились над ними и превратили их в птиц.

Во втором мифе, повествующем об Аэдоне и ее муже, схожий сюжет: муж тоже насилует сестру супруги, а та, чтобы отомстить, закалывает своего сына Итила.

В обеих историях жены угощают мужей блюдом, приготовленным из их собственных сыновей, и ничто не мешает этому каннибальскому пиру: и тот, и другой отец съедает сына, не оставив ни крошки. И как водится, все затем дружно превращаются в птиц.

Однако есть и любопытный нюанс: в древних версиях акцент делается на преступлении и наказании отца и мужа, изнасиловавшего сестру своей жены, а в более поздних вариантах акцент переносится на женщину-детоубийцу, которая осуждается как «плохая мать».

Как бы то ни было, но перед нами всегда и неизменно схожая ситуация: один мужчина спит с двумя сестрами, то есть налицо инцест второго типа; и каждый раз эта ситуация логически завершается тем, что отец в буквальном смысле слова потребляет, то есть вбирает в себя своего сына. Это тем более показательно, что в разной степени и в зависимости от времени и места, но в континентальной Греции всегда превалировала значимость родства по мужской линии. И среди мифологических персонажей мне известна только одна женщина, съедающая своего ребенка, да и то в состоянии помешательства. Можно также заметить, что в мифах и более поздних легендах отцы крайне редко съедают своих дочерей, а вот сыновей — то есть свои почти полные тождества — съедают довольно часто. А убивают и готовят из них угощение чаще всего их матери, за исключением хорошо известной истории семейства Атридов.

Однако прежде чем перейти к знаменитому архетипу «обеда Атрея», о котором я уже говорила, оплачем бедную Гарпалику — и это будет мой десятый случай.

Случай № 10

Климен, отец Гарпалики, был столь сильно влюблен в свою дочь, что отбил ее у мужа. От кровосмесительной связи с отцом у Гарпалики рождается сын, которого она убивает, чтобы отомстить отцу.

Получается, что сын одновременно доводится ей и братом — ведь у них общий отец. Совершив убийство, Гарпалика угощает жертвой кровосмесителя — отца и деда (по материнской линии) ребенка. В

эпilogе Климен, ставший помимо своей воли каннибалом, убивает Гарпалику и самого себя. Есть еще и другой вариант финала, в котором все персонажи превращаются в птиц...

Я напомнила этот миф, который лишний раз подтверждает явную связь между инцестом и семейным каннибальством. Эта связь характерна для греческой мифологии — ее можно проследить в самых разных ситуациях и вовсе необязательно в случаях инцеста второго типа.

Случай № 11

И вот, наконец, зловещая история Фиеста и Атрея. Напомню некоторые эпизоды, из которых складывается судьба рода Атридов. Итак, два брата — Атрей и Фиест — оспаривают между собой власть в Микенах. Царский трон в Микенах удастся заполучить Атрею, а своего брата Фиеста он изгоняет, так как узнает, что тот соблазнил его жену Аэропу. То есть это инцест второго типа и ситуация, о которой мы уже говорили: два брата замкнуты на одной женщине (см. схему №2-6). А по некоторым версиям этого мифа, Атрей и Фиест еще и близнецы, иными словами абсолютно тождественны.

Но вернемся к интриге. Спустя какое-то время Атрей решает отомстить брату за осквернение своего супружеского ложа. Он делает вид, что хочет помириться с братом и приглашает Фиеста на пир (отсюда и выражение «пир Фиеста»). Во время этого пира Фиеста потчуют угощениями, приготовленными из тел трех его сыновей, убитых Атреем. Когда пир заканчивается, Атрей показывает Фиесту головы трех его убитых сыновей, то есть своих родных племянников. После этого Атрей бросает изменившую ему жену в море, а Фиеста снова изгоняет. И мы можем отметить, что месть за инцест опять завершается каннибальством.

Но это еще не все. Фиест в изгнании влюбляется в Плопию, не подозревая, что это его дочь. От этого кровосмесительного союза родится Эгисф, который продолжит замечательные семейные традиции и будет жить в неведении, кто его отец.

Той порой по велению оракула Атрей отправляется на розыски своего пропавшего брата. И во время странствий он женится на дочери Фиеста и своей племяннице Плопии, одновременно матери и сестре Эгисфа. Поскольку она спала со своим отцом, то это инцест второго типа, отягченный инцестом, в котором она участвует как племянница со своим родным дядей — Атреем. С другой стороны, Эгисф становится пасынком Атрея — братом своего отца и братом отца своей матери. Атрей, не подозревавший о своей кровной связи с Эгисфом, поручает ему убить Фиеста. Но в самый последний миг все раскрывается: по особой примете Фиест узнает, что Эгисф — его сын от собственной дочери. Тогда Эгисф возвращается к Атрею и закалывает его мечом, убивая в его лице своего родного дядюшку, двоюродного дедушку и отчима.

Но и это еще не все. У Атрея было два сына: Агамемнон и Менелай. И Эгисфу так повезло, что ему удалось соблазнить Клитеместру, супругу Агамемнона, двоюродного и одновременно сводного брата. И снова инцест второго типа: два кузена спят с одной женщиной. Круг замкнулся: все началось и закончилось инцестом второго типа, а между ними — еще несколько инцестов, в том числе инцест первого типа (см. схему №2, стр. 133).

История Атридов на этом не завершается. И читателям, которые хотят узнать ее продолжение, я рекомендую обратиться к любимым трагикам.

Кстати, о трагиках. Раз уж мы заговорили о трагедиях, легендах и мифах, я хочу сделать три замечания.

Прежде всего, не стоит забывать, что великие греческие трагики облекали в литературную форму мифы, легенды и истории, которые существовали задолго до того, как они взялись за перо. Поэтому для антропологов фольклорный материал является гораздо более ценным первоисточником, чем его литературные интерпретации.

Это может показаться парадоксальным, но большинство знаменитых греческих мифов, которые

повествуют нам о главных божествах, не представляются мне знаменательными с точки зрения изучаемого нами предмета. Хотя мы находим в них множество примеров инцеста, этот инцест выглядит здесь вынужденным. Если в воображаемом мире, который доносят до нас мифы, поначалу существовало всего-навсего четыре или пять божественных существ, появившихся на свет из одного чрева или одного семени, как же им, несчастным, было размножиться и производить потомство, как не посредством инцеста?! Так что это инцест не по взаимному согласию, а вынужденный инцест.

И наконец — нужно ли об этом напоминать? — инцест, совершаемый героями греческих мифов, лишний раз подтверждает их божественное происхождение. На то они и боги, чтобы не соблюдать основные законы и правила, которым подчиняемся мы, простые смертные (кстати, тут можно привести еще и случаи инцеста среди фараонов).

Теперь мне хочется очень коротко, но по-новому проанализировать миф об Эдипе. Психоанализ так возвеличил этот миф и придал ему столь широкий смысл, что я буду говорить о «житии Эдипа» и рассмотрю его в свете сегодняшнего дня. И это будет мой двенадцатый случай. Итак...

Случай № 12

Не буду напоминать, как эту интригу подают великие трагики. Мне хочется привлечь внимание к тем пикантным эпизодам из истории Эдипа, которые как раз затушеваны трагиками.

Что же это за эпизоды? По некоторым гипотезам, Эдип представляет собой странную и великолепно симметричную фигуру, совершившую двойной бисексуальный инцест второго типа.

Известно, что отца Эдипа зовут Лаем. У Гомера (и не только у него) вторую жену Лая зовут Иокастой (или Эпикастой). То есть это мачеха Эдипа, который родился от первой жены Лая. Женившись на своей мачехе, Эдип совершает инцест второго типа: мужчина и его сын смешивают свою кровь, деля одну женщину.

Даже если допустить, что Эдип женился на собственной матери, налицо инцест второго типа, как полагает Франсуаз Эрикс.

Однако есть и более любопытные линии в этой истории, также обычно забываемые. Так, в некоторых текстах, дошедших до нас из античных времен, утверждается, что Лай изобрел мужской гомосексуализм. Лай, сын Лабдака и царь Фив, вынужден был бежать, когда его трон захватили узурпаторы. Он находит приют у Пелопа — отца двух очаровательных близнецов, Атрея и Фиеста, о которых мы уже говорили. У Пелопа есть еще один сын — Хрисипп, который доводится сводным братом близнецам. Лай влюбляется в этого красивого юношу и даже похищает его. Вот почему Пелоп проклинает Лая и весь его род. И что мы еще узнаем из преданий, источники которых необходимо перепроверять? Что Эдип, сын Лая, тоже становится возлюбленным юного красавца Хрисиппа. Из-за общего любовника и разгорается конфликт между отцом и сыном, в результате которого Эдип убивает отца.

И вот какая складывается конфигурация: с одной стороны, отец и сын совершают инцест второго типа, деля между собой одну женщину (и не важно, мать это или мачеха Эдипа), и одновременно отец и сын совершают гомосексуальный инцест второго типа, имея общего любовника. Вот почему я говорила о двойном бисексуальном инцесте второго типа. (См. схему №3, стр. 134).

Таковы некоторые из фантазмов на тему инцеста, которые вчерашние и сегодняшние греки хранят в «холодильнике». А теперь еще раз — и в последний — перейдем к нынешней реальности.

Последние новости из Греции.

Давайте покинем область мифологии и окунемся в страшную действительность.

Мой тринадцатый случай — это скандал в деревне Дунейке, также расположенной на Пелопоннесе, но не в районе Мани, о котором я много говорила.

Случай № 13

Об этом случае я узнала во время своей экспедиции по этим местам из разговоров и слухов, которые сами по себе показательны. Их нетрудно перепроверить, подняв газеты — они много писали об этой истории.

Вот что я узнала от жителей этих мест. Отец насиловал собственных детей: дочку и сына. Его арестовали и начался судебный процесс. Тайное стало явным, и по всей округе пошли слухи и разговоры. Комментарий женщины из деревни, соседней с Дунейкой:

«В первый раз дело дошло до суда. Ведь все знают, что у них там извечно так заведено: девочек и мальчиков лишают невинности их отцы и дяди...» Из этих слов и других разговоров на эту тему я поняла, что само представление об инцесте здесь «введено в норму». Позже, в городе Пиргосе, который также соседствует с Дунейкой, я долго обсуждала этот случай с местными мужчинами. И вот как эти греки пытались объяснить мне случившееся: «У них там отцы и дяди лишают девочек невинности, чтобы потом, во время свадебной ночи, мужья не сделали им больно. Ну, а мальчиков лишают невинности, чтобы они знали, как потом любить свою жену». Замечу, что последний аргумент часто приписывали Платону.

Однако мне рассказали и другое. Известно, что в этом районе как нигде много «somatebori» или «торговцев живым товаром». Как говорили мне многие греки, именно этот район поставляет наибольшее число проституток обоих полов, и сюда съезжаются иностранные туристы-педофилы.

И вдобавок ко всему вам многие скажут, что люди в этих местах все «чокнутые» из-за кровосмешения, которое там практикуется. Похоже, в этом районе психически больных действительно больше, чем в других районах Греции.

Случай №14

Этот последний случай не нуждается в комментариях. Я расскажу о преступлении, совершенном в деревне Эрмиони.

По данным Греческого института здоровья ребенка, каждая девочка из двадцати пяти и каждый мальчик из тридцати пяти являются жертвами инцеста, сопровождаемого насилием. Эти цифры столь ужасны, что кажутся невероятными. Однако...

Это преступление потрясло всю Грецию и долго оставалось главным событием для прессы и телевидения. В деревне Эрмиони, тоже на Пелопоннесе, сорокалетний маляр и отец пяти мальчиков и двух девочек, изнасиловал своего младшего сына шести лет. Чтобы помешать ребенку кричать, он заткнул ему рот и раздавил нос. Растерзанный ребенок умер от увечий и удушья. Вот какие пояснения дал сам убийца:

«Я не хотел его убивать. Я положил его потом на скамейку. А потом взял вилку и потыкал его в ноги и ягодицы.., чтобы проверить, умер он или нет...»

По мнению Жоржа Девере, «анализ большого числа не самых значительных фактов, иллюстрирующих распространенность явления, приводит к тем же выводам, что и глубокий анализ единичного факта». Он напоминал также, что если бросать одну монету тысячу раз в одном месте или бросить разом тысячу монет в том же месте, орел и решка выпадут одинаковое число раз. При глубоком изучении определенных реальных

фактов можно было бы несомненно отыскать параллели между ними и плохо переваренной мифологией.

Вместо заключения: вариации, и константы

Каковы источники и причины разнообразия приведенных мною вариаций инцеста, если рассматривать их в свете новой теории, разработанной Француз Эритье? Я думаю, между ними существует ряд отличий, которые позволяют их дифференцировать и классифицировать.

Прежде всего это, конечно, различие между инцестом первого и второго типа. Как я уже говорила, одно из преимуществ этой новой теории в том, что она позволяет многочисленные виды инцеста первого типа свести к инцесту второго типа. По этой теории, инцест второго типа можно рассматривать как самый настоящий инцест, являющийся по сути «первым». Вот почему эта теория, как я уже говорила, представляется мне всеобъемлющей и «экономичной»: она упрощает объяснение множества фактов. С этой точки зрения, она намного «выгоднее» тех психоаналитических теорий, которые мне известны.

Хотя есть разновидность инцеста первого типа, которая, между нами говоря, плохо поддается классификации. Я упоминала ее, рассказывая о районе Мани — это инцест первого типа между кузенами, к которому я добавляю инцест второго типа: два брата замкнуты на одной женщине, две сестры замкнуты на одном мужчине.

В связи с этим небезынтересно вспомнить, что до начала этого века в районе Мани, а может быть, и во всей Греции существовал обычай, именуемый «сигриа». Этот обычай позволял состоятельному мужчине — если жена не могла родить мальчика, — не разводясь с ней, взять вторую, а возможно, и третью жену, пока, наконец, одна из них не родит ему наследника. Это была своего рода «добровольная» или «вынужденная» полигамия.

Естественно, во время своих экспедиций я пыталась выяснить: брали ли в таких случаях в жены сестер или кузин своей первой жены? У нескольких сестер тогда был бы один муж. Но мне объясняли: какой же дурак женится на родных или двоюродных сестрах жены, если она бесплодна или не может родить мальчика — ведь ее кровные родственницы могут страдать тем же пороком. В данном контексте это объяснение звучит вполне логично. Хотя за этим объяснением может скрываться и другое. Я имею в виду не высказанный вслух, но укоренившийся в сознании запрет на инцест второго типа. Однако никто, даже намеком, не упоминал этот запрет.

Каким образом и в каких формах существовали для людей подобные запреты? Как нечто очевидное, что не нуждается в формулировках? Как неосознанное табу (что не означает «бессознательное» во фрейдистском смысле этого термина)? Или как необъяснимый для большинства людей завет предков, передаваемый из поколения в поколение?

Многообразные виды инцеста можно объяснить также различными социальными системами и различными понятиями о кровном родстве. Эти объяснения могут показаться банальными. Но я думаю, что даже в одном и том же обществе нелегко вывести прямую зависимость между запретом на браки между кровными родственниками и табу на сексуальные отношения, типом инцеста, практикуемым в повседневной жизни и запечатленным в мифологии. Это вытекает, например, из того, что я рассказывала о союзах в районе Мани и о предрасположенности к инцесту, проявляемой в реальной жизни и фольклоре.

И последний фактор, влияющий на различные проявления инцеста — это существование запретов и бытующего в обществе отношения к инцесту. Даже на одной и той же этнографической почве нужно разделять практику, тенденцию, которая порождает эту практику, и общепринятые правила; и одновременно — представления о них, отразившиеся, с одной стороны, в мифах, а с другой — в народных сказках, легендах, песнях и т.д. Все это очевидно, но при анализе этих различий не стоит отдавать приоритет,

например, реальной жизненной практике над нереальным, воображаемым миром сказок, мифов, фантазмов, слухов. Потому что одно вовсе не является непосредственным отражением второго, пусть даже искаженным. Так что этот вопрос еще требует ответа: какова же природа различных видов инцеста и от чего они зависят?

Гораздо проще, на мой взгляд, определить в этом феномене константы. Лучший способ выявить в данном случае общее в многообразии — это проверить справедливость гипотез, касающихся теории инцеста второго типа. Потому что эти гипотезы и теория хороши тем, что их можно тестировать. А в наших дисциплинах это бывает возможно крайне редко.

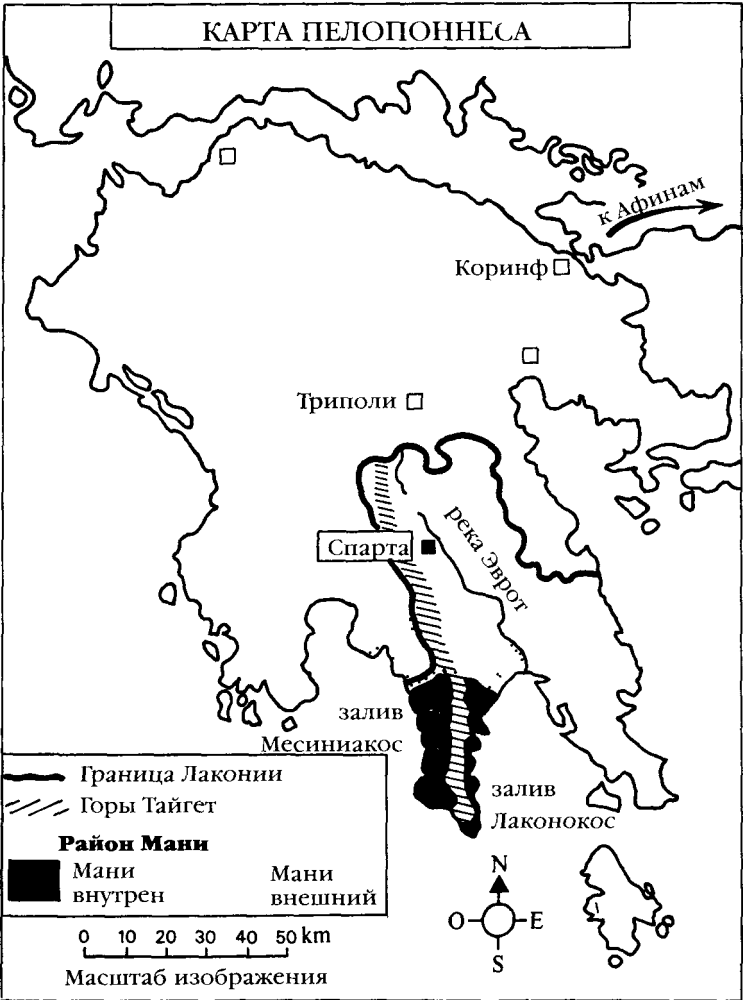

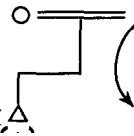
СХЕМА №1 ИНЦЕСТ ВТОРОГО ТИПА

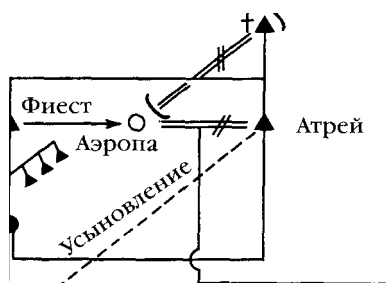
Две сестры замкнуты   Два брата замкнуты на одном мужчине   на одной сестре

СХЕМА №2

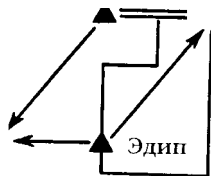
ИНЦЕСТ В РОДЕАТРИДОВ

Наяда

СХЕМА №5 МИФ ОБ ЭДИПЕ В СЕГОДНЯШНЕМ ОСВЕЩЕНИИ

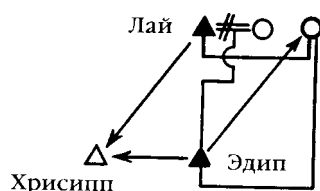

Лай -Иокаста

Хрисипп (сводный брат Фиеста и Атрея)

Эпикаста

Эвриклея

ДОМИНИК ВРИНЬО

РАСПЛАТА ЗА ОБЫКНОВЕННЫЙ ИНЦЕСТ

По проблеме инцеста существует уже столько различных трудов, толкований и даже вполне благопристойных объяснений, что мне — как судье по делам несовершеннолетних — довольно трудно браться за обсуждение этой темы. Но прочитанные мной работы, участие в семинарах, посвященных проблеме инцеста, и особенно моя повседневная практика, в которой я чуть ли не ежедневно имею дело с реальным инцестом, убеждают меня в следующем.

Когда мы сталкиваемся со случаями инцеста, стандартные подходы не годятся, и мы должны призывать на помощь все наше человеколюбие и гуманность. Потому что каждый раз мы можем повторить сказанное мне одним подростком, с которым я недавно беседовала: «Я не могу тебе ничего объяснить, потому что в моей голове нет слов...»

Кроме того, я убеждена, что счастливого инцеста не бывает. Конечно, для ситуаций, с которыми я встречалась в своей практике, характерны социальная неустроенность, личные и семейные неурядицы, но страдания, о которых рассказывают переживающие их дети или «бывшие дети», подтверждают, что они вовсе не считают свою ситуацию нормальной и не могут с ней свыкнуться. Все они могли бы сказать о себе то же самое, что и девочка-подросток, кричавшая при мне своей матери, которая также была жертвой инцеста: «У тебя украли твою жизнь! Но ты должна понять, что я—не ты!» Так выразила она хаос и смятение, которые внесла в ее жизнь инцестуозная ситуация, когда каждый должен спасать теперь другого, чтобы вернуть его к нормальной жизни.

Наконец, я считаю, что в инцестуозных связях — не двое, а на самом деле гораздо больше участников. С одной стороны, сексуальные отношения, которые подразумевают какое-то общение, «взаимный обмен» между партнерами, в данных случаях сводится к тому, что субъект полностью поглощается взрослым и становится лишь объектом его желания. С другой стороны, оба участника остаются неразрывно связанными со своим окружением. И ребенок полностью зависит от этого окружения, которое подпитывает и поощряет инцестуозные отношения.

От высказанных мною мыслей будет мало пользы, если не договориться, что значит самое понятие «инцест» и что за ним стоит. Если я буду стараться не выходить за границы правового поля, своих прав и обязанностей судьи по делам несовершеннолетних, то в этом случае судья как таковой не сталкивается непосредственно с соблюдением или нарушением запрета на инцест. А ведь инцест чаще всего — это не только сексуальные отношения с одним из членов семьи и одним из кровных родственников. Чаще всего ситуация захватывает куда более широкий круг лиц, и каждый новый случай отличается от предыдущих. И получается, что судья имеет дело не с моральными, религиозными и прочими законами, а с конкретными условиями жизни, которые создают родители для жизни и развития своему ребенку. Таким образом, мы вмешиваемся, когда выявляются сексуальные отношения, к которым ребенка «понуждают» или вовлекают в них «без понуждения», от случая к случаю или регулярно. Мы вмешиваемся также в тех случаях, когда подозреваем существование таких отношений или когда внутрисемейные отношения несут в себе угрозу для ребенка.

Так что обширное поле для нашей деятельности и нашего вмешательства обусловлено большим числом и разнообразием ситуаций, которыми должен заниматься судья по делам несовершеннолетних.

Несмотря на то, что в судебной практике существуют свои предрассудки и недостатки, я хочу отметить возрастание роли суда присяжных именно в делах, возбуждаемых по факту насилия, совершенного в отношении ребенка или в его ближайшем окружении. В городе Лилле, где я работаю, каждый из судей по делам несовершеннолетних открывает в среднем по пятьдесят-шестьдесят дел в год, основанием для которых служат подозрения на наличие инцестуозных отношений. К этому числу нужно прибавить еще ситуации, когда инцест выявляется уже в процессе судебного расследования, и в него вовлечены и дети, и кто-то из родителей.

Резкий рост подобных ситуаций, с которыми приходится сталкиваться судьям, объясняется многими причинами. Одна из них заключается в том, что мы, как отмечает Мишель Фуко, живем в «сексуализированном обществе, где властные структуры вызывают к телу, к жизни и к тому, что способствует скорейшему размножению, укрепляет вид и его мощь... и Закон стремится через секс управлять жизнью».

Вторая причина — в том повышенном внимании, которым пользуется ребенок в нашем обществе. Психологи говорят, что ребенок превратился у нас в «предмет роскоши, *must*», и общество должно всесторонне заботиться о его качестве и развитии. Нужно заметить, что прямую связь между плохим обращением, инцестом и насилием, допущенным в отношении ребенка, и вызванным этим серьезным, глубоким и длительным травматизмом, признали сравнительно недавно, причем именно медицинский мир первым выявил эту закономерность.

¹⁾ Must (англ.) — в данном случае: дорогостоящая потребность. (Прим. изд-ва)

Третья причина, способствующая распространению подобных ситуаций — это признание ребенка субъектом права, вследствие того, что ограничили юридические и социальные права отца и в целом — отца и матери — на ребенка. Закон не признает больше главенствующей роли отца в семье, он лишь определяет обязанности родителей и лиц, на которых законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего. Права самого ребенка, признанные Международной конвенцией и внутренним законодательством, приведены в соответствие с правами и обязанностями каждой из сторон.

Но каким образом это новое соответствие осуществляется в каждой семье? Становятся ли сын и дочь равными отцу и матери? И как действует закон в отношении инцеста в условиях этой новой реальности, эволюции законодательного права и возникающих в связи с этим проблем?

Отсутствие регламентации

Если мы попытаемся отыскать слово «инцест» в законах, которые регулируют отношения между частными лицами или организациями, то придется обратиться к Гражданскому кодексу, а в нем — к разделу «Супружество» и связанными с ним запретами.

Как подчеркивал Жан Карбонье, «компетенция запрещать из области права переместилась в другие области; современное право продолжает запрещать инцест, опираясь на сложившиеся религиозные, этические и общепринятые нравственные нормы.»

Это высказывание вызывает множество вопросов относительно возникновения и функционирования права, поскольку оно является лишь одним из элементов общественного устройства.

Что такое закон? Это особое правило, цель которого — внести определенную стабильность в способы разрешения конфликтов, причем его содержание составляют сами конфликты.

Запрет на инцест в этом смысле исключен из правового поля, регламентирующего запреты на инцест, поскольку происходит эволюция: введение ограничений или, напротив, отмена ранее существующих запретов на браки, определение родственных связей ребенка, в отношении которого совершен инцест. Однако при рассмотрении основополагающего права на вступление в брак юриспруденция склоняется к ограничительному толкованию узаконенного лимитирования.

Точно так же инцест никогда не рассматривается как проявление родительской власти в отношении ребенка, подвергнутого инцесту, или взрослой жертвы инцеста.

Ограничительное толкование запретов происходит с 1975 года, когда закон допустил браки между «своояками» по прямой линии в случае, если человек, благодаря которому возникли эти родственные отношения, уже умер.

И расширительное толкование практикуется, напротив, в случаях запрета на вступление в брак родственников, рожденных вне брака (закон от 3 января 1972 года), или запрета на брак между дебитором и кредитором или одним из них и близким родственником другого (статьи 342-7 Гражданского кодекса).

Однако на деле при ограничительном толковании запрета в каждой конкретной ситуации сталкиваешься со своими трудностями. Приходится выбирать между скрупулезным следованием букве закона и толкованием закона, при котором опираются на моральные или практические соображения, если родство или родственную связь невозможно с полной уверенностью установить посредством опознания или в судебном порядке.

Гражданский кодекс, провозглашающий запрет на вступление в брак, учитывает не только кровных родственников, но и людей, связанных между собой социальными и экономическими отношениями. Так, к запрету на вступление в брак людей, связанных между собой денежными отношениями (дебитором и кредитором), добавляется запрет на браки, возникающие после неполного или полного усыновления.

При обсуждении проблемы юридического регламентирования инцестуозных ситуаций, нельзя не учитывать общий уровень развития общества и науки. С точки зрения закона, мы сталкиваемся все с большими трудностями из-за размывания юридических принципов определения родства в случаях законного, а теперь и внебрачного союза, а также из-за того, что жизнь детей и взрослых становится все менее стабильной, но одновременно принимает все более разнообразные формы. Что же касается уровня развития

науки, то искусственное оплодотворение и зачатие «в пробирке» также порождают множество вопросов о возможностях реального или символического инцеста. Совершенно очевидно, что законодательство не предусматривает все эти ситуации, и при решении их приходится опираться на другие нормативные системы.

Кроме того, в отличие от законодательств других стран, например Канады и Германии, во Франции инцест не считается специфическим преступлением. Сам факт существования сексуальных отношений между близкими и кровными родственниками, даже если им запрещено вступать в брак друг с другом, не считается преступлением или проступком, заслуживающим наказания, когда речь идет о совершеннолетних. Новый Уголовный кодекс по большей части считает утловно наказуемыми те же деяния, что и предыдущие кодексы, однако новая редакция текстов статей проясняет мотивы законодателей: даже если само понятие «инцест» по-прежнему отсутствует и сексуальное поведение того или иного человека не является само по себе объектом закона, наказаниям подвергается поведение, которое наносит или может нанести вред другому человеку (насильственные действия сексуального характера) или общественному порядку (сексуальные посягательства, покушение на развратные действия, публичные развратные действия и т.д.). Если речь идет о понуждении к сексуальному сношению, то прежде всего учитывается физический вред, нанесенный потерпевшему (или потерпевшей); если речь идет о сексуальном преступлении в прямом смысле этого слова, то акцент переносится на состояние жертвы (уязвимость, половую незрелость), то есть моральный и нравственный аспекты.

Поскольку понятие «инцест» почти полностью отсутствует в области права, то, за некоторым исключением, не существует и наказания, напрямую связанного с возрастом виновника инцестуозной ситуации и степенью родства с потерпевшим. При определении репрессивных мер законодатель учитывает лишь: по понуждению или без понуждения совершались сношения, а в случае с несовершеннолетними учитывается их возраст. Так, сам факт половых сношений между взрослым родственником и подростками от пятнадцати до восемнадцати лет наказуем. Если дети не достигли пятнадцати лет, сама мысль о добровольном согласии полностью исключается. Нужно также отметить, что несовершеннолетние полностью освобождаются от наказания, даже если половые сношения происходили без понуждения, насилия, обмана или угроз.

Очень важно, что ответственность за сексуальное преступление падает не на несовершеннолетнего, а на взрослого и старшего по возрасту родственника, который никогда не должен «переходить границ». Существующее право узаконивает правило, исходя из которого несовершеннолетний должен *ipso facto*¹⁾ находиться под защитой взрослого и а *fortiori* своего старшего родственника. В связи с этим можно, конечно, задуматься об отношениях между несовершеннолетними братом и сестрой, или о ситуации, когда у несовершеннолетнего подростка «любовь» с девочкой четырнадцати лет, но завтра он достигает совершеннолетия и утрачивает право продолжать отношения со своей подругой, а должен дожидаться, когда ей исполнится пятнадцать...

Статья, которая предусматривает наказания за сексуальные преступления, допускает, на мой взгляд, расширительное толкование инцестуозной сущности сексуальных отношений между взрослым человеком, совершившим инцест, и несовершеннолетним. Так, обстоятельства, которые воспринимаются как определяющие и отягчающие, когда речь идет о близком родственнике, будут оцениваться точно так же, если речь идет о человеке, имеющем власть над ребенком. Уголовный кодекс запрещает сексуальные отношения с несовершеннолетними, даже если с взрослым человеком их связывает не родство, а жизнь в одной семье. Это относится к сожителю матери и человеку, под надзор которого ребенок был вверен на длительный срок. В данном случае учитывается характер зависимости (материальной, эмоциональной или психологической), которая существует между несовершеннолетним и исполнителем преступления.

¹⁾ *Ipso facto* (лат.) — в силу самого факта.

²⁾ *A fortiori* (лат.) — тем более. (Прим. изд-ва)

Не употребляя понятия «инцест», законодатели предоставляют тем самым право судье опираться в своих действиях не только на юридические, но и на морально-нравственные нормы. Так, сексуальное проникновение, которое совершает отец в отношении несовершеннолетней дочери, квалифицируется как изнасилование только в том случае, если оно сопровождалось угрозами, понуждением, жестокостью или обманом. За отсутствием этих обстоятельств судья может установить только развратное действие. Или судья должен настаивать на том, что понуждение все-таки имело место в силу эмоциональной, семейной, социальной и материальной зависимости дочери от отца и на основании этого квалифицировать и наказать его за совершение насилия? С другой стороны, когда при определении наказания за развратные действия учитывается зависимость, существующая между старшим и младшим по возрасту родственником (несовершеннолетним или совершеннолетним), то понятие «инцест» не принимается в расчет, если жертвой развратных действий младшего родственника оказывается старший.

Как видим, законодатель не вникает в моменты морального и эмоционального характера и особенности внутрисемейных отношений, его главная задача — вмешиваться в ход событий. И чаще всего это вмешательство совершается ради ребенка и защиты его интересов.

Не буду подробно рассказывать об обязанностях судьи по делам несовершеннолетних. Мне представляется более важным показать, каким образом правосудие, и особенно правосудие, занимающееся несовершеннолетними, может вмешиваться в инцест. При этом я хочу подчеркнуть, что судья, работающий с детьми, и сам ребенок занимают промежуточное правовое поле на стыке Уголовного и Гражданского кодексов. Ведь судья по делам несовершеннолетних должен вмешиваться в ситуацию еще до того, как возникнут сексуальные отношения между ребенком и кем-то из его окружения или будет нарушена его половая неприкосновенность. Он должен вмешиваться, когда еще только возникнет инцестуозная ситуация (хотя она и не прописана четко и ясно в Законе), которая угрожает ребенку или он вовлечен в нее, и эта инцестуозная ситуация способна нанести серьезный и реальный ущерб его развитию. Судья по делам несовершеннолетних опирается в своих действиях на статью №375 и последующие статьи Гражданского кодекса, в которых говорится об ограничении родительских прав, когда родители не способствуют нормальному развитию ребенка и не защищают его интересы и права.

В тех случаях, когда ребенку угрожает подобная опасность, дело возбуждает сам прокурор Республики. Но именно судья по делам несовершеннолетних обязан локализовать во времени и пространстве угрожающую ребенку опасность, и если это необходимо, вмешаться в поле действия родительских прав, а также принять необходимые меры. Решения, которые принимает судья, носят запретительный характер («то, что происходит в вашей семье, невыносимо и опасно для ребенка, вы не имеете права поступать подобным образом» и т.д.) и позитивный характер («есть перемены к лучшему: то, что вы делаете, отвечает правам вашего ребенка» и т.п.) Правосудие по делам несовершеннолетних в силу своей воспитательной функции, имеет главным образом характер переговорный, динамичный (так как постоянно приходится учитывать особенности времени и всех перемен) и исправительный. Поскольку законодательство не конкретизирует признаки опасности, которая может угрожать ребенку, то при определении угрозы, которую несут ребенку сексуальные злоупотребления, судьи исходят из юридических структур и состояния общества и науки о ребенке на данный момент.

На примере нескольких случаев я хочу показать, какие опасные ситуации возникают для детей. И одновременно мне хочется подчеркнуть, что новые проблемы требуют поиска новых юридических решений.

Опасна ли в юридическом смысле сама по себе инцестуозная ситуация для ребенка? Прежде чем дать прямой ответ на этот вопрос, необходимо осознать его правомерность. И порой, чтобы помочь ребенку, бывает достаточно всего лишь задаться этим вопросом. Однако приходится констатировать — и довольно часто, — что профессионалы всячески воздерживаются от того, чтобы задаваться этим вопросом. Сколько раз благодаря этому семья покрывала или выдавала за нечто совершенно безобидное самое настоящее

преступление или проступок, подлежащий наказанию! А общественное мнение, увы! никогда, не взрывается, когда становятся известны случаи изнасилования или убийства ребенка в семье... «Возможно, — пишет Ван Марк, — табу на инцест для нашего общества и для нашей культуры послужит предупреждением об опасности и одновременно поможет укрепить наши первоосновы. Если мы — как представители культуры — осудим инцест, то тем самым мы поспособствуем укреплению наших первооснов: семьи как таковой, нашей семьи». Сколь часто мы слышим, что люди не изобличают известные им факты инцеста, так как опасаются последствий, которые могут повлечь за собой их изобличения? Что означают рассуждения профессионалов о том, что последствия, вызванные изобличением инцеста, могут оказаться более пагубными, чем последствия самого инцеста? Предлогом для подобных суждений служит соблюдение профессиональной тайны, на которую столь часто ссылаются профессионалы и крайне редко — обычные граждане. А ведь «тайна» — это главный элемент инцестуозной ситуации: сохранить все происходящее в тайне — значит ограничить контакты, не допустить разглашения тайны и вмешательства правовых органов, то есть содействовать инцесту и способствовать его продолжению.

Задаться вопросом: существует ли опасность для ребенка? — это уже попытка ответить на этот вопрос, потому что она вынуждает обратиться к иным нормам и законам, что существуют в данной семье. Принципиальный и отличительный признак инцестуозной семьи — это в первую очередь ее изолированность, то есть замкнутость в самой себе. Законы, которые в ней царят, не вписываются в общую систему правил; для такой семьи не существует и закон, запрещающий инцест. Разве мы не знаем, что «глава семьи» становится в таких семьях чаще всего полубогом и сувереном, который учреждает свой собственный порядок и отменяет общепринятые запреты? В инцестуозной семье родительская функция всегда носит уродливый характер. Глава семьи здесь — «хозяин». А хозяин — это уже не отец, не супруг, не спутник жизни, не обычный человек.

Поэтому вопрос об опасности, угрожающей ребенку, является для нас жизненно необходимым. И кто же, как не правосудие, должно задаваться им в первую очередь? Признав необходимость самой постановки этого вопроса, мы сможем ответить: означает ли инцест серьезную опасность для ребенка? В том, что это именно так, нас убеждают и дети, и даже взрослые, которым пришлось столкнуться с инцестом.

Кроме того, опасность, которую несет в себе инцест, проявляется не только в сегодняшнем состоянии жертв инцеста или физических и моральных действиях взрослых, посягающих на половую неприкосновенность ребенка, но и в тяжелых последствиях, которые будут сказываться на протяжении всей его жизни. Такие признания, как «у меня украли мое детство» или выражение «ребенок, убитый инцестом» — не родились на пустом месте. Они отражают ощущение невосполнимой утраты или, вернее, неприятия возникающей подмены функций. А статус и функция ребенка таковы, что он «поглощается» взрослым.

Шесть случаев инцеста

Я вовсе не выбирала специально эти шесть случаев. Все это дела, которые на прошлой неделе легли на мой стол. И я думаю, что с подобными же случаями ежедневно сталкивается любой судья по делам несовершеннолетних. В конце я привожу схемы и таблицы — они помогут вам лучше понять контекст и суть того, что произошло в семьях, о которых я рассказываю.

История семьи Жак

Господин Жак вступил во второй брак с госпожой Анн, уроженкой Реюньона, к тому моменту расставшейся со своим спутником жизни, от которого у нее было четверо детей. От союза господина Жака и Анн родилось еще двое детей. Однако в 1985 году госпожа Анн умирает.

В ту пору семья жила еще в Реюньоне. После смерти жены господин Жак перевозит все семейство во Францию. Накануне отъезда бабушка со стороны матери говорит старшей девочке, которой в тот момент было одиннадцать лет: «Следи получше за своими братьями и сестрами, потому что мужчины проделывают всякие гадости со своими детьми».

Переехав с семьей во Францию, господин Жак официально усыновляет четверых детей своей покойной жены от ее первого брака.

В 1990 году в социальную службу поступает первый сигнал о подозрениях на инцест между господином Жаком и старшей дочерью. Спешно произведенные допросы и обследование выявили, что семья эта очень хорошо организована и все роли и функции в ней четко обозначены. Поскольку очевидные симптомы инцеста обнаружить не удалось, то об этом было заявлено в соответствующую воспитательную службу.

В 1993 году поступает новый сигнал — на сей раз о том, что младшие сестрички не ходят в школу, а мальчики подвергаются насилию со стороны господина Жака. Социальные службы снова обследуют семью, но заключения экспертов подтверждают результаты предыдущего обследования, произведенного в 1990 году.

Однако через неделю после сдачи этого отчета старшая дочь, которой было уже девятнадцать лет и она уже несколько недель жила отдельно от семьи, просит изолировать своих братьев и сестер от господина Жака, который с 1985 года занимается инцестом со своими родными и неродными детьми. Господин Жак признает все эти факты.

В процессе полицейского расследования старшая дочь показала, что в двенадцать лет родила ребенка под буквой «Х» (анонимно) и дважды делала аборты — в возрасте четырнадцати и пятнадцати лет. Она признается также, что с четырнадцати лет, считая себя ответственной за братьев и сестер, делала все, чтобы они жили вместе и чтобы ее отчим ни за что не привел в их семью свою новую подругу. В этом же возрасте она открыла, что отчим уже несколько лет имеет сексуальные отношения с двумя младшими дочками.

Что особенно примечательно для этой семьи, так это то, как ей удавалось поддерживать миф о своем благополучии. Как видите, никому извне не удавалось нарушить семейное единство. И только такие подспудные причины, как уход из семьи старшей дочери, снижение ее роли в семье, появление новой подруги господина Жака, привели в конце концов к разоблачению. В настоящее время, в связи с заточением господина Жака в тюрьму и отсутствием главы семьи, это семейство активно реорганизуется в социальном и юридическом смысле, стараясь, как я понимаю, избежать распада.

История семьи Л.

Эта история — характерный пример того, какие проблемы могут возникнуть из-за того, что вовремя не поверили признанию ребенка. Однако эта же история показывает, как большое семейство способно объединиться и сделать все, чтобы — с помощью правосудия — «освободиться» от мучительных тайн, мешающих этой семье нормально жить, а детям — развиваться.

Анн, младшая дочь госпожи Л. от ее первого и довольно-таки сумбурного союза, в 1990 году жалуется на непозволительное поведение ее отчима и уверяет, что его жертвами являются, помимо нее, две старшие сестры.

Во время начавшегося расследования вся семья дружно отрицала эти обвинения. И отнюдь не примерное поведение младшей дочки, которая в свои тринадцать лет уже убегала из дома, принимала наркотики и имела беспорядочные половые связи, побудило с недоверием отнестись к ее обвинениям. А поскольку девочка еще и отказалась от своих первоначальных показаний, то дело прекратили.

Между тем старшая сестра Анн забирает девочку жить к себе и обращается с заявлением о передаче ей

родительских прав в связи с ненормальным развитием и плохим поведением младшей сестры. Ее пожелание будет удовлетворено, но в процессе решения этого дела никто не принял во внимание предшествующее ему событие, которое произошло всего за несколько месяцев до этого. Однако в октябре 1993 года Анн вновь убегает из дома и заявляет, что опять подвергается насилию, на этот раз — со стороны мужа старшей сестры. Анн поселяют в общежитии. И хотя ее отчим остался совершенно безнаказанным, изоляция Анн вызвала в семье глубокий кризис. В результате госпожа Л. заявит, что сама подвергалась насилию, а ее старшие дочери подадут в суд на отчима, жертвами которого наравне с ними были и его законные дети.

Многочисленные допросы Анн, ее родителей, сестер и сводных братьев показывают, как тяжело приходится каждому из них. Но одновременно они получили наконец-то возможность заговорить о семейных тайнах, о которых каждый из них знал, однако до сих пор не решался кому-либо открыться.

История семьи Л.-А.

В этой истории речь идет о семейной группе, которую составляют три брата. Они происходят из семьи, где было семеро детей, но сегодня они не поддерживают никаких отношений со своей родной семьей, в которой росли до семи лет. В раннем детстве они подвергались насилию со стороны отца. Поэтому примерно в семилетнем возрасте мальчиков поместили в специальное детское учреждение, чтобы изолировать от родителей.

И все три брата прошли одинаковый жизненный путь: специальный интернат, лечение у психиатров, тюремное заключение. И уже с 1964 года ими непрерывно занимались судьи по делам несовершеннолетних.

Все они женились и более или менее стабильно живут со своими молодыми женами, у каждой из которых было тяжелое детство и нарушения в развитии.

Несмотря на конфликты, которые регулярно происходят между этими семьями, все они часто проводят время вместе, крестные отцы и крестные матери выбираются только в семейном кругу, и каждая семья, в случае необходимости, берет к себе под надзор детей из других семей.

Наличие инцеста было установлено и признано в семье младшего брата, хотя имелись серьезные подозрения на существование инцеста и в других семейных кланах. Кроме того, было известно о постоянных сексуальных отношениях между свояками и свояченицами.

У всех детей из этих семейств, уже изолированных от родителей или еще нет, наблюдаются серьезные нарушения в развитии. Всеми ими занимаются сейчас специальные службы.

Причем работать с этими детьми и возвращать их к норме довольно трудно, потому что процесс дифференциации, то есть индивидуализации означает для них предательство их прочно сложившейся семейной системы.

История семьи Т.

С этой семьей судебные органы впервые встретились в связи с сигналом, который поступил из социальной службы, а ту предупредила школа. Главное нарушение, которое было выявлено в этой семье — это жестокость, характерная для внутрисемейных отношений, и особенно драки матери с двенадцатилетней дочкой. Родители происходят из обеспеченной среды промышленной буржуазии.

Первый разговор с семьей состоялся в присутствии двух адвокатов — со стороны матери и отца. Родители не в разводе, но каждый защищает свой взгляд на вещи.

Вскоре младшая дочь Анни просит, чтобы ее также выслушали и чтобы ее представлял свой адвокат. Во время разговора с ней сразу же выяснилось, что в семье царит атмосфера войны: отец и дети проводят

воскресенья за забором на площадке, выстроенной в их владении для различных строительных работ; а мать заявляет, что ее муж и дети создали «вражеский лагерь», чтобы бороться с ней. Она так же уверяет, что удочери с мужем явно непозволительные отношения, потому что они не разлучаются часами, плетя заговоры против нее. Господин Т. не отрицает факты и объясняет, что с дочкой у него больше общего, чем с женой. Родители вспоминают также обстоятельства, при которых Анни была зачата (отец в день своего рождения силой овладел женой), и обстоятельства смерти младшего брата Анни, который умер в трехмесячном возрасте. И Анни добавляет: «У нас в доме всегда идет война, а я всегда должна быть миротворцем. Я прихожу к ним в постель, ложусь между ними и мирю их...»

Хотя на сегодняшний день сексуальных отношений между отцом и дочерью нет и отец даже не пытается их установить, существует очевидная опасность, что он может перейти к действиям, тем более, если сохранятся нынешние внутрисемейные отношения, сами по себе опасные для девочки.

Во время слушания этого дела судья признал необходимым обязать третью сторону (воспитательную службу) вмешаться в ситуацию, чтобы освободить младшую дочь от той неестественной роли, которую навязали ей родители.

История семьи Р.

Судебный процесс по этому делу еще не начался, но вот что нам удалось выяснить об этой семье после того, как был получен сигнал о существующем здесь инцесте.

Госпожа С. подозревает, что ее муж принуждает к половым сношениям ее шестилетнюю дочь Линдсей от предыдущего брака. Отношения госпожи С. с ее мужем, господином Р., носят сугубо конфликтный характер. И госпожа С. опасается, что ее муж (отчим Линдсей) подвергает дочку таким же извращениям, каким он подвергает ее саму.

История жизни госпожи С. — чрезвычайно сложная. До господина Р. у нее было несколько союзов, но с тремя старшими детьми от этих союзов у нее порваны все отношения. При этом дружественные контакты ее нынешней семьи ограничиваются одной-единственной парой, которая также имеет свою особенность: эту пару составляют бывший друг госпожи С. (отец Линдсей) и бывшая жена господина Р.

История семьи Д.

В этой семье только Коринн, старшая из семерых детей, не носит фамилию отца, потому что он не признает ее своей дочерью.

При поддержке тетки Коринн заявляет, что она страдает от сексуальных насилий, которым ее подвергают отец и один из дядюшек. Коринн временно передают на попечение этой тетки, но вся ее семья, очень многочисленная и замкнутая в самой себе, исключает девочку из своего клана.

Поскольку это семейство не желает общаться и с теткой, взявшей Коринн под свою защиту, то тетка в этой ситуации выбирает семью и отказывается заниматься Коринн, ссылаясь на ее лживость и плохое поведение.

Опросы взрослых членов этого семейства помогли составить портрет многочисленного, но очень замкнутого семейного клана, внутри которого возникают всевозможные союзы. Так, Коринн и ее младшая сестра завели себе «дружков» в своем же семейном кругу, где часты браки между свойственниками и кузенами, в то время как все ветви этого клана происходят от одних и тех же бабушки и дедушки.

Многочисленность и замкнутость этой семьи, с одной стороны, способствуют возникновению инцеста и передачи его из поколения в поколение, а с другой — затрудняют работу правоохранительных органов,

которым нелегко добиваться нормализации отношений в таком обширном семейном клане.

Закон, о котором право ничего не говорит.

Эти несколько примеров отражают повседневную работу судьи и сложность ситуаций, с которыми ему приходится иметь дело.

Однако они вовсе не исчерпывают то многообразие случаев, с которыми нам доводится сталкиваться.

Так получилось, что я привела лишь случаи, в которых инцестуозные отношения (или подозрения на них) затрагивают в основном отца (отчима) и дочь. Я не рассказывала о ситуациях, когда в инцест вовлечены отец и сын, мать и сын или мать и дочь.

Но было бы очень трудно охарактеризовать даже в общих чертах все ситуации или перечислить случаи, которые встречаются в повседневной практике.

Однако есть общие наблюдения, которые я могу кратко изложить:

- критерии социально-культурного уровня не являются определяющими;
- юридический статус семьи также не имеет значения;
- заявление о факте существования инцеста в большинстве случаев исходит извне или от пострадавшего ребенка;
- семья или семейная группа, где совершается инцест, — это чаще всего изолированная и ни с кем не общающаяся группа;
- инцестуозная ситуация чаще всего возникает не внезапно, — ей предшествует определенный культурно-исторический процесс, который готовит и делает возможной эту ситуацию;
- разоблачение ведет к кризису, с которым в большинстве случаев семья справляется, отрицая существование инцеста, или отказываясь от члена семейства, который создал этот кризис.

После того, что я только что сказала, возникает вопрос: какой смысл имеет в этих ситуациях вмешательство судебных органов?

Принятый в июле 1989 года закон о превентивных мерах против жестокого обращения с детьми по сути вменяет в обязанности председателю Генерального совета и Службе социальной помощи детям сообщать о каждой подобной ситуации судебным органам и в первую очередь — прокурору Республики.

Однако сегодня положение дел таково, что, по моему убеждению, правоохранные институты недостаточно подготовлены, чтобы эффективно бороться с подобными ситуациями. С одной стороны, инцест наглядно демонстрирует, как устарели классические схемы и привычные подходы к решению сложных проблем; с другой стороны, на различные инстанции возлагаются задачи, которые они не в состоянии или не должны выполнять. Несмотря на это я считаю, что судебное вмешательство, при всех оговорках и возможных нововведениях, необходимо, даже если его бывает недостаточно для решения проблемы.

Это трудная задача, потому что правосудие и право не всегда готовы к разрешению ситуаций, создаваемых группой.

И это деликатная задача в тех случаях, когда исполнитель преступления и жертва неразрывно связаны между собой, или когда юридическое решение, каким бы оно ни было, не может ограничиваться лишь одними мерами наказания, а должно быть и перспективным.

Мне также кажется, что юридическое решение проблемы инцеста, хотя он как таковой и не прописан в законодательстве, требует новых методов. Преступления сексуального характера, жертвами которых

являются дети, и тем более преступления против детей, совершаемые в семье, отличаются от всех прочих преступлений и вследствие этого требуют совершенно иных подходов.

И нужно признать, что в самое последнее время законодатели начали вводить новые меры наказания за совершение сексуальных преступлений в отношении детей и подростков.

Закон подчеркивает также, что несовершеннолетний ребенок или подросток психологически не способен заявлять на человека, который вовлек его в инцестуозную ситуацию. Таким образом, законодатели учитывают влияние и давление взрослого исполнителя преступления на несовершеннолетнего. Кроме того, закон признает необходимым назначать официального представителя для защиты прав несовершеннолетней жертвы своих родителей на всех стадиях судебной процедуры, признавая тем самым невозможность и неспособность родственников или человека, несущего ответственность за ребенка, представлять его интересы.

Помимо только что названных реформ необходимо отметить, что каждая инстанция, действуя в своей специфической области и во взаимодействии с другими инстанциями, должна очень четко представлять себе, какой ущерб нанесло расследуемое преступление и какие материальные и психологические последствия будут иметь принятые ею решения.

Когда речь идет о сексуальном преступлении, совершенном в семье, то при вынесении судебного решения нужно учитывать не только взаимоотношения между исполнителем преступления и его жертвой, но и внутрисемейные отношения в целом, потому что каждый член семьи прямо или косвенно способствует совершению этого преступления, и если судебное решение нарушает сложившийся семейный уклад жизни, то это может поставить под удар каждого члена этой семьи.

Все члены семьи, где совершается инцест, оказываются перед мучительным выбором: говорить правду или сохранить лояльность по отношению к семье, к родителям? Поэтому при принятии юридических решений столь важно предвидеть все возможные последствия.

На мой взгляд, лучше всего, когда сигнал о существовании инцестуозной ситуации поступает не из самой семьи, а извне. Никто не будет отрицать значимости самого наказания, которое должен понести виновный, но срок наказания и его условия для всей семьи значат гораздо меньше, чем сам факт признания вины.

По своему опыту я знаю, что как только исполнитель преступления объявляется виновным, то большая часть девочек-подростков испытывает облегчение, и в их состоянии намечаются явные позитивные сдвиги.

Для ребенка нет хуже ситуации, когда правосудие вообще не принимает никакого решения (например, из-за отсутствия состава преступления) и при этом не дает ребенку никаких объяснений. В этом случае несовершеннолетний усваивает только то, что правосудие не свершилось, а значит, оно не свершается и во всех других ситуациях. Потому что и ребенок, и взрослый, из-за которого ребенок страдает, должны понимать, что отсутствие приговора еще не означает отсутствие проблемы как таковой или что ребенок — лжец.

Органы правосудия — в случаях инцеста — должны более продуманно относиться к показаниям ребенка. Эти показания превращаются в очень сложную проблему, когда отсутствуют такие признаки, как следы побоев, дефлорация и т.д., и оперировать приходится только словесными признаниями и принципом, что признание — это еще не доказательство. Вполне реальны и даже нередки ситуации, когда ребенку не верят, так как он или она не могут вспомнить, какого цвета кальсоны были на их отце, или не заметили, что одно яичко у него больше другого.

Ребенок не может выступать в роли обвинителя своего палача. Он не приносит жалобу, он жалуется. Обвинять его обидчика должны специально уполномоченные для этого люди и инстанции.

С этой целью мы недавно создали в Лилле пока еще неформальную группу поиска и действия, которая на юридическом уровне объединяет представителей всех, кто готовит процесс. Главная задача этой группы — не только глубоко изучить ситуацию и подготовить почву для принятия юридического решения, но и обеспечивать взаимодействие между полицией, службами здоровья и правоохранительными органами. Так, в задачи судьи по делам несовершеннолетних не входит устанавливать существование инцестуозных отношений и заниматься расследованием фактов, он должен определить, способна ли семья и родители мобилизоваться, чтобы восстановить нарушенный порядок вещей и добиться необходимых перемен.

Однако какую пользу приносят судебное вмешательство и различные решения, если семья в результате их только закрепляет выявленные нарушения?

Возьмем, к примеру, случай с Сандрин — она сама заявила на отца, который упорно отрицал свою вину. Ее поселили в приемной семье, но она получила право дважды в месяц бывать у себя дома и видеться с братьями и сестрами. Пока отчим отбывал тюремное заключение, все шло нормально. При этом одновременно вели последовательную работу с матерью Сандрин.

Однако домой возвращается отчим, которого выпустили на свободу без всяких предварительных собеседований. Поскольку его освободили условно, и он продолжает оставаться под наблюдением правоохранительных органов, ему запрещено встречаться с Сандрин. Не желая рисковать и вновь стать причиной для тюремного заключения своего отца, девочка отказывается бывать дома.

Несмотря на беседы, которые провели отдельно с Сандрин, с ее семьей и отчимом, последний настаивает на том, что он — у себя дома, и раз его падчерице запретили с ним видеться, так пусть она сюда больше и не приходит.

Иными словами, отчим, по-прежнему не признающий себя виноватым и вновь вступивший в роль полновластного хозяина дома, нарушает юридические права своей падчерицы и заранее возлагает на нее ответственность в случае, если он снова нарушит закон и его опять водворят в тюрьму.

В результате Сандрин не видится больше с матерью, братьями и сестрами. Девочка находится в очень трудной ситуации, но еще не отказалась от своего решения, а отчим пока не позволяет себе ничего незаконного в отношении других детей...

Чтобы избежать подобных противоречий и ограничить возможный риск, судебное решение должно быть очень четким. Но от него не будет никакой пользы, если во время судебной процедуры судья по делам несовершеннолетних будет обращаться с ребенком как с «субъектом», отчасти или полностью «равным» тем взрослым, которые несут за него ответственность, а другие инстанции не будут точно также признавать его права.

Поскольку для инцестуозной ситуации в первую очередь характерно *слияние, поглощение*, то первостепенная задача судьи — *разделить*, то есть произвести символическое разделение, чтобы выявить личность ребенка или обозначить разницу между правами и обязанностями каждого участника; а также произвести физическое разлучение, удалив или изолировав взрослого, совершившего преступление. Правосудие располагает мерами, чтобы «форсировать» необходимую дифференциацию.

Эти меры и решения могут носить совершенно новый и разнообразный характер, но все они требуют высокой компетенции.

Я имею в виду и воспитательную работу, и терапевтическое вмешательство. В каких-то случаях целесообразно сохранять ребенка в семье, а в других ситуациях, напротив, приходится лишать его родителей родительских прав.

Поскольку законодатели не включили в закон понятие «инцест», можно сделать вывод, что он не угрожает основам общества. Но почему же тогда это самое общество взывает к правосудию, чтобы с его

помощью решать проблемы, прямо не прописанные законом? Значит, для решения их уже не достаточно этики, морали, религии и медицины, на которые ссылался Жан Карбонье?

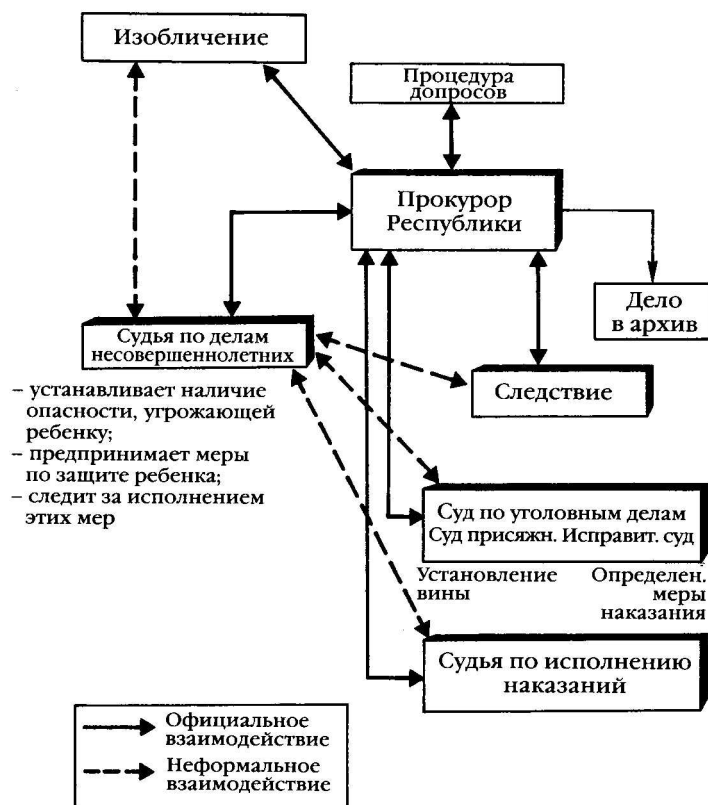
В общественном сознании распространение инцеста представляет собой очень серьезную угрозу для общества.

И главное — инцест несет смертельную угрозу ребенку и его личности. Ребенка превращают лишь в объект семейной системы и посягающего на него взрослого. Ребенок воспринимается не как продолжение своих родителей и несущих за него ответственность близких, он становится только одним из элементов чужой личности, частью другого, взрослого человека.

Ребенок — это новое поколение и одновременно мост, соединяющий два разных поколения, однако инцест не позволяет выполнять ему эту функцию. Ребенок — это уже не сумма двух различных структур и не целое, которое обогащается от других структур, потому что тот, кому он отдает и от которого должен получать, хочет видеть в нем лишь свое тождество.

И только ради этого, то есть ради права ребенка быть ребенком, а значит расти и развиваться под защитой взрослых, закон, который прямо не запрещает инцест, должен, по крайней мере, способствовать восстановлению нормального порядка вещей в тех случаях, когда он нарушается.

**СХЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ
И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ФРАНЦИИ
ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ МЕР НАКАЗАНИЯ
ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ,
СОВЕРШЕННЫЕ НА СЕКСУАЛЬНОЙ ПОЧВЕ**

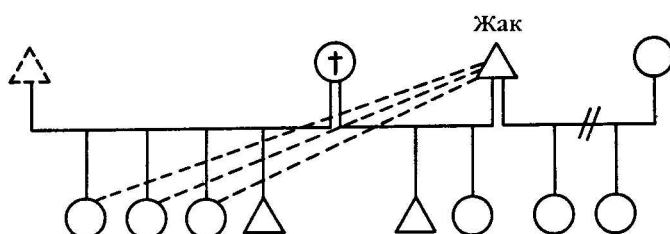
**МЕРЫ НАКАЗАНИЯ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ И СВОБОДЫ ЛИЧНОСТИ**

Преступления против половой неприкосновенности (ст. 222-22)	Состав преступления	Отягчающие обстоятельства	Мера наказания
Преступления против половой неприкосновенности (ст. 222-22)	Изнасилование (ст. 222-24)	Сексуальное проникновение Насилие Понуждение Шантаж, обман Угрозы	Без отягчающих обстоятельств Потерпевшему (ей) менее 15 лет Потерпевший (ая) изувечен (а) или стал (а) инвалидом Потерпевший (ая) беспомощен (а) Исполнитель - старший родственник или человек, пользующийся авторитетом Групповое преступление С применением оружия Преступл. повлекло смерть жертвы С особой жестокостью
	Развратные действия (ст. 222-27)	Насилие Понуждение Шантаж, обман Угрозы	15 лет лишения свободы (ст.222-23) 20 лет лишения свободы (ст.222-224) 30 лет лишения свободы (ст.222-25) Пожизненное заключение (ст.222-25)
Развратные действия (ст. 227-25)		Без отягчающих обстоятельств 1. с нанесением ран 2. исполнитель ст. родственник, человек, пользующийся авторитетом 3. злоупотребление авторитетом 4. групповое преступление 5. с применением оружия 6) потерпевший (ая) не достиг (ла) 15 лет или очень сильно травмирован или беспомощен (а) 1,2,3,4,5 - пункты в совокупности С особой жестокостью Пункты б) и 2	5 лет лишения свободы и штраф 500000 фр. (ст.222-27) 7 лет лишения свободы и штраф 700000 франков (ст.222-28) 7 лет лиш. своб. и штраф 700000 фр. (ст.222-29) 10 лет лиш. свободы и штраф 1000000 фр. 20 лет лишения свободы 30 лет лишения свободы
	Потерпевшему (ей) 15-18 лет Исполнитель - старший родственник или человек, польз. авторитетом у потерпевшего. Злоупотребление авторитетом Ст. 227-27		2 года лишения свободы и штраф в сумме 200 000 франков (ст.227-25)
	Потерпевшему (ей) менее 15 лет Исполнитель совершеннолетний	Без отягчающих обстоятельств Исполнитель - старший родственник или человек, пользующийся авторитетом Злоупотребление авторитетом Групповое преступление	2 года лиш. свободы и штраф 200000 фр. (ст.227-25) 5 лет лишения свободы и штраф в сумме 500 000 франков (227-25)

Условные обозначения,
используемые в схемах:

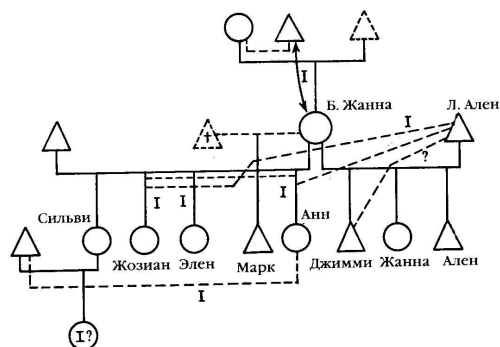
- △   мужчина
- женщина
- ┌─┴─┐   родственная связь
- ┌──┐   родственная связь между братьями и сестрами
- └──┘   брачные союзы и сожительство

Схема №1
История семьи Жак

У Жака от первой жены, которая умерла (+), было двое детей, мальчик и девочка. У покойной супруги от первого брака было три дочери и один сын. От второй жены, с которой Жак развелся (//), у него две дочери. Жак имеет инцестуозные отношения с тремя удочеренными падчерицами, которые не являются его биологическими родственницами (инцест второго типа).

Схема №2
История семьи Л.

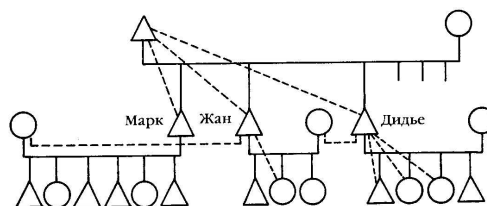

Жанна (в самом центре схемы) имела инцестуозные отношения с сожителем своей матери. От первого брака у Жанны — четыре дочери, от умершего друга — сын Марк, а от нынешнего мужа Алена — дочь и два сына. Обследование показало, что у ее мужа Алена — инцестуозные отношения с тремя дочерьми его жены от первого брака (Жозиан, Элен, Анн) и, по всей вероятности, с собственным сыном Джимми.

Сильви, старшая дочь Жанны от первого брака, замужем, и ее муж имеет инцестуозные отношения (второго типа) с одной из сестер своей жены Анн.

166

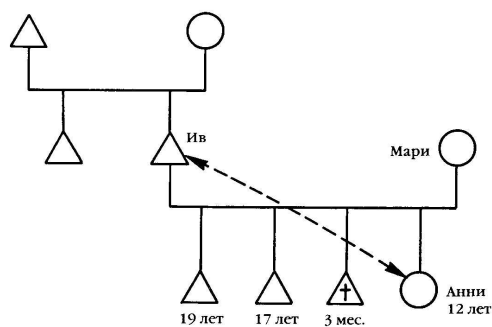
Схема №3
История семьи Л.-А.

Марк, Жан и Дидье были жертвами инцестуозных отношений, которые имел с ними их отец. Все трое — женаты. У Жана — инцестуозные отношения с его свояченицей, женой Марка (инцест второго типа), а у Дидье — с женой Жана (тот же тип инцеста). Одновременно у Жана — инцестуозные отношения с его дочерью, а у Дидье — с его двумя дочерьми и сыном.

167

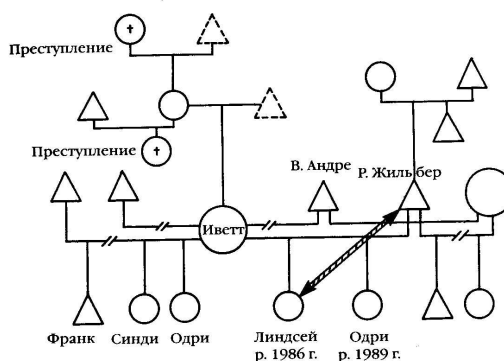
Схема №4
История семьи Р.

У Ива и Мари четверо детей (один ребенок умер в трехмесячном возрасте). Мари подозревает своего мужа Ива в инцестуозных отношениях с их двенадцатилетней дочерью Анни.

168

Схема №5
История семьи Р.

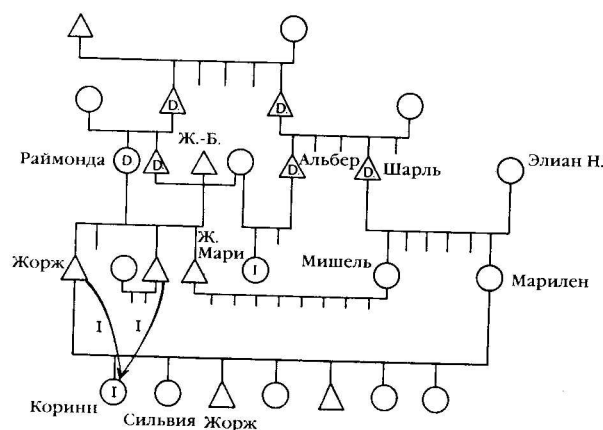

Иветт родилась в семье, в которой на протяжении двух поколений подряд совершались преступления. У Иветт было четыре брачных союза, от которых у нее пятеро детей. Ее нынешний супруг Жильбер ранее был женат на женщине, которая стала супругой Андре — одного из предыдущих мужей Иветт.

У Андре и Иветт — общая дочь Линдсей, с которой Жильбер имеет инцестуозные отношения (двойной инцест второго типа: отчим и падчерица). Андре и Жильбер связаны инцестом через двух супруг и дочь одного из них.

169

Схема №6
История семьи Д.

В этом семейном клане — сплошное кровосмешение. Два брата Д., принадлежащие самому старшему поколению, имеют, каждый от своего брака, по двое детей: у одного — сын и дочь Раймонда, у другого — сыновья Альбер и Шарль.

Альбер делит жену со своим кузеном — сыном своего дяди (инцест второго типа). Шарль женится на Элиане, а его кузина Раймонда выходит замуж за Ж.-Б.

Среди их детей два брака между кузенами: Жан-Мари женился на своей двоюродной сестре Мишель, а Жорж женился на кузине Марилен. Брат Жоржа и Жана-Мари тоже женат.

Если взять только младшие поколения, то у Жоржа, похоже, инцестуозные отношения со своей старшей дочерью Коринн. И она же является жертвой своего дяди.